

Все события и персонажи книги вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми и ситуациями случайно.

ГЛАВА 1.

«Ну, чё, Александр!? Задание у меня для Вас. Нужно оперативненько, в течение месяца, прогнать список профучётников. Комиссия скоро из Краснодара, а у нас по профучётникам все сроки нарушены», - отряхивая мокрый снег с сине-белого казённого бушлата сказал начальник Психологической лаборатории колонии строгого режима.

«Опять Кабанина приедет?» - спросил его подчиненный, психолог Психологической лаборатории.

«Она самая! Кто ж ещё!? Опять приедет и кучу говна накопает. Так что, не тяните и скоренько, скоренько».

«Хорошо Сергей Сергеич, сделаю».

«Заявки были на сегодня?».

«Нет, все тихо».

«А Стас приходил уже?».

«Сейчас вызову его, - Александр взял из небольшой стопки маленьких, размером с визитку, листочков верхний из них. Раздолбанный принтер с трудом уложил краску, и буквы едва просматривались. Вписав фамилию осужденного, номер отряда в котором он отбывал назначенный ему срок, дату и, поставив свой автограф, он посмотрел на своего начальника. – Кислый с Плюсом на месте?».

«Я не смотрел. Узнайте...», – рассеяно ответил Сергей Сергеич, уставившись в монитор.

Напротив кабинета психологов, через узкий коридор, за деревянной дверью со стекольными вставками, находилось довольно просторное помещение – Комната сотрудников отдела воспитательной работы с осужденными, ОВРО. В яркие, жизнеутверждающие, согревающие и вдохновляющие цвета, согласно давней тюремной традиции, стены зоновских помещений не окрашивались никогда. Темно-зеленый, с мрачными нотками, фон, стертый до дыр линолеум, давно не беленый потолок, дешевые, часто ремонтируемые, столы и стулья, являлись нормой. В этом же помещении коротали дни два зэка: дневальный ОВРО Плюс и дневальный замполита Кислый.

Увидев входящего в комнату психолога, с пропуском в руке, Плюс скорчил недовольную мину, но в рамках приличия.

«Александр, – затараторил Плюс, поблескивая очками с толстыми стеклами, - при всем уважении, но бегать с квиточками у меня нет возможности! Я очень занят!».

Милым, с оттенками малоросской глубинки, словом “квиточек” зэки называли пропуск, выдаваемый для беспрепятственного выхода из отряда.

«Позовите нашего дневального», - не обращая внимания на его слова, Александр положил пропуск на стол перед ним.

«Хорошо», - резко сменив тон, покорно ответил зек.

«Ну чё, Александр, Стас уже идёт?» - спросил Сергей Сергеич у вернувшегося подчинённого.

«Сейчас Плюс его позовёт».

«Ну так чё, с кого начнёте?» - спросил Сергей Сергеич.

«С суицидников конечно, как обычно. А что, есть какие-нибудь предложения?».

«Конечно есть! – Сергей Сергеич улыбнулся. Нужно заметить, что начальник психологической лаборатории улыбаться любил, но не умел. Съехавшие набок растянутые тонкие губы и обнаженные зубы походили скорее на оскал не очень крупного хищника. – Вы ещё не знаете, что пришла телеграмма от директора».

«На Ваше имя?».

«Не говорите ерунды! Конечно же на имя начальника нашей колонии. Вот, полюбуйтесь, – Сергей Сергеич протянул Александру листок напечатанного текста, но сразу же отдернул свою руку. – Хотел дать Вам её прочитать, но, пожалуй, не положено Вам. В двух словах, могу сказать, что поскольку очень вырос, в последнее время, рецидив преступлений, связанных с половой неприкосновенностью и зеки освободившись из мест заключения, совершают повторные преступления... Соответственно, обычные меры воспитательного воздействия неэффективны и в связи с этим, директор требует, чтобы осужденных за преступления сексуального характера... короче, нужно приглядывать за ними и сопровождать их пока они “сидят”, и делать это нужно и гласными и негласными методами, чтоб понять, что они будут делать на воле. Опять же, может какие-нибудь “висяки” будут раскрыты. Короче говоря, будем проводить индивидуально-психологическую работу...».

«Ну, всё понятно. Хотя, в основном, это задача опер. части, а не Психологической лаборатории».

«Не только оперативники, но и мы должны... и беспощадно! Так что, начинайте с насильников», - подвел итог Сергей Сергеич.

«Да как скажите. Сейчас Стас придёт и начнём».

«Александр, у меня к Вам будет ещё одна просьба... Как Вы относитесь к Зое Космодемьянской?» – неожиданно спросил Сергей Сергеич, внимательно рассматривая компьютерный монитор.

«Странный переход от насильников, к героической девушке, – Александр внимательно посмотрел на своего начальника. – Да как отношусь... Хорошо отношусь. А что?».

«А к Иосифу Виссарионовичу Вы как относитесь?» - вместо ответа спросил Сергей Сергеич.

Александр решил не отвечать на этот, как ему показалось, провокационный вопрос и просто пожал плечами.

«Тут вот какое дело... - Сергей Сергеич достал из своей сумки две деревянные фотографические рамки. – Я на “промке” заказал и... нужно их повесить в нашем кабинете».

В изделия промышленной зоны, обошедшиеся Олегу Сергеичу в две пачки дешёвых сигарет, были вставлены портреты Владимира Владимировича и Иосифа Виссарионовича.

Не потерявший актуальности верховный главнокомандующий смотрел, как и всегда, добрыми глазами и ласково улыбался, а растворившийся в вечности главковерх был занят рутинной управления государством и что-то писал, покуривая неизменную трубку.

«Ну, как Вам?» - спросил Сергей Сергеич, не глядя на собеседника.

«А где их повесить?» - спросил Александр пристально всматриваясь в своего шефа.

«Да вот, прямо здесь, – Сергей Сергеич указал на стену напротив входной двери. – По бокам от часов. Только, нужно как-то ровненько повесить. Вы уж постарайтесь!».

«Путин, это понятно, но Сталина зачем? Что нам скажут посетители нашего кабинета?».

«А вот мы и проверим! Это очень хороший тест на...», - запнулся Сергей Сергеич.

«На что? Что мы будем исследовать с помощью лика товарища Сталина?».

«Я Вам потом объясню. Главное, повесить ровно. Это все-таки военизированная организация!».

«Сергей Сергеич, может быть повесим пейзаж или натюрморт!? В крайнем случае, портрет Фрейда... Но как можно сочетать Иосифа Виссарионовича со снижением уровня тревожности и отсутствием суицидальных мыслей!?».

«Это техника, в которую я пока не могу Вас посвятить...».

Александр снова внимательно посмотрел на своего начальника.

«А еще, – продолжил Сергей Сергеич, - о человеке можно судить по реакции на орла. Вам нравятся орлы?».

Александр на всякий случай кивнул головой.

«Хочу на “промке” заказать статую орла. Только я не знаю, справятся ли они!? На сейф поставлю орла, а напротив входа будет висеть портрет товарища Сталина. Прошу Вас, не откладывая, заняться портретами, а я пока отлучусь, примерно на час», – и вышел из кабинета.

Потоптавшись на пороге, чтобы сбить снег с ботинок из “рыбьей кожи”, в кабинет вошел тридцатилетний не высокий парень, широкий в плечах, с внешностью борца.

Шабалин Станислав Андреевич, осужденный (произнося это слово необходимо делать ударение на букве “у”) на пять лет за разбой и грабёж, имевший за плечами две ходки.

«Здравствуйте, Александр, – дневальный, сняв шапку, присел на стул, стоявший у входа. – А Сергеич где?».

«Ушёл. Дал задание и ушёл, – ответил Александр. – Нужно эти портреты на стенке повесить. Сможете раздобыть дюбеля, молоток и рулетку?».

«Схожу в режим. бригаду, может у них найдётся. Кого-нибудь сегодня вызываем?».

«Да, Нахальчикова А.С. из вашего отряда. Что Вы можете о нём сказать?».

«Видите ли, Александр, дело такого рода, что я с ним особо общения не имею, – ответил Стас. – Туалет моет и “проходняк” перед ним. Слышал, что много эпизодов у него было... Не знаю, что еще сказать. Александр, у Вас сигаретка найдётся?».

«Да, конечно, угощайтесь, – психолог не курил, но сигареты носил с собой постоянно. – Начнём с портретов, а потом пригласите Нахальчикова».

«Сейчас всё будет, – заверил дневальный, доставая сигарету из протянутой ему пачки. – Я “квиточек” сразу Нахальчикову передам».

«Как хотите».

Вернулся он минут через тридцать, держа в руках коробку из прозрачного пластика, служившую, в прошлой жизни, контейнером для овощей в холодильнике. Ныне же она была заполнена болтами, гайками, шайбами и гвоздями разного размера, но одинаково ржавыми.

«Сейчас всё будет!» - обнадежил Стас и пропал ещё минут на сорок.

«Рулетку принесли?» - спросил психолог у вернувшегося дневального.

«Откуда у них рулетка!?» - дневальный с недоумением посмотрел на психолога, как будто тот попросил у него разыскать электронный микроскоп.

Вздыхнув, психолог отмерил одинаковые расстояния от часов с помощью тетрадного листа в клеточку и нарисовал карандашом на стене два крестика.

«Забивайте гвозди», - сказал он Стасу.

Два гвоздя были легко загнаны в мягкую известковую штукатурку, под которой скрывалась стена из ракушечника.

«Ну, как?» - спросил он у дневального, после того, как портреты были выровнены относительно боковых стен и потолка.

Стас не ответил, долго рассматривая изображение вождя мирового пролетариата, после чего перевел взгляд на психолога и спросил: «Сергейч опять “загонять” начал?».

Александр развел руками: «Я удивлен и... озадачен не меньше Вашего».

«Я “квиточек” отнёс, он будет в назначенное время».

«Если есть такая возможность, пусть придет сейчас», - попросил психолог.

«Я тогда из отряда сегодня больше приходить не буду», - просительно сообщил дневальный.

«Без проблем».

Из окна Психологического кабинета открывался вид на широкий зоновский двор. Чёрные зековские бушлаты резко контрастировали со снежным фоном, бело-голубая форма инспекторов отдела безопасности делала черно-белый решетчато-бетонный мир ярче, наряднее.

Крупные хлопья мокрого снега, отвесно падая с серого неба, накрепко прилипали к робе и форме, делая одинаковыми тех и других.

Хриплый динамик, искажая голос говорившего до неузнаваемости, объявил баню для третьего отряда.

В дверь Психологического кабинета не постучали, а нерешительно поскребли.

«Войдите!» - пригласил психолог.

«Вызывал?» - переступив порог, в кабинет вошёл сутулый зэк с погасшими глазами и плотно закрыл за собой дверь.

«Представьтесь, пожалуйста», - попросил психолог.

«Осужденный Нахальчиков. А по какому праву! Я ничего не сделал!» - Нахальчиков повысил голос, но его глаза оставались безжизненными.

«Да Вы не волнуйтесь. Это стандартная процедура, – тихим голосом объяснял психолог. - Все осуждённые, раз в год, должны пройти психологическое обследование. Это касается не только лично Вас, но и всех других осуждённых. Не волнуйтесь. Напомните, пожалуйста, как Вас зовут?».

«Антон!» - всё также громко ответил Нахальчиков.

«А отчество?».

«Сергеич».

«Присаживайтесь, пожалуйста, вот здесь, - Александр указал на мягкий диван, обитый дерматином, стоявший напротив его стола. – Вам удобно?».

«Удобно! Некогда мне тут “порожняки” гонять, у меня дел по самое ку-ку!».

Входя в Психологический кабинет, зеки не считали нужным представляться по полному чину, и, по возможности, переводили свой голос в режим “на два тона выше”, в особенности, осуждённые с низким статусом.

«Так чего вызывали то!?».

«Я понимаю, Антон Сергеевич, что Вы занятой человек и у вас крайне мало свободного времени, но согласитесь, что в кабинете психолога лучше, чем на отряде, а, срок так или иначе, идет. Никаких тестов, никаких бланков, просто пообщаемся минут десять. Согласны?».

«Может вам мое дело почитать? Там, наверное, обо мне все написано».

«А с чего вы взяли, что я хочу говорить о Вас? Есть и другие не менее интересные люди, о которых можно было бы поговорить».

«Так их и приглашайте! Я-то здесь причем?!».

«Антон Сергеевич, как Вы думаете, почему преступники совершают преступления ночью?».

«А вы точно психолог?».

«Сложный вопрос...».

«Слабенькие вопросы задаете. Нет бы в гипноз меня погрузить и все выведать, а то задаете детские вопросы. Почему преступления совершаются ночью... Свидетелей меньше. Дураку понятно, что ночью

опознать тяжелее. Ночью все одинаковые, и мужчины, и женщины. Никто не отличается. Как Вы можете понять, кто там притаился в тени, ночью? А может там вообще никого нет и просто показалось? А может там кто-то все-таки стоит? А? Как это понять ночью?».

«Должно быть это приятно, стоять ночью в тени, подальше от света фонарей и окон, наблюдать за тем, как люди испытывают страх».

«А вы попробуйте».

«Когда-нибудь... Так я не ошибся? Люди, проходящие мимо того места, где притаился преступник, действительно испытывают страх?»

«А то как же. Там же хищник. Вот идете Вы по лесу, ночью. А город – это тот же лес. А в кустах стоит волк и смотрит на Вас, а? Страшно?»

«Беда у меня, Антон Сергеевич, с фантазией, беда. Вот Вы мне описываете жуткую картину. А я ее себе представить не могу. Не получается...».

«А вы точно психолог?».

«Надеюсь, что да».

«Психолог без фантазии... Что же такое все отстойное на Зоне, перловка без мясной подливки, и психолог без фантазии... А у Вас точно психологическое образование?»

«В этом нет никаких сомнений, у меня диплом есть. Поможете мне, Антон Сергеевич. Как этот волк выглядит?»

«Здоровенный такой волчара, черного цвета, с огромным... хером! Согласитесь, жуткая картина».

«Соглашаюсь. А может это не хер, а хвост?».

«Да что я хер от хвоста не отличу, что ли?».

«Насколько я понимаю, основное... оружие волка - это клыки и когти, а вовсе не...».

«Так он же не жрать вас собирается».

«Об этом я не подумал. Антон Сергеевич, это Вы очень образно сравнили город с лесом».

«Так у меня же фантазия хорошая».

«Это да. Лес, волки, зайцы, хищники, травоядные. В городе точно также. Волки... они же днем спят, а ночью охотятся... Дааа... А Вы встречались с такими волками в своей жизни?».

Антон Сергеевич быстро посмотрел в зеркало, висевшее на стене напротив него, затем впери́л свой взгляд в пол и отрицательно покачал головой.

«Скажите, Антон Сергеевич, а зачем волку огромный... “болт”? Если для продолжения рода достаточно нормального размера, или даже чуть меньше?».

«Ну вы даете! Это же символ власти!».

«Понял, понял. Действительно, символ власти. Дааа... Волк - животное серьезное».

«Жеванной морковки жрать не будет...».

«Жеванной морковки?».

«Мне так бабушка в детстве говорила: «А жеванной морковкой тебе в рот не плюнуть!».

Забавная у меня была бабуля. Она у меня с причудами была. Контролировала, сколько я съел борща с помощью линейки».

«Как это?».

«Да очень просто. Брала линейку и измеряла в кастрюле уровень борща. Если я съедал меньше нормы, она меня этой линейкой могла отхерачить. А линейка у нее была огромная, такая... как у портных. Деревянный, такой, метр».

Серийный насильник, Антон Сергеевич, надолго замолчал, о чем-то размышляя.

«Сны-то вы разгадывать умеете, я надеюсь?».

«По возможности...».

«Часто сон вижу, один и тот же, как наяву. Ей богу не вру. Короче, вижу себя как бы со стороны. Будто бы я лежал в ванной, но ни то чтобы в ванной, а в ванной комнате. Большая такая комната. Не то, чтобы огромная, а именно большая. А ванна, в которой я лежал, была сделана из железа».

«Из стали?».

«Да, точно. Из стали. Стены и пол облицованы кафелем. Беленький такой кафель. И вот лежу я в этой ванной без воды. Она не наполнена водой. Точнее... как бы это сказать... я лежу в ванной, но не воде, а как бы парю в воздухе, понимаете? Кажется, что не вода налита в ванную, а воздух. А я хочу лежать в воде. И смеситель есть, и бойлер на стене. И трубы идут от бойлера к смесителю. А к бойлеру подходят провода. И лампочка на бойлере горит... красная. Вода должна быть. Горячая такая приятная вода. Всё сходится к тому, что вода должна быть горячая и приятная. Я решил открыть горячую воду. Но не то, чтобы горячую, а теплую. Теплую, приятную воду. И знаете, я жду, что сейчас побежит теплая вода. Ну, сначала холодная истечет, а потом обязательно потечет теплая. Приятная такая теплая вода. Но потекла ледяная. И течет, и течет. И течет, и течет. И уже набралась полная ванная холодной такой, неприятной воды. Я лежу в ванне, в холодной воде. И мне сначала

было неприятно, а потом стало больно. А потом не то, чтобы больно стало, а даже мучительно. Всё мое тело начало болеть от холода. Как-то меня всего скрючило. А я ещё лежал не с той стороны. Знаете, лежать в ванной нужно не с той стороны, где смеситель, а с другой. И вот эта вот мерзкая вода на меня льётся и льётся, льётся и льётся. А потом появились руки в белых медицинских таких резиновых перчатках, и вынули из этой ванны. Ну, думаю я, закончились мои мучения. И что Вы думаете? Кладут меня эти руки на холодный стол. Стальной такой медицинский стол какой-то. И лежу я на этом столе, а время идёт. И идёт оно, скажу я вам, без удовольствия. А как вы думаете, после ледяной ванны, да на холодном железном столе. И вот проходит уже порядочно времени, и появляется рядом со мной какой-то “фраер”, на доктора похожий, но, почему-то, в фартуке как у мясника. И начинает меня на части разделять: сердце вынул и на стол положил рядом со мной, печень, селезёнку, лёгкие. Короче, весь ливер из меня вынул и в рядочек сложил. Потом взял какую-то пилу, и давай мне “шарабан” распиливать. Распилил мне “шарабан” и мозг вынимает. И тут меня “цепануло”, оскорбился я, короче. Эта падла с таким равнодушием мой мозг держала, как будто это кусок холодца. Как же так, гражданин психолог? Мой мозг, и с таким равнодушием?».

ГЛАВА 2.

«На площадке, пожалуйста», - попросил Александр водителя маршрутки.

Протестуя взвизгнув тормозами, машина встала как вкопанная на широком забетонированном участке перед колонией. ”Площадка” – слово нейтральное, призванное заменить пугающие слова: “зона, тюрьма”.

Подпирающий небо забор, колючая проволока, решётки из арматуры, хмурые автоматчики, напряжённо вглядывающиеся внутрь периметра – всё это производит впечатление гиблого места, откуда вернувшись, человек никогда не бывает прежним.

Затрещал электрический звонок, спустя пол минуты раздалось электрическое жужжание, и шумно сработал ригель; железная дверь, ведущая в накопитель КП № 1 открылась. Снова треск звонка, электрическое жужжание, щелчок ригеля и Александр вошёл в окружённый с четырёх сторон решётками коридор размерами два на метр.

«Сто восемьдесят шесть», - сообщил он номер своего пропуска сонному охраннику, покорно ждущему окончания своей смены в небольшой комнате, отделённой от проходящих мимо него толстым стеклом и неизменной решёткой из арматуры. Медленно, куда ему торопиться, охранник начал водить пальцем по бумажкам с номерами, прикрепленным под ячейками в деревянном ящике, стоявшем слева от него. В ячейках лежали удостоверения сотрудников со вложенными в них пропусками.

«Паспорт», - произнёс охранник.

В ответ Александр просунул в небольшое окошечко свой паспорт, телефон и кошелёк с деньгами, отрезая связь с внешним миром. Вложив телефон и кошелёк в одну из ячеек ящика, висевшего у него за спиной, а паспорт бросив на стол перед собой, охранник выдал Александру металлический жетон с номером ячейки и пропуск. Ежедневный утренний ритуал был окончен.

Электрическое жужжание, щелчок ригеля и ещё одна решётчатая дверь открылась. Закрыв её за собой, Александр услышал щелчок, затем электрическое жужжание и массивная металлическая дверь, ведущая в

Зону, открылась. Захлопнув её, Александр спустился вниз по ступенькам и пошёл к очередной решётчатой двери по узкому проходу, сформированному справа серой стеной здания, в котором располагались учебные классы зональной школы и опер. часть. А слева, увенчанном колючей проволокой забором из крупноячеистой сетки, сквозь которую отчётливо просматривалась произведённая со знанием дела и, можно сказать любовью, контрольная полоса. Там же, слева, натужно лаяли сторожевые псы внушающей уважение породы. Звонок, электрическое жужжание, щелчок ригеля, дверь открылась и Александр прошёл в рабочую зону, состоявшую всего из двух цехов. Выбитые стёкла, облезшая краска, отвалившаяся штукатурка, отслоившаяся известь – на цехах лежала печать запустения. Оставшиеся с советских времён, знаки высокоразвитой цивилизации: электрические лебедки, механические краны и другие хитрые приспособления, призванные облегчить труд осуждённых покрылись толстым слоем твёрдой, многослойной ржавчины. ”Объект № 4. Отв.: Пухлов А.С. - перв. зам”, сообщала облезшая табличка, висевшая на длинном, белом скелете теплицы, рядом с цехами, уже давно прошедшей период полураспада и вступившей в пору распада полного. Сквозь тепличные рёбра и пустые глазницы к свету Божьему тянулась всякая трава полевая, а вовсе не овощи, богатые витаминами, минералами и клетчаткой.

Производственную зону от жилой отделяли ворота из пригодной для всех случаев зональной жизни сетки рабицы, и приземистое здание поста Отдела безопасности.

Звонок, электрическое жужжание, щелчок ригеля, узкий коридор между двумя большими смотровыми окнами, рамка металлоискателя, отчаянно пищавшая каждый раз, когда сквозь неё проходил кто-нибудь из сотрудников.

«Здравствуйте, господа сотрудники», - поздоровался Александр с нетерпеливо ожидавшими возможности уйти домой, инспекторами.

«Здравствуйте, господин психолог, - ответил один из инспекторов. Господин психолог, у меня психологическая проблема...».

«Какая?».

«Я не хочу работать, а хочу домой».

«Это нормально. Вот если бы вы не хотели идти домой, а хотели бы остаться на работе возник ли бы вопросы».

Миновав все эти кордоны, Александр вышел в жилую зону, повернул направо и поднявшись по ступенькам вошёл в двухэтажное здание Социального отдела. Зимний утренний полумрак начал рассеиваться. В локальные сектора, небольшие прямоугольные дворики перед бараками, выходили зеки. Едкий сизый табачный дымок повис облаком в морозном воздухе. Некоторые из них, кто парами, кто в одиночку, измеряли быстрыми шагами “локалку”. Минут за пять до объявления утренней поименной проверки зеки выстраивались перед входом в локальный сектор в колонны по пять человек.

В кабинет вошёл Сергей Сергеич и положив маленькую сумку в которой могла бы поместиться лишь пачка сигарет на железный ящик исполнявший функцию сейфа, ткнул пальцем в кнопку включения компьютера.

«Ну чё, Александр, кто-нибудь из этих пидарасов приходил?» - спросил начальник Психологической лаборатории. Слова “пидарас”, “пидор” Сергей Сергеич произносил часто, делал он это со вкусом, улыбаясь похотливой кривой улыбкой и глаза его блестели.

«Не понимаю о ком Вы, Сергей Сергеич».

«О насильниках, о ком же ещё!».

«Нахальчиков вчера был».

«Ну, и как он? Вешаться не собирается? Нам еще одного удавленника не хватает для того, чтобы рейтинг нашей колонии вниз пошел».

«Нет. Этого нет. Сон рассказал... и...».

«Ерунда! – махнул рукой Сергей Сергеич, теряя интерес. – Мне сегодня в управление нужно... О! Опять этот цирк!» - Сергей Сергеич привстал со стула, опершись кулаками о стол, и со злобой уставился в окно, выходящее на крыльцо соц. отдела.

Небольшого роста осуждённый, худощавый, с оттопыренными ушами, неопределенного возраста, медленно, словно на казнь, поднимался по ступенькам. Взойдя на крыльцо, он повернулся лицом к жилой зоне, обнажил голову, в нарушение режимных правил, сунул правую руку за отворот бушлата, а левую руку, державшую шапку по-ленински, вытянул вперед и начал громко, так чтобы слышала вся зона, декламировать стихотворенье, в ещё большее нарушение режимных правил.

«О Боже, как мне одиноко,

И как найти свою любовь?

Красивых леди очень много

Ко мне приходят лишь из снов.

И все прекрасны как богини,

Глаз невозможно оторвать.

Люблю проект я “лишь бикини”,

Им всем готов любовь свою отдать!

А как славяночки прекрасны!?
Как грациозны и нежны!
Моя любовь к вам не напрасна,
Вы кошечки моей страны!
Люблю восточных я девчонок,
Китай, Британию люблю!
Прекрасный пол люблю с пелёнок,
Без вас не вижу жизнь свою!
Ещё люблю я негритянок,
Американочек хотелось бы обнять!
Планеты всей люблю смутьянок,
Моя Багира, ты должна об этом знать!
Я обращаюсь к Разуму Вселенной,
Коль не могу со всеми быть!
Насколько хватит сил и рвенья,
Побольше постараюсь надкусить!».

Раздался смех и жидкие аплодисменты младших инспекторов. Прижав левую руку к груди осужденный поклонился и не разгибался до тех пор, пока не прекратились хлопки в ладоши. Затем, он с достоинством спустился с крыльца, к нему уже спешили два сержанта.

«Вот же гнида, этот Барсик! – с чувством произнёс Сергей Сергеич. – Не мог найти себе другую сцену!? А!? Обязательно было нужно около нашего кабинета!? А!? Он полгода в ПКТ просидел, видно понравилось. Опять туда рвется».

«А в чём проблема? Посадят за нарушение режима», – сказал Александр.

«У него почерк каллиграфический, он стенгазеты пишет на отряды. Осталось ещё три. Так что, пока не закончит, не увидит своей любимой камеры...».

Сержанты, почтительно придерживая под локти поэта по прозвищу Барсик, проводили его в барак.

«Да что он понимает в женщинах! – не мог успокоиться Сергей Сергеич. – Отсидел большую часть жизни по тюрьмам и зонам и ещё что-то о женщинах рассуждает. Пидарас. Надкусил бы он... Надкусыватель хренов. А ну ка мы его сейчас позовём и спросим! Александр, выпишите на его имя пропуск».

«Барсов кажется?..».

«Да, Барсов Игорь Викторович».

«Всем доброе утро!» - постучавшись в кабинет, вошёл дневальный.

«На ловца и зверь бежит! – обрадовался Сергей Сергеич. – Александр выпишет пропуск, а Вы, Стас, отнесите этому... Барсов. Пусть он немедленно придет! Немедленно!».

«Барсику что ли?» - уточнил дневальный.

«Ему, ему. А Вы слышали его... стихотворение?» - спросил Сергей Сергеич.

«Слышал, – ответил Стас, не поддержав ироничного тона Сергей Сергеича. – Чувствительный такой стишок».

«Чувствительный... – проворчал Сергей Сергеич. - Берите пропуск и несите!».

Через десять минут на пороге Психологического кабинета появился Барсик.

«Скажите, – обратился Сергей Сергеич к Барсику, уставившись в стол, за которым сидел, - что Вы себе позволяете? Что за цирк с конями Вы тут устраиваете на пороге Социального отдела? Скажите, Барсов, Вы в колонии строгого режима или в кукольном театре!?».

«Как много хочется сказать,

Но что-то сдержует уста.

Не страх, что могут не понять,

А то, что свет объяла темнота», - ответил Барсик в стихотворной форме преданно глядя на Сергея Сергеича.

«Прекратите паясничать, когда разговариваете с майором внутренней службы! – зло выпалил Сергей Сергеич бледнея. – И снимите шапку, когда разговариваете с майором внутренней службы, да ещё и в Психологическом кабинете!».

«Этикету не обучен,

В институтах не кончал.

И в невежестве дремучем,

Смысл жизни я искал» - ответил Барсик послушно стянув шапку.

«Игорь Викторович, а кто такая Багира? – спросил Александр. – Я вот тут даже записал. Где же это... ага, нашёл. «Моя Багира, ты должна об этом знать!»».

«Багира... - Барсов мечтательно закатил глаза, - это собирательный образ женщины. Умная, гибкая, мягкая, тренированная,

решительная, покладистая, неукротимая. Иногда она является мне в видениях, в предутреннем зыбком сне, когда, словно мираж, исчезают эти ненавистные стены. Она приходит и... всё случается».

«Это называется поллюции...» - желчно заметил Сергей Сергеич.

«Она желанна, но её легко спугнуть грубостью, хамством, сквернословием. Она перестала являться ко мне с тех пор, как я поднялся из “ямы” на отряд. Вы понимаете? Это невыносимо!».

Барсик закатил глаза и, молитвенно сложив руки, начал:

«Ах, Багира дорогая,

Чувств моих не описать.

Без тебя я лишь страдаю,

И хочу тебя обнять!

Закрыв глаза твой образ созерцаю,

В моем сознание только ты.

По облакам с тобой гуляю,

На гребнях чистой высоты.

Мечта нас вдаль с собой уводит,

С любовью в райские сады.

Там чудеса и счастье ходит,

И исполняют мечты.

И стоит лишь тебе подумать,

Чудес откроются врата.

Любой каприз тебе на память,

Исполнит в раз моя мечта.

Смогу доставить тебе радость,

Ведь ты, любимая моя!»

«Красиво. Даже мне, человеку, ничего не понимающему в поэзии, понравилось. Значит, Вы хотите в “яму”?» - спросил Александр.

«Хочу, – преобразившись в зека, просто ответил Барсик. – А Вы можете это устроить?».

«А зачем Вам “яма”? Что хорошего в каменном мешке?» - просил Александр.

«Я за полгода в ПКТ прочитал восемьдесят шесть книг, я о многом подумал. Хочется покоя, тишины и одиночества. В зоне, это V.I.P. условия».

«То есть Вы, таким образом, хотите улучшить условия содержания!».

«А чем плохо? Отовариваться в ларьке я могу, посылки ко мне приходят, хоть и реже, и, при этом, тишина и покой».

«Барсов, - Сергей Сергеич немного успокоился, - давайте с Вами договоримся, Вы больше не читаете стихи перед окном Психологического кабинета, а я поговорю с начальником отряда, чтобы он перевел Вас в “яму”. Договорились?».

«Во время написания этих прекрасных стенгазет, на меня находит непреодолимое вдохновенье заставляющее меня декламировать стихи. Нельзя ли избавить меня от стенгазет?».

«Это не в моей власти... - развел руками Сергей Сергеич. – А разве Вы единственный, с каллиграфическим почерком?».

«Беда пришла откуда не ждали. Разве мог я предположить, что пострадаю из-за своих каллиграфических способностей? Так значит, нет?».

«К сожалению...», - вздохнул Сергей Сергеич.

«Тогда, временами, я буду вынужден отдаваться во власть вдохновения...», - смиренно произнес Барсик и вышел из кабинета.

ГЛАВА 3.

Притворяющийся золотой рыбкой карась с вислым хвостом и широкими плавниками энергично вращал выпуклыми глазами, плавая в зеленоватой воде “одиночной стеклянной камеры” стоявшей на журнальном столике. Подплывая к стеклу, покрытому налетом, он пытался разглядеть существо, сидящее на стуле рядом с аквариумом, уж не хищник ли, не опасен ли?

«Хорошо кормят? В бараче тепло?» - спросил Александр у сидящего напротив.

«Могли бы и получше кормить... А в бараче холодно. Шестнадцать градусов тепла, когда по нормативам должно быть восемнадцать. Я сквозняков боюсь. Можете обращаться ко мне по имени отчеству», - тучное тело осуждённого расплылось на мягком стуле.

«Евгений Евгеньевич, я ко всем обращаюсь по имени отчеству. А разве у вас там есть сквозняки? Окна пластиковые поставили, по идее, сквозняков не должно быть».

«Очень холодно и сквозняки есть. По ночам у меня руки крутит, – хнычущим голосом рассказывал о своей нелегкой жизни Евгений Евгеньевич.

«Значит кутит? К врачу обращались?».

«А как же они болеть не будут, если я целый день с холодной водой да на сквозняке? Представляете, целый день с холодной водой, а ведь сидеть то мне еще много лет. На многие годы судьба моя расписана – мыть полы холодной водой. Хорошо еще летом, я думаю, а зимой? Почему нельзя воду подогреть? Согласитесь, если бы я мыл полы теплой водой, руки по ночам у меня не крутило бы».

«Евгений Евгеньевич, Вы же здесь недавно?».

«Да, с осени».

«А в связи с чем Вы здесь оказались?».

«Из-за своей статьи...», - уклончиво ответил Евгений Евгеньевич, почесав голову, чем вызвал настоящий снегопад перхоти.

«Ну, статья у Вас не очень хорошая... развратные действия в отношении несовершеннолетних. Я, Вас, Евгений Евгеньевич, не сужу. Я не судья и не прокурор, у меня здесь другие функции. Я это к тому, что люди со статьями подобными Вашей выполняют в колонии функции уборщиков, тут уж ничего не поделаешь. Но, если Вы будете выказывать недовольство, то Вас будут бить на отряде».

«Я этого не хочу!» - плаксиво заметил осужденный.

«Если не хотите, то Вам придется принять существующие условия. Вы выросли в полной семье?».

«Да, с папой и с мамой».

«Родители алкоголь употребляли?».

«Папа пил, а мама уже умерла, в две тысячи одиннадцатом году».

«Вы женаты?».

«Нет. Но женщин у меня было много, разных, много», - в аквариуме карась недоверчиво завращал глазами.

«Значит Вы не девственник».

Евгений Евгеньевич согласно закивал головой и густо покраснел.

«Хобби у вас есть?».

«Мне музыка нравится, компьютерная техника, фотографии. Ещё я часто ходил в спортзал и занимался единоборствами», - заплывшие жиром глазки Евгения Евгеньевича быстро посмотрели на Александра.

«Значит, женаты Вы не были, и детей у Вас нет».

«Детей у меня никогда не было, но я жил за счёт этого, и...».

«Вы сказали, что детей у Вас нет, но Вы живете за счет этого, что Вы имели ввиду?».

«Когда я такое сказал?» - Евгений Евгеньевич испуганно посмотрел на Александра.

«Только что».

«Я такого не говорил! Я работал грузчиком!».

«Ну, хорошо... С кем Вы... общались, с мальчиками или девочками?»

«С девочкой, но я ничего плохого с ней не делал, это всё враньё! Меня оклеветала её мать! А с Аней я ничего плохого не делал, хотя она была моей девушкой. Мы так с ней решили, что она будет моей девушкой», - Евгений Евгеньевич закрыл глаза пухлой ладошкой.

«Сколько ей было лет?».

«Десять».

«К её половым органам прикасались?».

«Нет! Только... обнимал и целовал. Неужели это не понятно, мы были парой!?».

«Евгений Евгеньевич, какие могут быть отношения между тридцативосьмилетним мужчиной и десятилетней девочкой?».

«Я знал её маму, мы учились в одной школе, только она на пять лет меня старше. Она могла бы простить меня, но она забыла. Забыла, что мы в одной школе с ней учились. Как же она могла забыть!?».

«Напомните, пожалуйста, как звали вашу десятилетнюю “подругу”?»

«Анна Викторовна!».

«Анна Викторовна?».

«Да, а что? Обычное имя. А что такого?».

«Ничего, просто уточнил. Как Вы познакомились с Анной Викторовной?».

«Её ко мне брат привел. У меня много компьютерной техники, а молодые девушки любят компьютерные игрушки. У меня и на телефоне были интересные игрушки и на компьютере, очень интересные».

«Брат... это её брат?».

«Да, да, её брат Артёмка. Сначала он ко мне приходил, а потом уже и Анну Викторовну привёл. Они у меня часто вместе играли».

«А сколько Артёму было лет?».

«Одиннадцать».

«Вы его тоже обнимали и целовали?».

«Нет, ну что Вы, как можно? Я бы никогда... как вы могли такое подумать!? За кого Вы меня принимаете!? Как Вы могли... Вы меня не

оскорбляйте, пожалуйста! Вы, что меня... за педофила держите, мне Вас так понимать!?»).

Запах не очень чистого тела, руки, покрытые загнивающими царапинами, замусоленный бушлат, ботинки с налётом какой-то дряни – обычный облик “опущенного”, во всех смыслах, человека.

«Не нужно волноваться, Евгений Евгеньевич, я ничего такого не думал. А фотографией Вы увлекались?»).

«Ещё бы! У меня была очень хорошая “зеркалка”, такая... если бы Вы знали, как я скучаю по маме... Как же мне здесь плохо, если бы Вы знали, дорогой доктор, как мне здесь плохо. Здесь же одни преступники!» - Евгений Евгеньевич снова захныкал.

«Я не доктор, а всего лишь психолог. О чём мечтаете, Евгений Евгеньевич? Бывает же у Вас свободная минутка и что-то... о чём-то же Вы должны мечтать, чтобы отвлечься от... окружающей действительности».

«Мечтаю... ни о чём я не мечтаю. А вот, бывает, вспоминаю спортзал, эти... как их... боксерские груши. Боксёрские груши...» - Евгений Евгеньевич беззвучно заплакал.

За окном шёл снег. Крупные снежинки медленно падали пытаясь задержаться в воздухе как можно дольше. Александр смотрел в окно, думая о чём-то своём. Отрешившись от окружающей действительности, уронив голову на грудь мерно сопел Евгений Евгеньевич, видя во сне ласковую, горячо любимую маму, гладившую его, семилетнего мальчика, по голове. На ней было белое платье, и она держала в руке букет из полевых цветов. Ослепительно яркое солнце, вставшее за её спиной, просвечивало её шелковистые длинные волосы. Женечка радостно смеялся, глядя в её голубые глаза, смутно предчувствуя долгую и счастливую жизнь.

К обеду появился Сергей Сергеич.

«Приходил этот пидарас?» - спросил Сергей Сергеич, отогревая свои окоченевшие руки дыханием. Одет он был не по погоде, в осеннюю куртку с капюшоном и зауженные брюки.

«Попцов Евгений Евгеньевич? Был», - ответил Александр.

«Ну и чё он интересного рассказывал?».

«Да... как сказать.... Подозреваю, что он детской порнографией торговал».

«Откуда такие выводы?» - оживился Сергей Сергеич.

«У него промелькнуло в разговоре, что он жил за счёт детей, я так понимаю, которых приглашал к себе. Компьютерной техники много было у него, а значит был и интернет. Кроме того, он увлекался фотографией и фотоаппарат у него дорогой был. Но я не стал углубляться в этом направлении. Зачем мне, я же не следователь? У меня другие функции в отношении зеков».

«Вот это зря Вы так думаете. Мы же все в одной упряжке, и мы, и опер. отдел, и следователь в следственном комитете, и граждане, пострадавшие от этих пидарасов. Мы все должны беспощадно их выявлять и наказывать. Они же, все эти насильники, педофилы и прочие растлители... они же, как только в Зону попадают, сразу начинают строить из себя стремящихся к исправлению. Выпадают, так сказать, из поля зрения... основное-то внимание уделяется нарушителям режима. Я к чему это веду... за хорошее поведение, их же по УДО отпускают за примерное поведение и добросовестное отношение к труду. Понимаете, к чему я веду?».

«Сергей Сергеич, по-человечески я понимаю, я бы его и сам голыми руками придушил, но это как-то непрофессионально. С одной

стороны, я должен оказывать зекам психологическую помощь, а с другой – “оперу” стучать. Предлагаете нарушить тайну исповеди?».

«Да, да и еще раз - да! Если понадобится, то да! Эти приспособленцы спят и видят всякий разврат, а мы ещё и УДО для них? Хер им на воротник! Я думаю, Александр, что Вы подумаете и сделаете правильные выводы в пользу сотрудничества с опер. отделом, а они уже будут информировать территориальные ОВД об намерениях этих уродов. Или Вам их жалко?».

«Не жалко мне их... но я не вижу необходимости... я думаю, что это неправильно усложнять их жизнь и без того сложную. Они получили по суду своё и несут этот отмерянный им срок. А сверх этого, тем более психологи, навешивать на них не должны. Я так считаю».

«А я, как начальник психологической лаборатории и майор внутренней службы, говорю Вам, что... Вы чё, самый умный!? Начальник Вам говорит, а Вы кобенитесь! А мне в свою очередь замполит задачу поставил, а ему, в свою очередь... Или Вы себя считаете умнее замполита?».

«Не вижу я в них зеков... скорее пациентов или клиентов».

«Это плохо! Вы психолог ФСИН, а не какой-нибудь там... И давайте к этому разговору больше не возвращаться!».

Без стука вошёл начальник третьего отряда майор Черемисов Павел Валентинович.

Ранее Павел Валентинович возглавлял отдел кадров колонии и его рабочий кабинет находился в штабе, за пределами зоны, можно сказать, на воле. При переходе на российские правила и стандарты выяснилось, вдруг, что в документации отдела кадров бардак и “конь не валялся”, что никакой полезной работы не велось, да и вестись не могло, по причине

отсутствия соответствующих знаний и навыков у начальника отдела кадров. Но, так как Павел Валентинович был человек заслуженный, можно сказать сторожил, его не изгнали, а перевели на другую работу.

«Сергеич, надо протестировать троих с моего отряда», - повадками и внешностью Павел Валентинович напоминал медведя, большую часть времени флегматичного, но, при необходимости, хитрого и жестокого.

«А чё там?» - спросил начальник Психологической лаборатории.

«УДО», - ответил Павел Валентинович, нависая над столом.

«Ну, пиши заявку».

Взяв с полки бланк и вписав в него начальные буквы фамилий осужденных и не указав инициалы, Павел Валентинович, с чувством хорошо выполненной работы отдал заявку Александру.

«Ты сам-то их как характеризуешь?» - спросил Сергей Сергеич.

«Положительно. Они работают, - ответил Черемисов. – Ты слышал, Сергеич, выступление намечается на праздник. Зеки какую-то программу готовят...».

«Бал-маскарад?» - Сергей Сергеич криво усмехнулся.

«Да не знаю я точно, но что-то делают...».

«Александр, Вы тогда идите в кабинет псих. разгрузки пусть зеки там бланки заполняют, здесь их всё равно посадить негде. Идите приготовьте там всё, а когда они сюда из отряда придут, я их к Вам перенаправлю».

«Хорошо. Обогреватель где стоит?».

«Да вот в ящике железном возьмите. А там, кстати, розетки уже починили?».

«Понятия не имею, но возьму на всякий случай, вдруг работают».

ГЛАВА 4.

Взъерошенный Сергей Сергеич измерял шагами Психологический кабинет, два шага вперед и два шага назад, словно в одиночной камере. Минут пять. Подойдя к железному ящику и провернув в его замочной скважине ключ, с брелоком в виде крысы, он вынул из него пачку дешёвых сигарет. Вытащил одну сигарету, повертел её, понюхал, снова засунул в пачку. Постоял задумчиво перед открытой дверцей железного ящика, с силой швырнул пачку с сигаретами в его утробу и захлопнул дверцу.

«Ну что за твари! Чтоб вы всё сдохли, пидарасы гнойные! Александр, верите или нет, у меня уже геморрой с кулак!? Я нормально на стуле сидеть не могу! - Сергей Сергеич продолжил измерять шагами кабинет, яростно шипя. – Чуть что выкинет какой-нибудь мудозавр, сразу к психологам бегут! Конечно... здрасьте, давно не виделись... Ваша фамилия Мудошвили, а по призванию Вы мудильник? Тогда Вам к психологам...».

«Что случилось, Сергей Сергеич?».

«Вызывает меня замполит и передаёт мне вот это письмо, – Сергей Сергеич передал Александру распечатанный почтовый конверт. – А в нём... Эта гнида Олексеенко, он же у нас на проф. учёте состоит?».

«Да, как склонный к совершению суицида и членовредительству».

«Ну вот! Этот самый Алексеенко, каким-то образом передал на волю письмо, мимо цензуры, на имя нашего “хозяина”».

«Начальника колонии?».

«Ну да! А замполит теперь напрягает нас с Вами: «Поработайте с Алексеенко, чтоб с ним всё было в порядке». Он, что, сломанный каблук, чтоб его можно было, вот так запросто, взять и починить!?».

«А что же он написал?» - любопытствовал Александр.

«Вот, в слух прочитайте, я хочу ещё раз им насладиться...».

«Богохранимый Хозяин, - начал читать Александр, - я, Алексеенко М.С., прошу Вас простить патриарха Украины, владельца ковчега Иисуса Христа, и патриарха России, владельца копья, которым убили Иисуса Христа, а с ними и весь церковный и священнический чин и презентовать им Вора, для которого я выпросил корону у местного батюшки. Со всеми вышеуказанными благолепными иерархами прошу Вас, дорогой Хозяин, согласовать распятие Вора перед митрополитом симферопольским и крымским Лазаром, а также перед Центральным аппаратом Украины и перед Центральным аппаратом России.

Так же, прошу, в ходе этих действий обеспечить мне и моим родственникам до седьмого колена, а также моим друзьям и друзьям моих друзей, до седьмого колена, личную безопасность. Рождество Христово прошу праздновать по закону в ночь с шестого на седьмое января, за счёт чёрного нала нашего богохранимого учреждения. Знаю, дорогой Хозяин, что Вы человек кроткий и человеколюбивый, который льна курящегося не угасит, и небелый нал почитает, - закончил чтение Александр. – Загадочное письмо... Что бы это всё могло значить?».

«Где этот Алексеенко!?».

«Сейчас у дневального узнаем».

Через сорок минут в кабинет вошёл зек маленького роста, лопоухий, с умными глазами, закрыл за собой дверь, но не прошел дальше порога, а так и остался стоять у двери, держась правой рукой за её ручку, растерянно глядя на Сергея Сергеича.

«Олексеенко, - начал Сергей Сергеич, не глядя на него, - Вы знаете, почему крымчан не любят в больничке в Адыгее? Не знаете!?».

«Я знаю другое... Человеки не живущие по законам Инь и Янь, будут изгнаны, как свиньи из бесов, в ШИЗО Отца моего Небесного, чтущего чёрный нал и не предавшего его анафеме!».

«А я Вам скажу, Олексенко, почему в Адыгее не любят крымских. Потому, что крымские привыкли жаловаться, ныть и... а не сидеть спокойно, не беспокоя начальство! Я Вам прозрачно намекнул!?».

«Когда я пью чай, я всё время слежу, чтобы “вторяки” между зубами не застревали при полной луне, иначе наш дорогой Хозяин, исполняющий волю Иисуса Христа, не сумеет отделить козлиц от овец».

«Максим Семёнович, сразу видно, что Вы очень, скажем так, оригинальный человек, пишущий необычные тексты. Могли бы Вы взять на себя труд и внятно объяснить, чего конкретно Вы хотите», - попросил Александр.

«Чужие, неапостольские, писания читать “западло”. Или это Хозяин прислал его вам со Святым своим Духом?..».

«Со Святым Замполитом! - крикнул Сергей Сергеич, скорчив гримасу. – В “дурку” захотел!?».

«Наш богохранимый Хозяин лапти своим овцам не навешивает, и при коммунистах не ломил. А те, два, люди хоть и высоко стоят, но с чёрного нала долю малую имеют, что не по Фэн-шую. Аллах и Будда не

одобряют, что чёрное и белое смешалось и блатная музыка играет в ушах нашего богохранимого Хозяина».

«Я вижу, Алексеенко, что ты в ШИЗО давно не парился! Да? Вот сейчас комиссию соберут, а мы тебе характеристику напишем, что ты можешь содержаться в одиночке! - с угрозой в голосе сказал Сергей Сергеич, не глядя Алексеенко в глаза. – Можешь идти!».

«Широков посчитал Алексеенко психом и направил его к нам? - спросил Александр у Сергея Сергеича после того, как Алексеенко вышел. – Это не по нашей части».

«А по чьей? Психиатра у нас нет, хотя должность есть... Но какой нормальный психиатр пойдёт работать в наш дурдом!? Не удивлюсь, если узнаю, что Алексеенко, в детстве, занимался сексом со своей мамашей... скотина».

«Что-то есть в его письме Широкову...», - задумчиво произнёс Александр.

«Да бросьте Вы... Какой может быть смысл? Разве что поиздеваться... Но что за урод! Принеси ты нам эту “маляву”, мы её почитаем, посмеёмся и выбросим в мусорное ведро, но нет! Окольными путями отправил на почту, чтобы переслать её “хозяину”. Тот, понятно, пистон вставил начальнику опер. части и замполиту, а замполит – мне».

«Да нет, что-то в этом есть... Должно быть что-то. Алексеенко я знаю, он достаточно разумный человек», - задумчиво произнёс Александр.

«Помните, как он попал на проф. учет? Месяц назад вскрылся, но демонстративно. Так, чтобы спасли наверняка. Слюнтяй. Маменькин сынок. Попал в зону, веди себя достойно, как положено мужчине! Провались оно всё пропадом!» - Сергей Сергеич достал из железного

ящика пачку сигарет, вынул одну и торопливо закурил прямо в кабинете. С шумом выпуская дым и сбивая пепел дрожащими пальцами в мусорное ведро, наполовину заполненное рваной бумагой, Сергей Сергеич продолжал вести диалог с внутренним собеседником – его губы двигались, беззвучно проговаривая какие-то слова.

«А Вы давно работаете здесь?».

«Ооо! Лет десять уже как. Правда, с перерывом в пару лет. Ещё при Украине уволился и пошёл на вольные хлеба. Кем я только не работал после этого...».

«А почему уволились, если не секрет?».

«Не секрет. Я за честность в общении. Что тут скрывать... Была у меня невеста и я её, как говорится, очень любил. Та вот, она сказала, что не выйдет замуж за тюремщика я и уволился. Кем я только после этого не работал... и дворником, и сторожем, и на стройке в Питере. Дааа... Забавно вспомнить».

«Не поженились?».

«Не сложилось. Броси... ушла она от меня. Два года, да, повстречались и разбежались».

«Красивая была?».

«Ооо! Фотомодель! Хотя в постели бревно бревном. Но женат-то я был. Да. Еще в студенчестве поженились со своей одногруппницей. Она мне потом изменила».

«Не везёт Вам с женщинами, что-то».

«Ну, что поделаешь... Вот Яна, которая фотомодель, она меня отправила к астрологу, чтобы он вывел... там... как-то по звездам, благоприятный день для свадьбы. Большие деньги заплатил за это».

«И что, действительно поехали к астрологу?».

«Да. Ездил».

«А как Вы узнали об измене жены?».

«Ну... как это обычно бывает, залез в её телефон, а там порнографическая переписка с любовником. Месяц я ходил, ничего ей не говорил. А потом, стал у неё выпрашивать... Она, понятное дело, скандал закатила... и ушла. Сейчас бы я так не поступил...».

«А как бы Вы поступили сейчас?».

«Простил бы её».

«Да... в измене, всегда, виноваты двое – и муж, и жена. Но я бы, пожалуй, простить измену жены не смог».

«А я бы простил. Лучше, чем быть одному. А сами Вы жене изменяли?».

«Нет».

«А у меня был случай... - оживился Сергей Сергеич, - я ещё был студентом, и как-то... другая моя одногруппница... предложила мне выпить, отдохнуть. Я обрадовался страшно, хотя и знал, что она замужем. И вот, идём мы с ней по улице, а навстречу, её муж. Как вломил он мне тогда... за что я ему благодарен. Ненавижу тех, кто шариться по чужим жёнам. Я бы таких! А теще моей, несостоявшейся, казалось, что я одеваюсь как обсос, а она, как раз, вязала хорошо, так вот, она мне свитер связала... такой... как бы сказать... крупноячеистый. Почти как рыбацкая сеть. Чтоб соски было видно».

«Соски?».

«Она считала, что одеваться нужно модно, вот и связала мне свитер, чтобы соски было видно. Соответственно и носить его нужно было на голое тело».

«И носили?».

«Носил. А куда было деваться? А Вы бы не носили?».

«Нет».

«А я, вот, носил. А знаете, какая у меня мечта?».

«Нет».

«Хочу годам к пятидесяти скопить денег и найти себе девочку... то есть, девушку лет семнадцати и жить с ней».

«Вам пятьдесят, а ей семнадцать?».

«Разве плохо?».

«Это будут, пожалуй, не супружеские отношения, а... детско-родительские».

«Вы ошибаетесь! Все так делают, это нормально. При чём здесь детско-родительские отношения!? Я жениться на ней хочу».

«На ком?».

«На семнадцатилетней. Ну, я понимаю Вас, но... вы меня не совсем понимаете. Вокруг полно баб, которые хотят насадить себя на первого попавшегося идиота в брюках. Они прямо торопятся это сделать. И ещё при этом говорит, что он, этот идиот в штанах, такой неотразимый, такой мужественный, что она не может совладать с собой и готова отдаться ему прямо сейчас. Но у неё там сухо!».

«Сухо? Где сухо?».

«Да между ног сухо! Врёт, паскуда! Раз сухо, значит не так уж она и возбуждена. Скажу Вам Александр, без всякого вранья, женщины делятся на два типа, это дешёвые шлюхи и шлюхи дорогие».

«Интересная теория...».

«Это не теория, это правда жизни. Вы еще молоды и...».

«Олег Сергеич, мы с Вами одногодки».

«А! Действительно. Я подзабыл... Да это и не важно. Вы же не можете утверждать, что знаете всё на свете».

«Не могу».

«Вот и я о том. Я могу не посвящать вас в это знание... А Вам интересно!?».

«Интересно».

«Ну, извольте... связывать свою судьбу можно только с дорогими шлюхами. Именно они приносят удачу».

«Неужели всех женщин можно разделить на эти две категории?».

«Всех!».

«А как насчёт матери? К примеру, Вашей матери».

«А что моя мать? Мать, в детстве, казалась мне совершенством. Я её, так сказать, не видел... не замечал, что она из себя представляет. И с другими женщинами так же. Как только трахнешь подставившую тебе дешёвую шлюху, так сразу же перестаёшь замечать, что она из себя представляет. Так и идёт по жизни неудачником тот, кто свяжет свою судьбу с дешёвой шлюхой, которая не может принести удачу».

«Женщина в качестве талисмана...».

«Да, живой талисман».

«Женщины, которые были у Вас, согласно Вашей классификации, были дешёвыми шлюхами... или шлюхами дорогими?».

«Конечно дешёвыми. Если бы они приносили удачу, я бы уже стал начальником нашей колонии».

«То есть, Вы хотите сказать, что жена начальника колонии шлюха дорогая?».

Сергей Сергеич побледнел и ещё пристальнее уставился в монитор своего компьютера.

«Это дело нашего начальника... Я о женщинах в принципе... о их сущности. Понимаете?».

«Понимаю. Страшноватая теория у Вас. И что же, нет нормальных женщин?».

«Бывают, конечно, но чисто теоретически. Я чувствую, что Вы как-то издеваетесь надо мной...».

«Ну что Вы Сергей Сергеич, разве я посмел бы!? Вы лучше расскажите, как различать этих шлюх?».

«Если женщина сразу не даёт, то есть шанс, что она не дешёвая шлюха. Но бабы так коварны, что с легкостью могут симитировать, что хочешь. Есть десятка два признаков по которым можно вычислить дешёвую шлюху от шлюхи, приносящей удачу, но... я Вам их не раскрою. Это сакральное знание».

«Как хотите...».

ГЛАВА 5.

«И Вы участвуете в заговоре против меня!? Я Вас презираю! Я вас всех выведу на чистую воду! - на пороге, скрестив руки на груди, стоял

взъерошенный зек и гневно смотрел на выглядывающего из-за монитора Александра. – Вы знали о письмах!? Прекратите мучать меня! Это произвол! Не имеете права!».

«Представьтесь, пожалуйста» - попросил Александр.

«Гапонов моя фамилия и Вам меня не запугать!» - каждое новое слово произносилось им все громче и “не запугать” он выкрикнул, почти разорвав свои лёгкие.

К крыльцу соц. отдела, словно мухи на дерьмо, начали “слетаться” зеки и сотрудники Отдела безопасности, предчувствуя незамысловатое, но все же, развлечение.

«Что ж за неделя такая выдалась... Гапонов, Вы не нервничайте, а зайдите в кабинет, закройте за собой дверь и толком объясните, что у Вас произошло», - попросил Александр, посмотрев через грязное оконное стекло на спокойно стоявших около крыльца сотрудников и зеков.

«А мне нечего скрывать! Пусть все знают, что и психологи такие же интриганы, как и другие в соц. отделе! Плевал я на вас!» - Гапонов швырнул к потолку клочки разорванной бумаги исписанной синими чернилами. Покружив в воздухе несколько секунд клочки легли на пол перед столом психолога.

В толпе, стоявшей перед крыльцом, раздался смех, тут же задавленный тяжелыми взглядами сотрудников.

«Ничего не понимаю... Я не смогу ответить на Ваши обвинения, господин Гапонов, пока Вы толком не объясните мне, что у Вас произошло и... что вообще происходит!».

«А то Вы не знаете! Зачем вы возвращаете мне письма!? Я понимаю, что мучить бесправного, незащитного зека – это легко и

приятно. Я понимаю. В детстве Вы мучили котят и опускали в аквариум кипятильник, а сейчас Вам нужно мучить меня, тяжело больного зека. Вы все садисты!».

Снова смех в “зрительном зале”.

Откинувшись на спинку стула, психолог начал рассматривать потолок со скучающим видом.

Из-за плеча Гапонова в кабинет заглянул Жулько и, увидев мусор на недавно подметенном полу, запричитал: «Опять мне влажную уборку делать? Опять?».

Взгляд психолога остановился на пауке, сидевшем в центре искусно сплетённой паутины, под потолком, в углу, справа от входа. Гибкие лапки, прикреплённые к светло-коричневому, полупрозрачному телу шевелились, сходились и расходились, покачивались – паук улучшал свои жилищные условия.

Резко закрыв дверь Психологического кабинета, Гапонов вышел во двор и пошел, сквозь расступившуюся перед ним толпу в свой отряд, как Моисей по дну Красного моря.

В кабинет вошел и сразу же плюхнулся на отчаянно скрипнувший стул грузный Черемисов, начальник третьего отряда.

«Почему ты не успокоил его?» - спросил Черемисов.

«А что я могу сделать? – оправдывался Александр. – Схватить его и привязать к стулу верёвками? Да у меня и верёвок-то нет».

«Ничего страшного, - качнул пухлой ладонью Черемисов. – У него приступ начался. Эпилептик, такое дело... Как чувствует приближение приступа, на людей начинает бросаться. И в ШИЗО мы его закрыть не можем, вдруг он там окочурится, что тогда делать? Отпустить бы его по

УДО... – мечтательно произнес Черемисов, - но ему еще краев не видно. Ладно... бывай».

«Подождите, а что это за история с письмами? Он о каких-то письмах упоминал», - спросил Александр.

«Да...» - снова качнув пухлой ладонью и скривив неопределённую гримасу, Черемисов вышел из кабинета.

Даже со спины его медведеподобной фигуры было видно, что Черемисов, пересекая зоновский двор, продолжает вести диалог с невидимым собеседником, пытаясь что-то ему доказать.

«Психи... - тихо произнес Александр, провожая взглядом начальника третьего отряда.

В ответ на вбитую им в поисковике фамилию - Гапонов, на экране монитора всплыла его характеристика.

«Убийство... девять лет... окончание срока в 2021... проявляет независимость, стремление придерживаться своей точки зрения, принимать на себя ответственность... иногда самонадеян, самоуверен... Обладает формальным и педантичным мышлением... В коллективе держится обособленно. Недоверчивый, подозрительный... Эмоционально недисциплинированный. Сентиментален, чувствителен, не может подчинять логике свои эмоции... - Александр быстро пробежал глазами скупой текст. – Кого же он “угандошил”?».

Часа через три в кабинет, после короткого стука, вошёл притихший Гапонов.

«Разрешите войти, Владимирович?» - спросил он психолога.

«Проходите, присаживайтесь».

«Вы, это самое, не сердитесь. Дело-то житейское... с кем не бывает».

«Да я понимаю. Вижу, Вам стало легче».

«Отпустило. Как-то оно не по себе бывает... Опять же письма эти...».

Вскоре, после ухода Гапонова, не дождавшись Жулько, Александр смёл клочки бумаги в мусорное ведро и зачем-то притоптал ногой.

«Да, Вы меня заинтриговали Юрий Васильевич. Что же это за письма такие?».

«Очень просто, – глядя в пол произнес Гапонов, - они мне письма приносят, которые возвращаются на зоновский адрес. Ну, в смысле сюда. А я их... как людей прошу, чтобы не приносили мне эти письма. Ну, возвращаются они, ну и порвите их, зачем мне-то их отдавать? Ну, вот Вы сами посудите, зачем мне их приносить, если я их сам писал и знаю все, что в них написано. Вот Вы рассудите, что я в них могу нового прочитать, если я их сам писал?».

«Думаю, что ничего».

«Вот именно».

«А почему письма возвращаются? Адресат переехал?».

«Адресат помер...».

«То есть как?» - психолог вопросительно посмотрел на Гапонова.

«Обыкновенно. Как и все люди умирают, так и маманя моя умерла».

«А зачем же Вы... Не понимаю».

«Нет у меня никого больше. Один я остался на всем белом свете. А вот так напишешь письмецо... и становится легче. Знаете, как исповедь, как... крик души и потом несколько дней тишина в душе, пустота. Хорошо, когда в душе пусто».

«Вы так полагаете?..».

«Конечно. А Вы когда-нибудь убивали?».

«Нет».

«А мне, знаете ли, довелось. Раньше все как-то кражи, кражи. А тут убийство. Как Вы думаете, хорошо ли мне будет, если после такого у меня на душе несколько дней будет пусто в душе, а не все это...».

«Вас беспокоят воспоминания об этом?».

«Какого хера они ребенка оставили одного дома? А? Почему на звонок в дверь он не отвечал? А? Неужели сложно объяснить ребёнку, что на звонок в дверь, нужно спрашивать “кто там?”. Неужели сложно в девять лет подойти к двери и задать элементарный вопрос - “кто там?”. Я же не отморозок, чтобы вскрывать дверь в квартиру, если там свидетель. Мне до сих пор мерещится, как его засохшую кровь у меня из-под ногтей выковыривают. Это страшно. Это непередаваемо страшно. Как вспомню об его засохшей крови у меня под ногтями, у меня пальцы судорогой сводит. А потом напишу маманьке письмо, и становится легче. Только зачем мне их потом возвращать? Ну вернулось оно, ну порвите его. Ну, мне-то оно зачем?».

ГЛАВА 6.

Утром седьмого января все внутренние двери Зоны, кроме ШИЗО, были открыты и можно было беспрепятственно выйти из любого барака, не утруждая себя перекидыванием слов с младшими инспекторами.

Черные, на рыбьем меху, ботинки зеков весело скрипели по искристому снегу в сторону храма. Но не пробудившееся в их грешных душах раскаяние, не жажда погреться в лучах света неземного вели их в церковь, а возможность постоять рядом с живыми монахинями и получить порцию праздничной снеди, приготовленной в монастыре и привезенной в зону на монастырской “Газели”. Поскольку храм был небольшой основная масса черных бушлатов толпилась в некотором отдалении от церквушки притопывая, похлопывая себя по бокам и потирая замерзшие уши. Синие бушлаты не дремали, а стояли тут же, готовые в любую минуту предотвратить, остановить, упредить и отвратить.

Непосредственно вблизи от входа в церковь монахини вместе с, так называемыми, “приспособленцами”, зеками, работающими при храме, устанавливали на столах многолитровые баки с едой, завернутые в старые одеяла, и подносы с нарезанным хлебом, расставляли пластиковую посуду. До продрогших зеков изредка доносились отдельные возгласы священника, позвякивания кадила, нестройное пение хора, но они не обращали внимания на эти фоновые, для них, звуки, а тихо комментировали друг другу женские достоинства монахинь, нужно заметить, внешне довольно-таки некрасивых. Над толпой сидельцев, то тут, то там, вился сизый табачный дымок. Собственно говоря, табака, в дешевых сигаретах, как в колбасе мяса, не было. Под тонкой папиросной бумагой тлела, издавая вонь, бумажная нарезка, пропитанная никотином. Тонкий аромат фимиама, струившийся из храма, смешавшись с сигаретным смрадом, не поднимался вверх, а оседал на грязный, утрамбованный множеством подошв, снег.

По негласной договорённости с начальником колонии священник проносил в режимное учреждение немного кагора в плоской фляге из нержавеющей стали.

Близился момент пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христову. Каждый желающий этого, мог таинственным образом, непостижимым для человеческого ума, соединится, пусть на краткий миг, с Богом. Взяв одну из пяти просфор, священник, копием, вырезал из неё центральную часть, агнец, и положил её на дискос печатью вниз. Сделав на нижней стороне агнеца крестообразный надрез, священник прошептал слова молитвы: «Жрется Агнец Божий, возьми грехи мира, за мирский живот и спасение...».

Если бы у нас была способность видеть дальше собственного носа, мы заметили бы ангелов, стоящих в алтаре и со страхом закрывавших свои лики крыльями не смея взирать на происходящее Таинство. Священник просил Бога о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих церквей, о спасении всех людей, о светских и церковных властях, о хорошей погоде, о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и избавлении от всякой скорби. В эти часы, в церквушке, построенной на проклятом участке земли, отделенном высокими заборами с колючей проволокой, по которой, днём и ночью, бежал ток высокого напряжения, стальными решётками, железными дверями, стражей несущей службу с автоматами и злыми собаками, страхом и презрением обычных граждан, мир земной соединялся с Миром Небесным. Хор пел заповеди блаженства: «Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное... блажени плачущие, яко тии утешатся...». Священник вынес из алтаря Евангелие, внес его обратно через Царские врата и положил на Престол молясь о том, чтобы вместе с ним в алтарь вошли ангелы.

В храме, с непокрытыми головами, стояли сотрудники и осуждённые. В душах некоторых из них пробивалось непривычное чувство, плохо понимаемое ими и невозможное для выражения словами, того, что земная жизнь конечна и после нее неизбежна неземная бесконечная жизнь. Это чувство тревожило, ломало привычное понимание себя и окружающего мира, и его хотелось отогнать от себя, закрыться от него и погрузиться в суету бесконечных дел и делишек, составлявших смысл существования обитателей Зоны.

К чаше, вынесенной из алтаря, для Причастия Святых Христовых Тайн, подошли монахини и несколько осужденных с крестообразно сложенными на грудях руками. Богослужение заканчивалось.

Перед входом в храм, на отдельно стоящий стол водрузили водосвятную чашу, закрытую крышкой с крестом и тремя гнёздами для свечей.

Из храма, в облачении, с крестом в руке и требником под мышкой вышел батюшка в сопровождении пономаря в белом стихаре, несшего кадило и кропило. Свечи воткнутые в гнезда чаши горели весело, изредка потрескивая при небольших порывах холодного ветра.

«Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков», - пропел священник. Начался водосвятный молебен. За спиной батюшки выстроилось в линию начальство колонии во главе с “хозяйном”. Их обнажённые головы были смиренно склонены долу.

«И о сподобится нам слышанию святого Евангелия Господа Бога молим...», - затянул батюшка слегка охрипшим голосом, накрыл фелонью голову “хозяйина” и положив на неё служебное Евангелие начал читать нараспев.

Нетерпение зеков возрастало, на десятиградусном морозе привезенная монахинями еда могла не просто остыть, а превратиться в

ледяную кучу, которую невозможно было бы быстро разделить на равные порции. Калории лишними не бывают. Витамины и микроэлементы, скрытые в монастырской пище, манили зеков, заставляли толпиться как можно ближе к бакам с едой, шумно втягивать воздух ноздрями, в попытке определить, что там, под крышками баков. Воображение рисовало макароны с мясом, щедро политые подливкой из томатной пасты и обжаренного лука, дымящийся, остро пахнущий суп на бараньей косточке, жареную картошку с салом, пельмени с нежной телятиной залитые жирной сметаной и присыпанные укропчиком, курица запеченная в духовке, покрытая хрустящей корочкой, с черносливом и дольками яблок внутри, маринованные помидоры и огурцы с чесноком, и, самое главное: сладкие горячие пирожки с повидлом, сочный яблочный пирог, свежие эклеры с нежным кремом... Ротовая полость быстро заполнялась слюной, желудок дико урчал, переваривая сам себя, ноги отказывались стоять на одном месте. Молебен казался утончённой пыткой, наотмашь бьющей по нервной системе.

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруй и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство», - пропел батюшка тропарь трижды благословляя воду в водосвятной чаше.

Пропев положенные молитвы, батюшка благословил крестом собравшийся народ и макая кропило в чашу начал щедро обливать освященной водой и зеков, и сотрудников продвигаясь вдоль толпы.

Вытирая рукавами лица, зеки начали выстраиваться в очередь за дармовой пайкой.

“Хозяин”, без тени юмора в глазах и голосе, спрашивал у некоторых своих сотрудников: «Волдыри от святой воды не появились?».

Юркая монахиня лукаво поглядывавшая на суровых мужиков щедро накладывала в одноразовые глубокие тарелки плов с черносливом и изюмом так, что он возвышался над краем посуды, словно гора Эверест. Полагалась еще одна сушеная рыбка, а хлеба можно было брать сколько хочешь. Затарившись, зеки хотели улизнуть, но не тут-то было. Младшие инспектора перегородили им путь отступления в бараки и сообщили, что “хозяин” хочет обратиться к ним с речью.

«Граждане осужденные, – начал хозяин, - в этот светлый день, когда родился Иисус Христос, мы должны понять, как вам стать лучше. Как очистить свою совесть, как вернуться домой другим человеком. Я вижу, что здесь пришли, на этот праздник, не только осужденные христиане, но и лица татарской национальности, являющиеся мусульманами. Это хорошо, граждане осужденные. Это правильно. Мы все крымчане и всем хватит и плова, и хлеба, и святой воды. Нужно пресекать все случаи экстремизма и розни, и мы будем пресекать. Беспощадно. Вот вы съедите пищу которую нам, сюда, с моего разрешения, привезли монахини из женского монастыря. А что останется, после того, как вы ее переварите в ваших желудках? Нет, не то, что вы подумали. Остаться должны чистое сердце, чистая голова и чистые руки. Еду можете употребить прямо в бараках, только чтобы все было чисто. Женщинам гражданской наружности быть в мужской колонии, да ещё и строгого режима не положено, но я пошел на эти крайние меры. А для чего я это сделал? Для того, чтобы вы поняли, что в мире есть не только криминал, но и доброта. И сами стали добрее и лучше, а не такими, как сейчас несознательными гражданами криминальной направленности. Вот вы посмотрите на себя... На вас же

пахать надо. Вы же могли бы стать хорошими мужьями, отцами, сыновьями. А вы что? Давайте, прекращайте. Пусть вам поможет Иисус Христос, а мусульманам Аллах. Иначе все у меня в карцере сгниет без всякого плова с изюмом. Вы что думаете, что Бог ничего не видит? Он все видит и на каждого уже заведено уголовное дело там на небе. И отвечать придется по всей строгости небесного суда. Спросите у батюшки, он подтвердит. А как вы думали? Свое в колонии отсидел и смысл? Нет. Нужно чтобы еще и душа была чистая. Вы что думаете, что я всю жизнь мечтал с вами тут возится? Вы думаете, что об этом я мечтал в детстве? Перевоспитываем вас, перевоспитываем, а у некоторых судимостей, как у дурака фантиков. Вы думаете, что учёные зря придумали это название – исправительная колония? Не просто колония, а исправительная колония. Вы думаете зря? Нет, не зря. Я считаю, что у нас это получится. Вместе со спонсором у нас это получится. Один очень хороший человек, бизнесмен, помог монашкам накормить такое количество ртов. Вы коммерсантов на воле грабите, убиваете, калечите, за людей не считаете, а они вам подарки на Рождество делают. Подумайте над этим... Возвращайтесь в свои отряды, и... чтобы тихо мне!» - закончил свою речь “хозяин”.

Младшие инспектора расступились, и черная масса начала растекаться по зоне.

«Зачем им столько еды? Сейчас же хорошо кормят, - сказал Александру, вернувшийся в кабинет Сергей Сергеич, глядя через окно на зеков, несущих еду. – Не понимаю. Кормят их, кормят, а им всё мало. Неблагодарные ублюдки».

«Как там все прошло?» - спросил Александр.

«Замечательно. Денис Денисович этим пидарасам слова хорошие сказал, можно сказать, по-отечески напутствовал, но разве они поймут. У них же в голове только водка, наркотики и карты. Гниды».

ГЛАВА 7.

«Ну чё, Александр... знаю, что Вам это не понравится, но нужно сегодня поработать в штабе. Даша, видите ли, изволила приболеть, а кто ещё кроме Вас?».

«Что с ней?».

«Я не вдавался в подробности. Раз дозвонилась, значит больна не смертельно, да и бог с ней. Посидите в штабе, я без Вас здесь управлюсь. Собирайтесь, собирайтесь!».

«Так, а что я там буду... Я зоновский психолог, а не штабной. Мне, как-то, не очень хочется работать там, где много начальства. А там у них гнездо...» - Александру очень хотелось выругаться матом, но он сдержался.

«Ничего не поделаешь».

«Сергей Сергеич, может быть Вы поработаете в штабе, а я с зеками. А?».

«Давайте уж Вы сами там. Звоните Даше, она подскажет что там, да как. Если честно, я и сам там ни разу... Разберётесь, в общем».

Александр открыл шкафчик стола, заглянул в него, вытащил папку для бумаг, прочитал что на ней написано, бросил её обратно в шкафчик и закрыл его, взял со стола бланк, скомкал его и бросил в мусорную корзину, посмотрел в окно на зеков, строящихся в локальных секторах

для утренней поверки, похлопал себя по карманам, заглянул в свою сумку, снова посмотрел в окно...

«Ну, что Вы так долго копаетесь? – Недовольно спросил Сергей Сергеич. – Вам ещё нужно успеть на экспресс диагностику. Кстати, не забудьте сразу после проверки Отдела безопасности зайти в Отдел охраны».

Сдав на КПП пропуск, получив паспорт и телефон Александр сразу же позвонил Даше.

«Привет. Что случилось? Как здоровье?» - спросил он у неё услышав на том конце “алло”.

«Привет! Со здоровьем у меня всё хорошо. А почему ты спрашиваешь?» - сказала Даша.

«Горский говорит, ты заболела».

«Вот странный человек! Я ему русским языком сказала, что мне на сегодня нужен отгул, чем он слушает, я совершенно не понимаю?».

«Даша, послушай... какие журналы там заполнять нужно? Давай выручай, меня Горский в штаб отправил».

«А почему он сам не пошёл? Он меня уже когда-то заменял».

«Не знаю. Сказал, что не имеет понятия, как там, да что...».

«Вот он даёт! Даша - плохая работница, а как нужно в штабе поработать вместо Даши, так он ничего не знает. Ладно, слушай. Тебе сегодня нужно сделать запись только в журнале регистрации лиц, прошедших психодиагностическое обследование. Ты полистай там, почитай, посмотри, как я заполняла и повтори. Смотри, только методики не перепутай, – для кандидатов, если они будут, там свои методики.

Полистай журнал, там всё написано. Все, давай, не грусти! Завтра постараюсь быть...».

«Что значит постараешься быть? Ты что и завтра ещё?..» - но Даша уже отключилась.

Двухэтажное здание находилось на некотором отдалении от входа в колонию и могло показаться помещением для каких-нибудь хозяйственных нужд, или дешёвой гостиницей, если бы не два флага над её входом: российский и крымский. Подходя к нему Александр посмотрел на инвентарный номер на штабной стене, каждый раз удивляясь факту инвентаризации здания. Поднявшись по ступенькам, он позвонил в электрический звонок, висевший справа от входной двери, провод которого был протянут на второй этаж в приёмную начальника колонии. Секретарша нажала пальчиком с дорогим маникюром кнопку и замок входной двери в штаб, механически зарывчав, открылся с небольшой задержкой.

Войдя, посетитель словно возвращался во времена позднего советского союза, интерьер монолитно застыл в середине восьмидесятых годов прошлого века. Мозаичный пол из гранитной крошки, стены и потолок побелены известью. Яркими пятнами выделялись плакаты, висящие на стенах и наглядно рассказывающие о деятельности ФСИН, заманивающие в университет системы исполнения наказания, говорящие о героях МВД, предупреждающие о необходимости быть бдительным.

Небольшая, можно сказать, прихожая для посетителей была выгорожена будкой охранника, всегда пустующей, и металлической высокой калиткой, постоянно незапертой. На стене прихожей висел почтовый ящик, опечатанный контролирующим органом – для жалоб в связи с возможной коррупцией, и объявление, печатные буквы которого

настоятельно рекомендовали звонить по указанному номеру телефона... если что. Точно такой же ящик висел на улице перед входом в штаб.

Пройдя прихожую и миновав калитку, Александр повернул налево и пройдя по коридору шагов двадцать, остановился перед опечатанной дверью Психологического кабинета. Между двух небольших, напоминающих игральные шашки, деревянных ячеек, прикрепленных к двери и дверной коробке, и заполненных пластилином, была натянута и вдавлена в пластилин нитка. Металлическая печать, придавленная к пластилину слабой Дашиной рукой, почти не оставила следа. Оторвав нитку Александр открыл дверь и вошёл в промёрзший кабинет. Клеёнка закрывающая, для тепла, огромное окно была натянута парусом и улетела бы, если бы не удерживающие её гвозди. Оббитые, на уровне полутора метров, деревянными панелями стены, покрытые пятнами плесени обои, стёртый и прорванный во многих местах линолеум. Дешевая канцелярская мебель: стол, жесткий диван, оббитый дерматином, два стула, стеллаж для бумаг и книжная полка на стене с единственной книгой – “Педагогическая поэма” А.С. Макаренко.

Александр включил обогреватель, взял пластиковый планшет с креплением для бумаги, простой карандаш и вышел из кабинета. Закрыв дверь на ключ, он отправился в Отдел охраны.

Двухэтажное здание Отдела охраны нависало над колонией построенным из стекла и металла помещением, в котором, словно орлица в высокогорном гнезде, сидела оператор пульта управления. Десятки камер наблюдения посылали свои сигналы на мониторы, стоящие здесь, в обратную сторону, на рации сотрудников, летели указания от оператора.

«Мне нужно пройти туда», - Александр указал на решетчатую дверь ведущую на второй этаж Отдела охраны, стоя перед контролёром Людой, сидящей за зарешеченным окном на КП №1.

«С какого перепуга тебе туда надо, психолог!?» - Люда удивлённо смотрела на Александра. Её огненно рыжие волосы закрывали лычки старшего сержанта.

«Обстоятельства...», - ответил Александр.

Склонная к полноте Люда утробно хохотнула, но психолога пропускать не собиралась.

«Я позвоню своему начальнику. Шпионы нам тут не нужны...», - Люда подняла трубку и переговорив с начальником Отдела охраны, всё же нажала кнопку, электрический замок отрылся.

«Смотри у меня, психолог...», - строгим голосом напутствовала он Александра с подозрением глядя на него.

Поднимаясь по узкой лестнице на второй этаж Александр столкнулся с кинологом, ведущим вниз, на поводке, огромную немецкую овчарку. Собака ткнулась носом в ногу психолога шумно обнюхала её и заспешила дальше, увлекая за собой держащего за её поводок человека.

На втором этаже, пройдя по длинному коридору Александр подошел к единственной открытой на распашку двери и заглянул внутрь кабинета. За одним из четырёх столов сидела капитан внутренней службы Резакова Светлана и перебирала бумаги, лежащие на её столе. Грубое лицо в обрамлении длинных, тонких, шевелящихся при малейшем движении, локонов заставляло вспомнить об одном из персонажей греческих мифов убитым Персеем.

«Саня, чё хотел?» - спросила она у психолога стоящего на пороге.

«Света, Даша заболела, я вместо неё сегодня. Подскажи, где она проводит экспресс диагностику?».

«Что проводит? - не поняла Света. – Да вот прямо здесь, посмотрит на них, что-то напишет в блокноте, да на этом и всё... А чё ты хотел?».

«Слушай, мне бы отдельный кабинет и пусть по одному заходят. Можно это организовать?».

«А зачем тебе отдельный кабинет? – Света улыбнулась, сверкнув жемчужными зубами. – Чем ты собрался с ними заниматься?».

«Смешно. Я оценил».

«Ладно, пойдём провожу. Здесь в соседнем кабинете мы хотим организовать кухню вместе со столовой. Иди за мной. Вот видишь? Ремонт здесь уже год идет. Ну, как идет... то идёт, то не идет. Но одно можно сказать точно, конца и края ему нет, этому ремонту».

«Своими силами делаете?».

«Ну а чьими ещё? Начальство разве почешется!? Сами обои поклеили. Сами ламинат постелили. Нравятся обои? По-моему, жёлтенькие обои подходят для кухни».

На желтоватых обоях в хаотичном порядке чёрными тонкими буквами была выбита фраза на английском языке – “don't eat yellow snow”.

«Оригинальные обои... - заметил Александр. – А ламинат почему не доделали?».

«А хрен их знает, почему мужики не доделывают. Пока не пнёшь, не пошевелиятся. А Дашка-черепашка где?».

«Отгул взяла», - ответил Александр.

«Ну чё там у тебя на зоне?».

«“Конячу” на Горского. – Света прыснула со смеху. - Ничего интересного, рутина. Изо дня в день и каждый день – одно и то же», - ответил Александр.

«Значит Горский запряг тебя в лямку и понукает...».

«Причём за смешные деньги. Я же не аттестованный. Сама знаешь, какая у меня зарплата. Как говорится, за такие деньги я должен еще немножко вредить. А у тебя как дела?».

«Думаю на повышение пойти. Есть одна вкусная должность... мне бы её занять, а там и очередное звание не за горами. Но, пока ничего рассказывать не буду, чтобы не сглазить».

«А дома как?».

«Всё в ёлочку... Это мы, когда только поженились, я мужу, однажды, по морде съездила. Ты же моего мужа знаешь?».

«Знаю. Начальник Отдела безопасности».

«А он на меня посмотрел и говорит: «Ты что, бессмертная?». С тех пор, как бабка пошептала. Всё в ёлочку».

В дверь поскребли.

«Ладно, я пошла. Слышал, скоро генерал с проверкой приедет?».

«Целый генерал?».

«Ага, целый, не покоцанный. В лучшем случае по кабинетам походит, но документацию нужно всю привести в порядок. А ты знаешь Тернова?».

«Конечно знаю. Он въезжающие и выезжающие из зоны машины обыскивает. Здоровый такой мужик... Когда с ним за руку здороваюсь, у меня появляется такое ощущение, что моя ладонь сквозь его пальцы брызнет. Неприятное ощущение. А почему ты спросила?».

«Он натуральный псих, - засмеялась Света. – Ему всё время кажется, что начальник на него как-то неправильно смотрит...».

«Что ты имеешь ввиду?».

«Зайдет к нам в кабинет, подойдет ко мне и говорит человеческим голосом: «Света, начальник на меня опять косо смотрит, не знаешь, чем я перед ним провинился?». И всё это на полном серьёзе. Хотя, поработаешь здесь столько же лет, и сам чудить начнешь...», - сказала Света и вышла из не доделанной кухни.

«Разрешите войти!?» - спросил сотрудник Отдела охраны заглядываю через открытую дверь из коридора.

«Входите», - ответил психолог.

«Нам всем вместе входить?» - продолжал допытываться сотрудник.

«По одному», - ответил психолог.

Сотрудник вошел в помещение, остальные, из заступающей смены, выстроились в очередь в коридоре.

«Подходите ближе, - попросил психолог, - сюда, к окну. Скажите, Вам приходилось стрелять в человека, в живого человека».

«Слава Богу, нет».

«Но выстрелить Вы готовы?».

«Готов. Это входит в мои обязанности, стрелять на поражение, если потребуется».

«Значит, попыток побега в Вашу смену не было?».

«Слава Богу, не было. Ночью, после полуночи, иногда кажется, что кто-то в темном углу притаился... начинаю всматриваться... приглядываюсь... нет, показалось».

«Вам нравится обращаться с оружием?».

«Ну, как, сказать? Не скажу, что мне это неприятно. Я всё-таки, слава Богу, мужчина... Это инструмент, с которым я работаю. У сантехника ключ, у дворника метла, а у меня автомат Калашникова».

«Можете идти. Пригласите следующего».

«Здравствуйте. Подходите поближе, к окну. Вот Вам листочек бумаги и карандаш. Нарисуйте круг с рогом».

Сотрудник бодро подошёл к окну, взял в правую руку карандаш, а левой придерживал лист бумаги. Прицелившись, он быстро нарисовал круг... остановился.

«Чувствую, что здесь какой-то подвох, но не могу понять в чём он...», - сказал сотрудник, посмотрев на психолога.

«Никакого подвоха. Все почестному».

Снова прицелившись, сощурился одним глазом и закрыв другой, он пририсовал к кругу рог, смотрящий вверх.

«Как у Вас взаимоотношения с начальством?» - спросил психолог.

«Нормально...».

«А всё-таки, есть какое-то недовольство по отношению к начальству...».

«Понимаете, в чём дело. Я сутки отдежурил и мне положены, честно заработанные, выходные. А их у меня по факту нет. То тревога, то учения, то лекции, и я должен тратить свое законное время отдыха. Это справедливо?».

«Думаю, что нет. Какой Вы видите выход из сложившейся ситуации?».

«А какой может быть выход? Или работать дальше, или увольняться. Если работать дальше, то нужно подстраиваться...».

«Да, адаптироваться необходимо. Можете идти. Пригласите следующего».

«Здравствуйте, подходите поближе».

«Будем рисовать? Я готов!».

«Можете идти. Позовите следующего».

«Здравствуйте. Идите сюда, к окну».

Подошедший сотрудник выделялся не очень чистой формой, не очень чистыми кистями рук и грязью под ногтями. А еще, от него странно пахло.

«А кем Вы здесь работаете?» - спросил психолог.

«Я кинолог. С собачками вожусь, кормлю их, убираю за ними».

«Здесь работают не так уж и много кинологов, как я успел заметить. Двое, по-моему?».

«Точно, двое. А что Вы хотите? Не хотят идти кинологами. А зачем утруждать себя? Посидел с автоматом на вышке и домой. Вы представьте, кашу свари, - кинолог начал загибать пальцы, - дерьмо за собакой убери, береги её и люби, а то может и подохнуть, она же не железная. Кто на такое согласится?».

«Да, уж... с автоматом проще, он железный».

«Вот именно! А раз нас мало, то и на службу мы выходим не сутки через трое, а сутки через двое. Если бы за переработку платили

нормально, то и вопросов не было бы, но они оплачивают определённое количество часов, а всё что сверху – это наш взнос в пользу колонии. Вот как так? Одно дело, когда мы получали такие зарплаты в пятнадцатом году, а сейчас они почти не выделяются от зарплат на воле».

«Но Вы же осознанно пошли работать кинологом?».

«Конечно осознанно, я погранцом служил, у меня собака была, которую я щенком взял и воспитал её в настоящего служебного пса. Вы поймите, дело не в том, что мне служба не нравится, она мне нравится. Мне не нравится отношение руководства и низкая зарплата. Это несправедливо».

«Я Вас понимаю. Если хотите, можете зайти в Психологический кабинет в штабе и поговорить с психологом. Вы же знаете, где он находится?».

«Штаб?».

«Нет, кабинет. Я думаю, что Даша завтра выйдет на работу и Вы можете поговорить с ней на эту тему».

«А сколько Даше лет?» - спросил кинолог.

«Я затрудняюсь... - задумался психолог. – Может быть... двадцать три, или двадцать четыре...».

«И что она мне может сказать, сорокапятилетнему мужику?».

«Понимаю... Хорошо, можете идти. Пригласите следующего».

Вошла миниатюрная, симпатичная брюнетка.

«А Вы, наверное, оператор?».

«Да».

«Какой-то Вы невесёлый оператор...».

«Да... ничего страшного».

«И всё-таки...».

«У подружки, у моей, сегодня свадьба, а я дежурю. Не смогла подмениться. Под Симферополем живет, учительница. Ей тридцать, а мужу сорок четыре».

«Тоже учитель?».

«Нет, водитель маршрутки. За неё все переживали, почему она так долго не выходит замуж, а она вот и вышла. Многие мои подружки не замужем... Интересно, почему?».

«Разные бывают обстоятельства... - пожал плечами психолог. – С жильём проблемы, зарплата у потенциальных женихов маленькая, коллектив только женский... Да мало ли что. Может быть просто, не очень красивая женщина и никто замуж её не берёт. Ну, хорошо. Позовите следующего».

«Здравствуйте. Подходите к окну. Вы старший заступающей смены?» - спросил психолог.

«Да, я. А что?».

«Может быть знаете, много ли сотрудников из вашего отдела учатся заочно? Не обязательно во ФСИНовском университете, а и в других университетах. Приобретают другие профессии. Ну, так как?».

«Учатся, но мало. Это не выгодно...».

«Почему?» - удивился психолог.

«Потому что Ольга Никаноровна не приветствует, когда сотрудники работают и еще где-то учатся».

«Начальник отдела кадров? Странно... А что в этом плохого?».

«Она считает, что раз пришёл в колонию, значит нужно работать и не заниматься ерундой».

«Учиться – это заниматься ерундой?».

«Что я могу сказать...».

«Ну, хорошо... не нравится Ольге Никаноровне, ну и что из этого?».

«Как что? Она решает, оплачивать сессию или нет. По закону, когда я еду на сессию, мне это время оплачивают. Две недели сессия, пол месяца меня в колонии нет, а деньги мне должны платить. А Ольга Никаноровна одну сессию оплатит, а другую нет. Не выгодно».

«Это не по закону...».

«Закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло».

«Нам ли их осуждать...» - пробормотал психолог.

Александр возвращался в штаб торопливым шагом, необходимо было успеть поговорить с сотрудниками Отдела безопасности до начала утреннего построения. В кабинете теплее не стало. Стылые стены обдавали холодом, хотелось сидя в кресле укрыться тёплым пледом, не снимая зимней куртки, и выпить горячего чая.

Дверь резко отрылась и в кабинет стремительно вошла женщина лет шестидесяти. Её приземистая бочкообразная фигура в узком кабинете казалась ещё шире. Красное лицо покрывала испарина, она тяжело дышала, словно совершила пробежку в быстром темпе.

«А где Даша? - вместо приветствия спросила она у Александра, сидящего за компьютером, и сразу же плюхнулась на диван стоящий перпендикулярно столу психолога. – Фух... хоть отдышаться... пока

дошла к вам по всем этим коридорам и лестнице... упарилась... фух.... Я в канцелярии работаю, на втором этаже. Были в канцелярии? Так где Даша?».

«Где-то там... на свободе», - ответил Александр, мрачно глядя на вошедшую.

«А вы же тоже психолог».

«Тоже».

«Надолго Вы сюда?».

«Надеюсь, что нет».

«Погода какая... то мороз, то дождь. Не даром говорят, что погода бывает трёх видов: хорошая, плохая и крымская, - она закинула ногу на ногу и вольно положила левую руку вдоль спинки дивана. – У меня на такую погоду суставы крутить начинает. Какие только я мази ни пробовала, ничего не помогает. Нет, конечно, по началу помогает, но потом организм привыкает что ли... Не знаю. Я смотрела передачу, там говорили, что к антибиотикам постепенно привыкает, может быть и к мазям привыкает. Может такое быть? Думаю, что может. Если к антибиотикам привыкает, то почему к мазям привыкнуть не может?».

Психолог тяжело вздохнул.

«Не смотрели, сколько сегодня миллиметров ртутного столба? Доживёте до моих лет и узнаете, что такое метеочувствительность. У меня в кабинет, в тумбочке, тонометр наготове. Тонометр и таблетки от давления. У Вас бывает высокое давление? А у меня постоянно. Как дочка с мужем подерутся, всё! Сразу давление подскакивает! Мы в одном доме живём, триста сорок квадратных метров. Огромный такой домина. Мы на первом этаже, они на втором. У дочки вот такие ногти, – она показала указательным и большим пальцем размер дочкиного ногтя,

подходящий для когтя крупного хищника. – Она зятю сразу в морду вцепляется!».

«Из-за чего?».

«Она ревнивая. Не дай бог, она увидит, что он с кем-нибудь из женского пола разговаривает! Сразу истерика, скандал!».

«Сложно жить с ревнивой женщиной».

«Не то слово! Мой муж всё время мне говорит: «Кого мы с тобой родили!?»». Не знаю, где она этого набралась... У нас никогда такого не было. Если было бы, можно было бы сказать, что она видела и потом начала подражать, но ведь не было никогда. Наоборот, муж мне часто говорит, что счастлив со мной, а я его никогда не ревновала и повода ему для ревности не давала. Откуда это в дочери? Ума не приложу. Кто знает, как там в генах передаётся. Вдруг кто-то из дальних родственников ревнивый и вот от них и передалось. Может такое быть? Я бы поняла, если бы он повод ей давал, если бы загуливал. Но кому он такой дурак нужен, кроме моей дочери. Никому не нужен. А хорошо бы нашлась какая-нибудь дурочка и увела его. Но двое детей! Как им без отца расти!?».

«Дааа...».

«Муж у меня тоже гипертоник и как они начинают скандалить, мы вместе таблетки пить начинаем. Они потом, через двадцать минут, трахаются, а мы с мокрыми полотенцами на головах на кровати лежим. Как только в гости собираются, всё сразу становится понятно, что вечером будет концерт по заявкам».

«И давно вы в таком режиме живёте?».

«Много лет! Мой муж сразу бросается их разнимать, они его бьют, он их бьёт, это кошмар! Одна я в это всё не вмешиваюсь. Зачем лезть в

этот бедлам!? Пусть сами, как хотят, так и живут, не надо к ним лезть. Она его когтями, он её кулаками, а потом трахаются. Она стонет на весь дом, как последняя шлюха. Я детей сразу к себе, на первый этаж забираю, но вопросы они уже задают. Спрашивают, что там папа с мамой делают. А что я им скажу? Что мне им сказать, как объяснить?».

«Дааа... Угу...» - понимающе покачал головой психолог.

«Представляете, что из них вырастет? Можно сказать, что они уже инвалиды детства, можно было бы на комиссию пойти и смело инвалидность оформлять. Но у нас инвалидность оформляют только если руки или ноги нет, а если психика нарушена?».

«Тоже оформляют, в доме для психически больных».

«Но это ещё рано, хотя с такими родителями недолго и до дурки. Он, по пьяни начинает её шмотки рвать. А они дорогие. Шубку норковую изорвал. Она тоже пьяная. Потом утром проснутся, глаза продерут, и говорят, что ничего не помнят. Вот как так?»

«Угу...» - произнес психолог.

«Как можно не помнить, что натворили? Он её шмотки дорогие рвёт, она его машину бьёт. Она вещи зашивает, он машину в автосервис на рихтовку везёт. А Вы знаете сколько это стоит? У Вас есть машина? Нет? Ну, вот если бы была, то знали бы, как это дорого. Хорошо, если кулаком мяла машину, или, на худой конец, ногой. Так она же берет в руку кирпич, какой-нибудь осколок покрупнее, и им по машине. Там не только рихтовать нужно, но и шпаклевать и перекрашивать. Ну как можно быть такими дебилами!? Я ей сколько раз говорила: «Не трогай ты его пока он пьяный. Проснётся с головной болью, вот тогда и “прессуй” его сколько хочешь!». Я зятю пересказываю весь его вчерашний словесный понос и пьяные поступки, а он мне не верит, говорит, что я сказочница и мне нужно книжки писать. Если я

сказочница, то он тогда кто? Я и мужу своему сколько раз говорила, чтобы он к ним не лез. Пускай сами как хотят. Не нужно лезть к ним. Вот так скандалят, а потом детей по психиатрам и психологам водят, из-за того, что они по ночам не могут заснуть и орут. Двое детей. Младшему шесть. Пока ещё не орут по ночам, как их психованные родители, но скоро начнут. Младший очень сильно испугался, когда он с ножом за ней бегал».

«Да Вы что...».

«Белку поймал. Белая горячка. Я думаю, что белая горячка... Схватил нож и с матами за ней, она орёт как потерпевшая, муж к нему, кулаком в нос, кровяца фонтаном, залила всю его майку, он орёт, она орёт, муж таблетки глотает, дети бледные, дрожат, глаза как блюдца. Господи, когда это кончится!?».

«Большая половина убийств из-за бытовухи. Не бойтесь, что он вашу дочь однажды... того».

«Да Вы что такое говорите!? Да не дай бог! Я ему потом, утром, рассказала, как он себя вёл, а он не верит, говорит, что я сказочница. Я ему майку его показываю, окровавленную, а он заявил, что мой его избил, непонятно из-за чего. Зять, сволочь редкая, знает, что дочку мою лучше не заводить, начал рассказывать, что у него любовница и она забеременела, и ему нужно её обеспечивать. Дом мы на дочку переписали, так он заявил, что нужно его продать, а деньги поделить по полам, по справедливости. Опять драка, скандал, мордобой. Я своему говорю, что не нужно в драку лезть, смотри на него и думай про себя: «Ну, давай, говори! Что ты ещё скажешь!? Говори, говори!». Но при этом даже губами шевелить не нужно. Он мне может минут двадцать словесный понос выдавать, а я на него смотрю. Просто смотрю. Он гложет и уходит к себе спать. Жалко меня тогда дома не было, когда он

с ножом за дочкой гонялся. Меня он стесняется, потому что я ему ничего не высказываю. При мне он так бы себя не вёл. Но мужу моему объясняй, не объясняй, всё без толку. Терпеть его не могу».

«Кого?».

«Мужа своего. Терпеть не могу целоваться. Ненавижу цветы и целоваться. Он ходит вокруг меня, ходит, а потом просит хотя бы в щёку поцеловать. Тьфу, мерзость. Что за нужда целоваться!?».

«Лучше без поцелуев, сразу к делу...», - сказал психолог.

«Секс что ли? Терпеть не могу секс! Это сейчас несколько лет трахаются, живут вместе, а потом женятся. Я со своим, когда поженилась, то и я, и он были целками. Мне двадцать лет, ему двадцать один. Я и не знала, что меня ждёт, а когда узнала, то была так разочарована, что и передать не могу. Для меня это как изнасилование. Я ж не знала, что меня ждёт, боялась страшно. Скукожилась, сжалась, пока он надо мной пыхтел. Ужас! И так много лет. Потом я уже книг всяких прочиталась, на эту тему, но все без толку. Как только начну активность проявлять, обниму его, или потрогаю за задницу, он кончить не может. Как-будто узлом у него там завязали, не может кончить и всё тут! Злой ходит, как собака. Мы с ним на одном предприятии работали».

«Здесь?».

«Да, он в охране работал. Так он на работе злой как собака ходит. Меня спрашивают, что с моим мужем такое, а я поделиться не могу. Как мне сказать, что он злой как собака, потому что кончить не может. Я думала на эту тему много и поняла, что это всё из-за нашей первой брачной ночи».

«Любопытно...».

«Я же говорила, что в первую брачную ночь я боялась ужасно, потому что не знала, что меня ждёт и вся сжалась от страха, а он получил удовольствие, кончил. И у него в голове это осело – я сжатая от страха под ним, а он надо мной наслаждается. И с тех пор кончить мог только, если я себя так и вела, как в первую брачную ночь. Много лет это насилие продолжалось. Я даже к сексопатологу обращалась».

«И что сказал сексопатолог?».

«Сказал, что у меня с моим несовместимость. Нужно другого искать? Он нормальный вообще? Мне одного насильника на другого поменять? Он, вообще понимает, какие советы женщинам даёт?».

«Может быть стоило попробовать?».

«Что попробовать? С другим мужиком? Ну и где мне было его искать? Здесь? Так об этом было бы известно на следующий день, всем включая и зеков. Как Вы себе это представляете? Да что толку об этом говорить, если все уже, слава богу, в прошлом. Хоть поживу спокойно без этой грязи. Может быть если бы от него козлом не воняло...».

«Кем?».

«Козлом. Мужики обычно козлами воняют. Если еще и накурятся и выпьют, то дышать рядом с ним не возможно».

«Козлом... козлом... А! Вы о животном. А я о других козлах подумал...».

«А вообще...».

Дверь в кабинет открылась в проёме показалась голова в форменной шапке.

«А где Даша?» - спросила голова.

«Болеет. – Ответил психолог. – А что Вы хотели?».

«Как что хотел? Проверка будет, или мы пошли...».

«Будет, заходите в кабинет по одному. Извините, пожалуйста, – психолог обратился к сотруднице канцелярии, - давайте с Вами в другой раз поговорим, сейчас видите...».

Сотрудница молча вышла из кабинета.

Голова в шапке обросла подробностями. В кабинет вошел крупный мужчина в мешковатой зимней форме, на перепоясанном бушлат ремне висела резиновая дубинка, газовый баллончик и наручники.

«А что сразу по одному? Что это за новые правила? Чё за дела? - с агрессией произнёс вошедший. – Психолог, давай мы все вместе зайдем, посмотришь на нас. Или на улицу выйди, вон мы все там соберёмся», - он показал рукой на окно, выходящее во внутренний дворик штаба.

«Заходите в кабинет по одному. Это не займет много времени. Пару минут на каждого, не более. А давайте с Вас и начнём. Присаживайтесь вот сюда», - психолог кивнул на стул стоящий около его стола.

Вошедший покраснел, замялся, но, всё же, присел на стул и растерянно посмотрел на психолога.

«Вот Вам листочек бумаги и простой карандаш. Напишите цифру один. Замечательно. Пишите свою фамилию, имя и отчество полностью, занимаемую должность. Прекрасно. Число месяц и год рождения. Отлично. Вчера чем занимались?».

«Кто? Я?».

«Да».

«Вчера?».

«Да. Вчера».

«В какое время?».

«В свободное. Вчера у Вас, Сергей Иванович, был выходной, чем Вы занимались?».

На лице Сергея Ивановича отразились мучительные попытки отыскать в вопросе психолога подвох, но через короткое время он сдался, кротко заглянул в глаза психологу и ответил: «Я не помню...».

«Совсем не помните?».

«Совсем...».

«Вы без сознания были что ли?».

«Почему без сознания? В сознании. Телевизор смотрел...».

«Что смотрели по телевизору?».

«Я не помню... А почему Вы интересуетесь?».

«Работа у меня такая интересоваться тем, как Вы проводите свой досуг», - строго ответил психолог.

Сергей Иванович поджал губы.

Психолог взял бумагу, на которой сидящий напротив него сотрудник старательно выводил информацию о себе, близко поднёс к глазам и начал старательно изучать.

Сергей Иванович с тревогой наблюдал за психологом, как будто тот отложит бумагу, посмотрит на него и скажет ледяным тоном: «Ну что, шизофреник, попался!».

«Позовите следующего».

Сергей Иванович торопливо вышел из кабинета.

Перед утренним построением сотрудники Отдела безопасности стояли галдящей толпой на первом этаже штаба, кривляясь, отпуская скабрзные шуточки, толкались, ржали дикими голосами, производя впечатление “шпаны”, поджидаящей в подворотне очередную жертву, но стоило выхватить одного из них из этого скопища и позвать в кабинет для прохождения психологической диагностики, как он, сразу же, превращался в агнца божьего, краснел, потел и растерянно хлопал ресницами.

«Присаживайтесь, - психолог указал на стул следующему вошедшему. – Ставьте цифру два, да, вот здесь. Фамилия, имя и отчество полностью, должность. Замечательно. Александр Витальевич, Вы женаты? Прекрасно. Дети есть? Двое? Очень хорошо. Старший уже во втором классе? Что Вы говорите... Превосходно. Уроки Вы проверяете, или?.. Жена проверяет? А почему Вы не интересуетесь жизнью своих детей!? Это плохо, Александр Витальевич. Это наводит на определённые размышления... Пригласите следующего».

«Присаживайтесь. Ставьте цифру три. Да, под цифрой два. Ага. Отлично. Соответственно, фамилия... имя-отчество.... Да, как предыдущий. Отлично. Юрий Петрович, сколько Вы уже здесь работаете? Десять лет. Это очень хорошо. Вам нравится? Прекрасно. А где Вы сегодня дежурите? В пром. зоне? Здорово. Юрий Петрович, почему Вы, отслужив десять лет, всё еще прапорщик, а не старший прапорщик? Не знаете? А что Вы сделали для того, чтобы стать старшим прапорщиком? Пригласите следующего».

«Ага... да, вот здесь... фамилия... да, полностью... и должность. Абляким Шевкетович, что-то Вы сонный какой-то... Ваши товарищи, тоже не выспавшиеся... Да, вот эти, которые заходили перед Вами. Из Джанкоя на машине рано утром... Что Вы говорите... И они там живут? Здорово. Это замечательно, Абляким Шевкетович. Вы в самом Джанкое

живёте? Это прекрасно. Вы же записаны в местную библиотеку? Как нет? Я Вам не верю. Неужели не записаны... Странно. Я говорю, Абляким Шевкетович, что это очень странно. Следующего пригласите».

«Здравствуйте. Да, да, вот здесь. Ага, как предыдущие. Хорошо. Угу. Интересный у Вас почерк Александр Александрович. Как это обычный!? Не обычный у Вас почерк. Почерк у Вас, можно сказать, примечательный. Вы потом мне оставите образец Вашего почерка на отдельном листочке, а я его приложу к Вашему личному делу. Как это зачем? А Вы разве не знаете? Пригласите следующего».

«Спасибо. Да, спасибо. Очень приятно. Я действительно хорошо выгляжу. Ага. Да, да, как предыдущие. Точно так же. Прекрасно. Кирилл Петрович, а что это за история с Вами произошла полгода назад? Как это какая!? Об этом все только и говорят... Ну как же, как же... неужели запомнили!? Нужно будет продиагностировать Ваши когнитивные способности... Как это зачем!? Значит не хотите вспоминать, что с Вами произошло полгода назад... Это называется – вытеснение. Это один из механизмов психологической защиты... Я поставлю красным карандашом галочку напротив вашей фамилии... Как зачем? Чтобы не забыть. Пригласите следующего».

«Можно. Присаживайтесь. Как это постоите? Не нужно стоять, присаживайтесь. Всё как ваши товарищи... фамилия, имя-отчество... да, полностью... должность не забудьте... можно и звание. Вы дежурите в ШИЗО? Вам нравится? Великолепно. Тишина, покой, умиротворение... Как я Вас понимаю... Скажите, какие ассоциации у Вас вызывает слово “трев”? Вам же знакомо это слово? Отлично. Ну и какие ассоциации? Да, это психологический тест. А какие ассоциации у Вас возникают со словом “запрет”? Никаких? Прекрасно. А со словом “коррупция”? Опять никаких ассоциаций? Пригласите следующего».

«Да, входите. Ага... именно так... фамилия, имя-отчество... Сергей Алексеевич, а где Ваши товарищи? Наверное, куда-то ушли... Нет? А почему в коридоре стало тихо? Да? Как Вы себя сегодня чувствуете? Великолепно. Пишите, пишите. Карандаш сломался? Это потому, что Вы очень давите. Говорю, что сильно прижимаете грифель к бумаге. Это нормально. Все хорошо. У Вас все хорошо. Поверьте мне, я психолог, я знаю. У Вас всё замечательно. Ваш начальник очень Вас хвалит. Как за что? За службу. Вы не волнуйтесь, у Вас всё прекрасно. Давайте карандаш, я его поточу, у Даши где-то здесь должна быть точилка. Вот она. Возьмите карандаш, заканчивайте писать. Удачных Вам суток, без происшествий. Да, спасибо большое. И Вам всего доброго».

Тишина.

Александр откинулся на спинку мягкого стула, закрыл глаза и попытался представить себя сидящим на горячем белом песке пляжа, плещется ласковое море, отражая гранями волн солнечный свет, кричат чайки подхватывая на лету куски хлеба, вдалеке покачивается на волнах парусник... Дверь резко открылась, вошедшая в кабинет сотрудница отдела кадров увидев сидящего за столом Александра спросила: «А где Дашка?».

«Болеет», - ответил Александр открыв глаза.

«Саня, тут кандидат пришёл. Ты поговори с ним. Он уже был у нас и опять пришёл».

«Был, это в смысле работал в колонии?».

«Нет. Был – это беседовал с Дашкой».

«Пусть заходит».

Спустя минут пять в кабинет вошёл худощавый молодой человек небольшого роста.

«Проходите. Представьтесь пожалуйста, - попросил психолог. – Ох! Извините, это я по привычке...».

«А что тут такого? Меня зовут Аверьянов Илья Павлович».

«Очень приятно. Меня зовут Александр Владимирович. Вы присаживайтесь, пожалуйста».

«Я был здесь неделю назад, но разговаривал я не с Вами, а с девушкой психологом».

«Я в Зоне работаю. А здесь, действительно, девушка... Дарья. Не помню отчества... И что она Вам сказала?».

«У неё всё хорошо, а вот у службы безопасности – плохо».

«Я не совсем Вас понял...».

«Оперативная часть этой колонии, куда я устраивался на работу... в общем, возникли вопросы по моей кандидатуре».

«Какие вопросы?».

«Хотят, чтобы я предоставил им поручительное письмо...».

«Первый раз такое слышу».

«Ну, вот так вот... Кто-то из сотрудников должен поручиться за меня».

«Чем же Вы им так не понравились?» - спросил психолог.

«Я служил на Украине, служил в милиции...».

«Ну, и что? Вы в Крыму служили, или на территории Украины? Ну, в смысле на материковой части Украины».

«И в Крыму, и на Западной Украине».

«Интересно... А в каком городе?».

«В Ровно. Как раз за полгода до референдума туда перевёлся. Не повезло... Там не сложилось, переехал сюда. Личное дело, понятно, там осталось. Запросы между государствами не работают, а на руки мне его, естественно, никто не выдаст».

«А Вы пробовали устроиться в полицию?».

«Пробовал, но там не берут на службу милиционеров из Украины».

«А сюда взять могут, но нужно поручительное письмо?».

«Так мне сказали в отделе кадров. А кто мне его даст, если я никого здесь не знаю?».

«А кем Вы работали в милиции?».

«Следователем».

«Это серьёзно...».

«Ещё бы не серьёзно! Я когда в РОВД киевского района Симферополя работал, на мне семьсот дел висело...».

«Сколько?» - психолог подумал, что ослышался.

«Семьсот. Даже если бы я каждый день закрывал по одному уголовному делу, это работы на два года».

«А почему так много?».

«Система так работала. Нам сообщают из больницы, что поступил пациент, например, с травмами головы, и мы по этому звонку автоматически возбуждали уголовное дело, а потом только начинали разбираться что там, да как... Вот они и накапливались. А так, в идеале,

я должен был закрывать три – четыре дела в месяц. Бывало, спросит меня начальник, есть ли у меня такое дело, а ему сразу и ответить не могу. Приходилось идти, смотреть. Вот так вот...».

«Интересно...».

«А вообще, должен сказать, что всё что не делается – всё к лучшему. После перехода в Россию пятнадцать моих сослуживцев “сели”».

«Сколько?».

«Пятнадцать человек. Согласитесь, что это немало».

«Согласен. Много. А за что?».

«За что? За многое. Вот один мой сослуживец, за вознаграждение, конечно, повёл дело так, что человек получил по минимуму, вместо пятнашки, - семёрку. При России дело того человека пересмотрели и добавили ему ещё восемь. К этому моему знакомому пришёл адвокат того человека и сказал, что дело пересмотрели и деньги нужно вернуть. Он, как человек честный, деньги, естественно, вернул. Вот в момент передачи фээсбэшники его и хлопнули».

«Даже не знаю, что сказать... А в России, тоже много дел на следователе висит?».

«Я со своими разговаривал... Они говорят, что сорок дел на “следаке”, это уже много. Да и автоматом не открывают. Если нет оснований, то дело не возбуждают».

«Уже легче...».

«Зато могут посадить за утрату доверия».

«Это как?».

«Очень просто! От пяти до семи».

«За убийство семь могут дать».

«Там мутная статья... Зато все под Богом ходят. Если что – на зону».

«Дааа...».

«Вот так вот!»

«А можно Вам задать пару вопросов о допросе. Это не будет раскрытием какой-нибудь тайны следствия?»

«А почему именно о допросе?».

«В какой-то степени, это похоже на один психологический метод. Человек рассказывает о себе, о своей проблеме, рассказывает свободно, все что захочет. Психолог может задавать уточняющие вопросы, а может и не задавать».

«Должен сказать, что это для меня не новость. Приходит к нам, для примера, подозреваемый. Естественно, в идеале, ему не желательно знать, что он подозреваемый, а начинаем его крутить как свидетеля. Предлагаешь ему рассказать всё, что он знает по интересующему нас вопросу в свободной форме. Рассказывает всё, что ему взбрѣдет в голову или всё, что он помнит. Обмана в этом нет. Это называется – маневрирование информацией».

«Интересный термин. Нужно будет запомнить...».

«Ну, и вот рассказывает он, рассказывает и как закончит, начинаешь ему вопросы задавать. А! Забыл уточнить... Когда он свободно рассказывает, это всё нужно фиксировать или на бумаге и, что лучше всего, на видео. Вот... Задаешь вопросы, он на них отвечает, задаешь ещё более уточняющие вопросы, он на них отвечает. Начинаем углубляться в подробности и подозреваемый сыпется. Все на подробностях сыпятся».

«Ясно...».

«Такой важный момент... Если я обнаружил противоречия в его ответах, то, в таком случае, нужно неожиданно для него, обязательно неожиданно, переспросить его о том, что он сказал. Чтобы он еще раз повторил, то что он ранее говорил. Чтобы потом не говорил, что это у него дикция такая, и что он имел ввиду совсем другое. Идёт время, мы работаем, собираем доказательства, чем больше – тем лучше, проводим с подозреваемым новый допрос. Он опять рассказывает мне об интересующем меня вопросе этого дела. И я начинаю предъявлять ему доказательства. Сначала менее важное, а потом другие доказательства, и постепенно градус важности доказательств увеличиваю. Он высказывает свою версию по этому доказательству, я это аккуратно фиксирую в протоколе допроса, а он после каждого своего ответа расписывается. И здесь уже отвертеться довольно сложно. Если я обнаружил нестыковки в его показаниях, я ему предлагаю рассказать правду. Он опять юлит... Я ему другие доказательства, более весомые. Это я немного сумбурно рассказываю, а так, вообще, к каждому допросу всегда тщательно готовишься. Очень важно изучить личность подозреваемого, кто он, чем душил, чем занимается, его интересы и предпочтения. Чем больше информации нарую, тем лучше».

«Скажите, а вот по поводу свободного...», - психолог пытался подобрать нужное слово.

«Рассказа?».

«Да, рассказа. Всё-таки как это происходит... поточнее можете рассказать?».

«Ну, как происходит... Он рассказывает, я киваю головой, поддакиваю, поощряю его, так сказать, рассказать, как можно больше».

«Активное слушание».

«Ага. Самое важное – это уметь внимательно слушать. Слушать и запоминать. Даже можно сказать, уметь не просто слушать, а слышать подозреваемого. Слышать и запоминать».

«А вот все эти приёмы... добрый полицейский – злой полицейский... работает он, или нет?».

«Я думаю, что... нет. Лучше всего общаться с подозреваемым по-дружески. Мягко, аккуратно, по-доброму подвести его к тюремному сроку».

«Интересно...».

«Важно по-хорошему с ним общаться, а иначе он не позволит всё это проделать с ним, насторожится и начнёт приходить на допрос со своим адвокатом».

«Вот как...».

«А как Вы думали? Адвокат, особенно негосударственный, а частный, заинтересован отмазать своего подзащитного. Здесь еще такой психологический момент... Когда подозреваемый один, его легче расколоть, чем, когда он вдвоём с адвокатом. Они словно подпирают друг друга, не давая друг другу упасть. Как табуретка, которая стоит не на двух, а на четырёх ножках. А хотите я Вам одну хохму расскажу о нынешней жизни?»

«Давайте».

«У меня хороший знакомый есть, так у него экспертный центр в Симферополе. Полиграф, генетика... все на серьёзном уровне. К нему, уже после референдума, обратились с предложением проверить на полиграфе крымское правительство. Причём ему сказали проверить не то, брали они взятки, или нет, а брали больше миллиона долларов, или

меньше. Если меньше, значит совесть есть и с таким человеком можно работать».

ГЛАВА 8.

Психолог, откинувшись на спинку стула, прищурившись смотрел в никуда сквозь ароматный чайный пар, насыщенный запахами лимона, мяты, и мёда, поднимавшийся над крышкой термоса превращенной в кружку. За окном, зона была всё ещё укрыта уютным полумраком, подсвеченным желтым светом фонарей. Дверь открылась, в кабинет вошёл Горский и согревая дыханием свои ладони повёл носом.

«Вкусно пахнет. Это чай?» - спросил он у Александра.

«Вам налить? Где Ваша Кружка?».

Сергей Сергеич открыл ключом железный ящик и вынул из него кружку на боку которой была нарисована ветка сирени. Оттуда же Горский достал пакетик с влажными салфетками и вынув одну, протер ею кружку изнутри.

«Наливайте», - попросил он Александра.

Попивая чай они сидели молча и смотрели в окно на строившихся в локальных секторах зеков.

«Жалуются на Вас люди, Александр, жалуются», - нарушил молчание Сергей Сергеич.

«Кто ж так?».

«А Вы не догадываетесь?».

«Нет даже никаких предположений...», - ответил Александр.

«Отдел безопасности. Говорят, что вы им на психику давили».

«И что, сильно, говорят, давил?».

«Вот зря Вы с ними закусываетесь. У нас и так посещаемость ниже плинтуса, а представьте, какой она будет, если они перестанут пропускать тех, кого мы вызываем. Не трогайте Вы их, у них уже неизлечимая профдеформация. Зачем их лишний раз раздражать?».

«Я больше так не буду. Хотя, должен заметить, что психика у них неустойчивая», – сказал Александр.

Они снова замолчали, продолжая отхлёбывать из кружек ароматный чай.

«Кто Вам чай заваривает? – спросил Сергей Сергеич. – Жена, наверное?».

«Жена», - подтвердил Александр.

«Жена... – затосковал Сергей Сергеич. – Хорошо быть женатым... Иногда на меня нахлыывают воспоминания... Обычно, как я провожу свой вечер... сижу в интернете и брожу по сайтам тупо. Жена могла бы внести смысл в мою жизнь... Что это Дробышенко к нам идёт?».

В кабинет вошел один из начальников первого отряда Дробышенко Игорь Иванович, молодой парень, увлекающийся ездой на велосипеде. После консервации, для проведения ремонтных работ, нескольких зданий, в которых располагались отряды, зеков раскидали по другим баракам, а в некоторых отрядах, вместо одного начальника появился и второй.

Вальяжно развалившись на диванчике Игорь Иванович бросил свою шапку на рядом стоящий стул.

«Как жизнь, Сергеич?» - насмешливо глядя на Сергея Сергеича спросил Дробышенко.

«Всё хорошо», - скороговоркой произнес Сергей Сергеич.

«Это хорошо, когда всё хорошо, Сергеич. Сегодня лекция будет в актовом зале, ты уже знаешь?» - всё также смотря на Сергея Сергеича масляными насмешливыми глазами спросил Игорь Иванович.

«Не знал, не знал. Мне почему-то не сообщали. Для всех сотрудников, или только для аттестованных?».

«Только для аттестованных, Сергеич».

«А какая тема?» - смотря в пол спросил Сергей Сергеич.

«Да что-то там, связанное с воспитанием осужденных, входящих в актив колонии. Как-то конкретно тема звучит, да я запомнил...».

«Интересно, интересно... А кто докладчик?» - с тревогой в голосе спросил Сергей Сергеич.

«Замполит. Так тебе действительно не сообщили? Странно... Должны были всем сообщить. Ты нигде не накосячил случаем? А, Сергей Сергеич?».

Сергей Сергеич шмыгнул носом и беспокойно заёрзал на стуле.

«Воспитание актива, это важное дело. Согласись, Сергеич, странно, когда зек работает с интеллигентными людьми с высшим образованием, но при этом сходит с ума. Не становится на путь исправления, а начинает нарушать правила внутреннего распорядка. Какой пример такой зек будет подавать другим зэкам?» - с трудом сдерживаясь, чтобы не засмеяться говорил Игорь Иванович.

«В чём дело? На что ты намекаешь?» - нахохлившись по воробыному, злобно спросил Сергей Сергеич.

«А я и не намекаю, я прямо говорю. Стас Шабалин твой дневальный?».

«Ну!».

«Так вот, твой дневальный, вчера, занавесил свою кровать одеялом и бороду отрастил. Ясное дело, если человек лишним одеялом не укрывается, а развешивает его как ковёр на стене, значит это одеяло ему не нужно. Я у него его отобрал. А бриться почему перестал? Так теплее?».

«Кха-кха-кха, – прикрывая ладонью рот закашлял Сергей Сергеич. – А лекция во сколько?».

«Лекция? В двенадцать в актовом зале. Тетрадку взять не забудь, записывать слова замполита будем».

«Стас с ума сошёл! – яростно зашипел Сергей Сергеич, как только Дробышев закрыл за собой дверь. - Бриться перестал, борода как у белорусского партизана! Занавесил кровать одеялом! Убить гада мало! Какой позор, наверное, уже вся зона говорит об этом!».

«Да кому это надо нашего дневального обсуждать. Бред какой-то... Сергей Сергеич, ну давайте его вызовем и поговорим с ним. Я его позавчера видел, когда он успел отрастить бороду? А вчера Вы его видели?».

«Нет, он мне не был нужен. Уверен, что об этом уже замполит знает. Представляете, как я буду сидеть на лекции и записывать слова замполита, а он на меня при этом будет смотреть. Представляете, как я себя буду при этом чувствовать?».

«Не нагнетайте, Сергей Сергеич».

«Я Вам русским языком говорю, что Стас меня подставляет! Вы понимаете, что наш дневальный не имеет права сойти с ума. Одни предатели вокруг... Выпишите “квиточек” на его имя, посмотрим, что он нам петь будет».

Дневальных, Кислого и Плюса, на месте не оказалось, и Александру пришлось самому идти на первый отряд.

Под ногами хлюпала каша из снега и грязи, большие лужи приходилось обходить стороной, иначе в них можно было погрузиться выше щиколотки. Калитка локального сектора была заперта. Александр поздоровался кивком головы с младшим инспектором, сидящим на корточках возле дверей Отдела безопасности, и дал понять, что ему нужно пройти внутрь огороженного периметра. С неохотой, вразвалочку, растопырив руки, младший инспектор подошёл к калитке.

«Можно ли войти?» - спросил Александр.

Инспектор ничего не ответил, молча открыл калитку, и тут же её запер за вошедшим в локальный сектор психологом.

Стоящий на входе зек, в обязанности которого входит предупреждать находящихся внутри барака о приближении сотрудников колонии смотрел на приближающего психолога и после некоторого колебания всё же закричал, обернувшись внутрь барака: «Психолог идёт!».

«Здравствуйте», - поздоровался с ним Александр.

«Моё почтение. – Ответил осуждённый. – Гражданин психолог, сигареткой не угостите? А то мне тут стоять целый день, а холодно. Закуришь, теплый дым разбежится по лёгким и согрелся, вроде как...».

«Стоящему “на шарах”, разве сигареты и чай не выделяют?» - задал вопрос психолог, на который он знал ответ, протягивая осуждённому пачку сигарет.

«Положено-то положено, но у Вас сигареты лучше... - ответил зек, доставая из пачки одну сигарету. – Стою я тут целый день и всё о своей жизни думаю. Много мне судья отмерил... Десять лет».

«Так Вы же отчима убили».

«Ну и что? Обстоятельства так сложились...».

«Кирилл Витальевич, если я не ошибаюсь, Вы ему сорок ударов ножом нанесли».

«Сорок три», - поправил психолога осуждённый.

«А первая ходка у Вас по какой статье?».

«Тяжкие телесные...», - небрежно, как о чём-то незначительном поведал Кирилл Витальевич.

«Дорогой мой, чего же Вы хотели? Два года условно? Нужно реально смотреть на вещи. Вам меньше и дать не могли».

«Ну, хотя бы лет семь... Семи лет, вот так хватит, - Кирилл Витальевич провел ребром ладони по своему горлу, - чтобы подумать о том, что совершил. Чтобы осознать...».

«Кирилл Витальевич, можно у Вас проконсультироваться?».

«Чё там?» - осуждённый вплотную подошёл к психологу и подставив левое ухо приготовился слушать.

«Как бы это сказать... Почему так много ножевых ударов? Я иногда по телевизору смотрю... множественные ножевые, говорят. Зачем так много бить?».

«Понимаете, в чём дело... - многозначительно произнес Кирилл Витальевич, - это не от того, что крыша поехала, или ещё что-то там... Пока человек шевелится, то и бьёшь его ножом. Дело-то серьёзное, не на жизнь, а на смерть. А если не добьёшь, и он поднимется и в ответ ударит чем-нибудь железным и острым. Понимаете, какая штука?».

«Понятно. Теперь понятно».

«Если у Вас ещё какие вопросы будут по этому поводу, Вы обращайтесь...».

«Спасибо, учту».

«А Вам, часом, не приходилось... того...?» - осклабившись спросил Кирилл Витальевич.

«Только животных», - ответил психолог.

«Да Вы что... И какой у Вас был мотив?».

«Мои бабушка и дед, Царство ему Небесное, в деревне коз держали. И не только коз, но и свиней выкармливали. Вот мне и приходилось их резать. А что делать? Такова правда жизни...».

«Да Вы, Владимирович, передо мной не оправдывайтесь, не надо. Я понимаю».

Осуждённый неторопливо затянулся сигаретой, предложенной ему психологом. Посмотрел в затянутое свинцовой пеленой небо, и выпустил в него струю сигаретного дыма.

«Ну и как ощущения?» - спросил он у психолога.

«О чём Вы?».

«Коз Вы резали, и что чувствовали? Как это, кстати, происходило?».

«Как происходило? Я становился над ней, задираю её морду вверх и ножом перерезал горло. А свиней приходилось оглушать ударом по голове, а затем – ножом в сердце».

«А по Вам и не скажешь, что Вы на такое способны, - оглядев психолога с ног до головы сказал Кирилл Витальевич. – И что чувствовали?».

«Это неприятная работа. Кормишь и поишь, всё лето ухаживаешь, сарай чистишь, а потом ножом по горлу. Но, таков крестьянский труд...».

«Я не о том... - поморщился Кирилл Витальевич. – Вы, когда по её горлу острым ножом проводили, когда видели, как струя крови вылетает из надреза, как рана расширяется, ощущали, что она дёргается... Что чувствовали?».

«Извините, я не хотел бы говорить на эту тему...».

«Ага! – зек хлопнул ладонью психолога по плечу. – Вы меня можете понять! Видели, как жизнь гаснет в глазах у живой твари!?».

«Видал...».

«Разве такое забудешь? А если бы человека?».

«Не дай Бог...» - ответил психолог и перекрестился.

«Ладно... Чего пришли то?»

«Дневальный наш у себя?».

«Где ж ему быть... Позвать?».

«Спасибо, я сам».

«Владимирович, такое дело... Я Вас проконсультировал, теперь Вы меня. Только никому...».

«Могила», - ответил психолог.

«Я ночью просыпаюсь от страха. Сердце колотится, как птица в клетке. От чего это?».

«Опишите подробнее».

«Сплю одетый, холодно. Одеялом завернусь, а мне мерещится, что я похоронен заживо. Ещё кажется, что навалился на меня кто-то тёмный

и душит. И сердце стучит, как сумасшедшее. Встану, воды попью холодной и долго ещё успокоится не могу. Лежу, но думать ни о чём не могу. Ужас».

«Часто такое случается?».

«Бывает, иногда».

«А как часто?».

«Да кто его знает. Ну, может, раз пять в месяц».

«А что предшествует этому?»

«В смысле?».

«Конфликты с кем-нибудь, или вести из дома, или еще что-нибудь в этом роде?».

«Закусываюсь, конечно, не без этого. У нас тут все нервные, на взводе. Того и гляди, подставит кто-нибудь. Вы же и сами знаете?».

«Не курорт...».

«И что мне делать?».

«Значит, просыпаетесь, и в голове пусто, никаких мыслей?».

«Мыслей полно, но они какие-то быстрые... Не ухватишь за хвост, и роятся, в голове, роятся. Что со мной?».

«Думаю, что это панические атаки?».

«Да нет, порожняк. Никогда паникёром не был».

«Ночью, во сне, контроль сознания ослабевает и всё, что в вашей душе накопилось, всё это наружу прорывается. Весь негатив, который Вы, возможно, за всю жизнь накопили. Всё это, как поток прорвавший дамбу, накрывает Вас с головой. Наверное, и мысли о смерти часто посещают?».

«Смерти я не боюсь. Я умирал один раз. И знаете, что?».

«Что?».

«Это не страшно. Меня один раз чуть не забили до смерти. Здесь, в колонии. Но это еще при Украине было. И вот... только не говорите никому... иду я по темному туннелю, вроде как уже мертвый, а вдруг дверь сбоку, в стене туннеля, открывается и выходит негр. Смотрит на меня, а я на него. Ничего в нём страшного нет, а мне ужасно. И он мне говорит: «Ты куда, тебе ещё рано». Очнулся я в больничке».

«После этого ночью просыпаться начали?».

«Нет. Может с год как. Тогда я молодой был, крепкий. Ничего такого не было».

«А что произошло год назад?».

«Год назад? Что произошло... Ни чё не произошло. Год назад пошел четвертый год моего срока».

«Понятно...».

«Что понятно?».

«Ничего не понятно... Послушайте, Вы приходите в комнату психологической разгрузки, будем работать».

«Гражданин психолог, а телевизор там работает?».

«Где?».

«В психологической разгрузке».

«А Вы с какой целью интересуетесь?».

«Как с какой? “Кинчик” интересный посмотреть, музыку послушать. Разгрузиться. Это ж комната психологической разгрузки...».

«Кирилл Витальевич, а Вы на самом деле иногда просыпаетесь от приступов страха? Без балды?».

«Век воли не видать, Владимирович!».

«Ну, хорошо. Завтра приходите, я на Вас “квиток” выпишу. А как же Ваша работа?».

«Договорюсь...».

«Так, ладно. Если сегодня ночью повторится, дышите ртом, медленно выдыхайте и считайте вдохи-выдохи».

«Благодарю».

Первый этаж длинного, узкого здания занимал “Отряд №1”, на языке обитателей зоны – “козлятник”. В общей комнате, на бетонном постаменте, стоял огромный, по-настоящему огромный аквариум в котором плавал десяток маленьких рыбок, подкармливаемых чёрствыми хлебными крошками. Напротив аквариума, возвышаясь один ряд над другим, по принципу зрительных трибун театра, цирка и стадиона, стояли стулья. Возвышение одного ряда над другим было возможно из-за того, что стулья стояли на ступенчатой бетонной конструкции. По мысли, довольно странной, неизвестного архитектора зеки должны были сидеть на стульях уставившись на аквариум. Общая комната продолжалась длинным коридором по обе стороны которого шли железные двери тюремного типа, с большими смотровыми глазками и окошками для раздачи пищи. Двери были одинаковыми и по цвету, светло-серые, и по размеру, но за ними скрывались жилые помещения разного размера. В отличие от воли, на зоне в цене небольшие помещения. Чем меньше, тем лучше. В небольшой комнате помещается меньше кроватей, и, соответственно, меньше людей. В самой маленькой из них, украшенной фотообоями с видами Нью-Йорка, жил завхоз первого отряда со своей свитой. В помещении на восемь человек –

старики и инвалиды, нигде не работающие, но когда-то попавшие в эту “масть” и доживавшие свой век в казённом доме на первом отряде. Остальные, просторные комнаты, были набиты зеками под завязку, что обесценивало их размер.

Стас лежал на своей кровати, на первом ярусе, укрывшись полушерстяным одеялом, в клеточку серого цвета двух оттенков, под самый подбородок и пытался согреться, но безрезультатно.

«Александр! – обрадованно воскликнул Стас и сел на кровати. – Гостям я всегда рад. Надо же... Сергеич никогда сюда не заходил. А Вы какими путями?».

«За Вами, Стас. Поговорить нужно», - ответил Александр, ища, куда бы можно было присесть.

«Присаживайтесь на соседнюю кровать. – Сказал дневальный, откинув одеяло. Обув тапки, он надел чёрный бушлат и полез в свою тумбочку за кипятильником и пол-литровой стеклянной банкой. – Чайку? Я быстро заварю».

«Это можно».

«Не взыщите, Александр. Кружка у меня одна. Я её Вам отдам, а сам из банки попью. Не побрезгуете?».

«Не побрезгую».

Вода в банке быстро забурлила, и Стас всыпал в банку горсть чёрного, крупнолистового чая. Порывшись в тумбочке, он положил на неё две карамельки – к чаю. Отлив в металлическую кружку горячий, ароматный напиток и протянув её Александру, он сел на кровать напротив и развернул одну конфетку.

«Угощайтесь, Александр».

Психолог кивнул, развернул карамельку и откусив от неё четверть, отпил из кружки глоток горячего чая.

Чаепитие предполагает беседу, неторопливую и негромкую, как река на равнине, но промозглый холод не способствовал её течению. Чай они пили молча.

«О чем поговорить хотели?» - спросил Стас, почти допив свою порцию чая.

«Да так, мелочи, – чай был слишком крепкий и без сахара, но Александр старался не кривиться. – Пришёл узнать, как у Вас дела».

«Вы знаете, я всегда рад Вас видеть, но зачем “темнить”?».

«“Темнить” незачем, это точно. Мёрзнете, я вижу».

«Не май месяц, – улыбнулся Стас. – Ночью, под утро, костный мозг в костях замерзает. Одним только и спасаюсь... вспоминаю, как летом тепло было».

«Я, иногда, тоже вижу себя в другом месте. На море, где-нибудь, на пляже. Море плещется, чайки кричат».

«Не нравится Вам здесь, в зоне?».

«А что здесь может нравится?».

«Ну, да...».

«Одеяло одно у Вас. Холодно, наверное, под одним-то одеялом? Хотите, я с Вашим завхозом поговорю насчёт второго. Пару пачек сигарет хватит?».

«А... вон оно что. Что, отрядник к Горскому приходил?».

«Приходил. Говорил, что Вы свою кровать завесили, бриться перестали. Вам же на УДО. Скоро суд. Зачем характеристику портить?».

«Понимаете, в чём дело... Видите, как кровати близко стоят, – Стас посмотрел через плечо на стоящую сзади, соседнюю кровать. – На ней спит мой одноклассник. Так он во сне, то руку мне на голову положит, то свою ногу на мою кровать. Почему я должен терпеть это от своего одноклассника? Я и отгородился...».

«А бриться почему перестали?».

«Нечем бриться. Нечем. Те лезвия, что нам выдают, ими же невозможно побриться. Скребнут кожу, но щетину не бреют. Я маме позвонил, она должна выслать. Мне посылка положена».

«Давно Вы на этой кровати спите?».

«С тех пор как сюда заехал».

«А сосед тот же?».

«Ну да. А что?».

«А раньше почему не завешивали? Второго одеяла не было?».

«Было... Муторно перед судом. Не первый суд мой, но как-то не то... Раньше я по УДО не уходил. Западло это. Но обстоятельства поменялись, сами понимаете. Если бы ещё знать, когда он будет, суд этот, было бы полегче. А так, ночью ворочаюсь, плохо сплю. Всё мне кажется, что я с судьёй разговариваю. Он мне такой вопрос, а я ему такой ответ. Он позаковыристый вопрос, а я выкручиваюсь. Я уже извёлся. Можно узнать, когда мне суд назначили?».

«Я схожу в спец. часть узнаю. Если где и знают, то только там».

«Вот спасибо! Сегодня сможете сходить?».

«Смогу. Не терпится? Чем заниматься будете на воле?».

«Отдохну немного, отъежусь. У меня мать вкусно курицу запекает, с корочкой хрустящей... А потом не знаю. Придумаю что-нибудь. В

начале срока точно знаешь, чем будешь заниматься на воле, а как выходить, мысли в голове путаются. Странно, что Вы сюда пришли. Горский ни разу здесь не был. Брезгует с нашим братом общаться. Нос воротит. Это я не в осуждение, а так, мысли в слух. Рассуждаю».

«Не нужно преувеличивать».

ГЛАВА 9.

Здание клуба, в зоне, это эхо ушедшей цивилизации, делавшей небезуспешные попытки создать сверхчеловека, строителя светлого коммунистического будущего. Преступившего закон необходимо было перевоспитать, помочь ему вернуться в общество, подтолкнуть к мысли о пагубности выбранного им пути. В наши дни, клубы, Дома и Дворцы культуры оттеснены на обочину жизни Ночными клубами, не обремененными морально-нравственной нагрузкой и воспитательной функцией.

По приказу начальника колонии силами самодеятельности должен был быть подготовлен и сыгран спектакль на тему под условным названием "Встал на путь исправления". К большому сожалению администрации колонии профессиональных актеров в зоне не было, и, кроме того, женские роли, как в древнегреческом театре, играли мужчины, естественно, из касты "опущенных".

Курировать культурно массовое мероприятие было поручено замполиту, а тот, ввиду чрезвычайной занятости, перепоручил это дело своему заместителю.

Осужденные развили бурную деятельность. Путем открытого голосования, из нескольких кандидатов, выбрали режиссера и драматурга. Труппу набрали из добровольцев. Особо радостно

отнеслись к этой затее “опущенные” утвержденные на женские роли, так как на репетиционный период они избавлялись от своих каждодневных обязанностей связанных с уборкой помещений.

Деятельность заместителя замполита была сведена к одной функции - обеспечение необходимым реквизитом. Докладывая своему непосредственному начальнику заместитель, на вопрос о том, как там дела, мог ответить лишь, что дела идут и, без всяких сомнений, премьера состоится вовремя.

Когда пьеса была написана, актеры начали учить роли, параллельно проводя репетиции. Слышав когда-то, что мало-мальски уважающий себя театральный режиссер обязан сомневаться в способностях своих актеров, зоновский режиссер, вслед за Станиславским, очень часто кричал из зрительного зала: "Не верю! “Порожняк”! ».

Актеры старались как могли, но силы их были ограничены не очень калорийной пайкой, о чем было заявлено заместителю замполита. Рацион труппы стал более разнообразным и питательным.

Зоновская швейная мастерская работала исключительно на нужды театра.

В штабе и на территории зоны повесили афиши, нарисованные художником, информирующие потенциального зрителя о том, что такого-то числа, в клубе состоится премьера спектакля "Ядовитая любовь". Под названием спектакля красовался пугающе огромный, оранжево-черный тигр, судя по размеру клыков - саблезубый, прыгающий через пропасть.

Прежде чем повесить афиши, один экземпляр художник принес на утверждение замполиту лично. Замполит выразил сомнение в сочетаемости названия и изображения. Художник ответил, что он, как

творец, имеет право на свободное самовыражение, и если это кому-то не нравится, то он пойдет прямо сейчас в барак, ляжет на свою кровать и ничего больше делать не будет.

В день премьеры, женщины, служащие в штабе, под охраной сотрудников мужчин, заняли второй ряд в зрительном зале, первый и третий - мужчины сотрудники, в качестве буфера, на остальных рядах расселись осужденные. Когда зал успокоился на сцену вышел конферансье в зеленом клубном пиджаке и галстук бабочке. Шаркнув ножкой в казенных сандалиях, он обратился к зрительному залу: «Почтеннейшая публика, позвольте представить вам искромётно-сатирическую, остро-политическую, нравственно-пробуждающую пьесу “Ядовитая любовь”! Данный шедевр будет сыгран на подмостках нашего театра благодаря спонсорской помощи администрации колонии. Внимание! Мы начинаем!».

Конферансье поспешил прочь.

Занавес открылся.

«Коля, смотри, какие звёзды над нами! Как они весело мерцают, словно подмигивают нам. Вон синяя звёздочка, а вон жёлтая, а вот та - красная. Как прекрасен мир, в котором мы живём. Ты счастлив, Коля?» - на сцену вышла пара, очевидно влюблённых друг в друга молодых людей.

«Конечно, Леночка, я счастлив. Как хорошо, что я тебя встретил на своём жизненном пути. Как же я тебя люблю. Я не могу передать словами, как я тебя люблю. Я задыхаюсь от любви к тебе, – Коля молитвенно сложил свои ладони, заключив в них ладони своей возлюбленной. Он держал их нежно, словно маленькую птичку-синичку, боясь сломать её крылышки. – Моё сердце может вместить любовь всего Мира. Да что там Мира, всей Вселенной».

«Любимый, а о чём ты сейчас думаешь?» - лукаво глядя на своего возлюбленного спросила Леночка.

«О детях...».

«О каких детях?».

«О наших будущих детях, о мальчике и девочке. Девочка будет похожа на тебя, а мальчик на меня. Я буду их баловать. Особенно нашу крохотную дочку. Я буду называть её принцессой. Моя маленькая принцесса! Давай, когда она у нас родится, купим ей розовое кружевное платье. Знаешь, такое воздушное, словно летящее по ветру. У неё будут ямочки на щеках, такие же как у тебя, и звонкий, серебряный смех».

«А как мы её назовём?» - Леночка прижалась к Коле, доверчиво положив голову на его грудь.

«Как назовём? Конечно мы назовём её Леночкой, в честь тебя, моя любимая. А какое имя нравится тебе?».

«Давай назовём её Галя, в честь твоей мамы. У тебя такая замечательная мама... Ты не будешь против, если и я буду называть её мамой. У меня теперь будет две мамы».

Коля поцеловал Леночку в макушку.

Из-за кулис на сцену вышли хулиганы. Их было трое. Сутулые фигуры, шаркающая походка. Серые кепки “хулиганки” сдвинуты на бок. Они курили, зажав сигареты между большими и указательными пальцами и прикрыв оставшимися тремя. Один из них, тот что шёл в центре, сплюнул на сцену. За его спиной висела гитара.

«Опа! – воскликнул центральный хулиган. – “Стопе”! Слышь ты, ботаник, иди сюда!».

Леночка испуганно спряталась за спину Коли.

«Это Вы мне?» - спросил Коля и голос его дрожал.

«Алё! А кому ещё!? Ну ты, чё, не понял, чё тебе старший сказал!?» - гнусавым голосом спросил хулиган справа.

«Подожди, Леночка, – сказал Коля. – Это какое-то недоразумение».

Отстранив возлюбленную, он нерешительно приблизился к хулиганам.

«А ты чё, восьмиглазик, ходишь по нашему району за бесплатно!? Ты чё, правил не знаешь!? Хочешь ходить спокойно, плати», - глядя исподлобья на Колю сказал хулиган слева.

«Ребята, мы сейчас уйдём...».

«Чё ты сказал!? Ребята!? Твои ребята в овраге лошадь доедают! Ну ты, “гнус”, встал на колени, когда с тобой нормальные пацаны разговаривают! Такой, “гнус” как ты, должен на коленях ходить по нашему району!» - центральный хулиган ударил Колю в солнечное сплетенье, согнув его пополам.

Колины очки слетели с его носа звякнув о сцену. Слепо шаря правой рукой по полу, левую прижимая к центру груди и открывая рот по рыбки, стараясь вдохнуть, Коля не пытался встать.

«Ну чё, понравилось тебе!?» - центральный хулиган затушил сигарете о Колину щёку.

«Помогите! Милиция! - истошно закричала Леночка. – Убивают! Милиция!».

«Аааа!» - поволясь на бок закричал Коля.

Сверху вниз ударив Колю кулаком по лицу и опрокинув его на бок, хулиган слева оборвал его крик – Коля потерял сознание.

«Помогите! Убили!» - продолжала кричать Леночка.

«Слышишь, малая... не ори! - центральный хулиган подошёл к Леночке и взяв её рукой за подбородок заглянул в её зелёные глаза – Не бойся, малая, я тебя не обижу».

Тяжело дыша Лена испуганно смотрела на него, не решаясь убежать.

«Как тебя зовут, малая?».

«Ле... Ле... Лена».

«Ленок, значит. Красивое имя, Ленок. Чё ты с этим “гнусом” гуляешь!? Пойдём с нами. Не бойся, мы правильные пацаны, мы тебя не тронем. Посидим, выпьем, споём.

Взяв гитару, он перебрал струны и запел гнусавым голосом:

«О, Боже ж мой! Как хочется на волю!

Побыть на воле мне хоть несколько минут,

Забыть колонию, забыть ее законы,

И на тебя, моя пацаночка, взглянуть.

Забыть колонию, забыть ее законы,

И на тебя, моя пацаночка, взглянуть...»

Обняв Леночку за талию центральный хулиган шаркающей походкой, в сопровождении своих друзей-хулиганов, повёл её за сцену.

Полежав на сцене минуту, Коля начал медленно, со стоном, подниматься. Сев, он обхватил голову руками.

«Леночка... Леночка.... Где ты, любимая!?» - раскачиваясь из стороны в сторону стонал Коля.

На сцену вышел осуждённый в форме сотрудника ФСИН.

«Что с Вами, гражданин?» - он помог Коле встать на ноги.

«Оставьте меня... Найдите мою невесту... Её похитили неизвестные...».

«Куда они пошли!?» - оглядываясь по сторонам спросил сотрудник.

«Я не знаю...», - простонал Коля.

«Не беда, гражданин! Мы объявим план “Перехват”. Прочесем весь район, заглянем в каждый подъезд и за угол каждого дома. Мы найдем её!» - отпустив Колю, отчего он сразу же опустился на пол, сотрудник скорым шагом ушёл за кулисы.

«Как жить дальше... - лежа на спине причитал Коля. – Как дальше жить? Что они с ней сделают? Не уберёт я тебя, Леночка, не уберёт... Если тебя не найдут, я не буду жить! Я не смогу жить!».

Из-за кулис вышел сотрудник.

«Виноваты, гражданин. Мы всё прочесали. Мы её не нашли. Не теряйте надежды, гражданин. Мы её найдём», - снова уходит за сцену.

Пошарив руками по сцене, Коля нашел осколок его разбившихся очков и несколько раз, наотмашь, резанул по своему запястью.

Из-за закрывшегося занавеса доносился топот, звуки перетаскиваемой мебели, невнятные разговоры. Занавес открылся.

На журнальном столике стояли бутылки с водкой и вином, стопки, пепельница, заполненная окурками, нехитрая закуска. На диване, стоящем около стола, сидел “центральный” хулиган и Лена.

«Вот ты думаешь, что я плохой человек. – Хулиган налил водки в стопку и мастерски опрокинул её в себя. – А я не плохой человек, а

сильный человек. Понимаешь, малая, я сильный. А твой дружбан, он слабый. По очкам ему дали, и он скис. Ты подумай, с кем ты общаешься...».

«Отпустите меня пожалуйста. Я Вас боюсь», - сложив руки крестообразно на груди Лена вжалась в спинку дивана.

«А я тебя не держу. Можешь идти. Дверь, вон, открыта. Только сейчас ночь, а район у нас опасный. Куда пойдёшь? До первого отморозка? Посиди со мной, поговори. Или тебе “западло” со мной просто поговорить. Выпей, легче станет, - хулиган наполнил рюмку водкой и протянул ей. – Пей!».

Лена отрицательно покачала головой.

Со сцены в зал явственно потянуло алкогольными парами. “Кум” беспокойно заёрзал в своём кресле.

«Пей, тебе легче станет. Отпустит. Пей!».

Лена взяла стопку и пригубив, сначала, полностью выпила её содержимое.

«Подожди, немного, легче станет. Мне от водки всегда легче становится, отпускает».

«Что отпускает?» - осмелев спросила Лена.

«Я не знаю, что. Тяжесть невыносимая в груди. Сжатая пружина в груди давит, а распрямиться не может. Вот, кажется, дашь в морду прохожему, телефон или “лопатник” отберёшь и станет легче. Сломается пружина. А она сильнее давить начинает. Всё хуже и хуже. Водкой голову задурманю, отравлю мозг, забудусь на время. А утром проснёшься, в зеркало смотреть не хочется. Нарваться бы на финку в подворотне...».

«Любимая есть у тебя?».

«А кто полюбит такого? Посмотри на меня. Ты бы полюбила такого как я? Ааа... боишься. И ты меня боишься! Меня все боятся. Я сам хотел, чтобы меня боялись. Но оказалось, что страх и ненависть, это сёстры близнецы. Когда боятся, то начинают ненавидеть того, кто их пугает. Я пугал их, думал, что они будут меня уважать, а они меня ненавидят. Я стал чудовищем. Кто полюбит чудовище?».

«Ты не чудовище, ты... Попробуй измениться. Попробуй».

«Измениться? Что скажут “кореша”? На роду у меня написано так жить. Когда мне было двенадцать лет, цыганка нагадала, что я умру в тюрьме. Зона - мать моя родная. Кто-то должен мучаться, нести этот крест. Лучше уж я... Слово судьба, похоже на слово суд. Сколько судья отмерит, столько и нести придётся».

«Как тебя зовут?».

«Крестом меня кличут. И ты меня так зови».

«А имя твоё как? Не мать же тебя Крестом назвала. Как тебя зовут?».

«Мне его приходится называть только в “мусарне”, на допросе. Моя судьба Крестом быть, так меня и зови. А ты, Ленок, чем по жизни занимаешься?».

«Учусь. Студентка».

«В университете, значит? И на кого?»

«Я философ».

«Философ? Ни хрена себе! Ты первый философ, которого я знаю. И где ты будешь работать, после диплома? Да, ладно... Не в обиду будет

сказано. Учись на здоровье. Выпьем за то, чтобы ты хорошо училась», – Крест разлил водку по рюмкам.

«Вот тебе смешно, - изрядно захмелевшая Лена ударила ладошкой по столу. - Смеёшься ты надо мной. Смеётся он надо мной. Философ... философ... А ты кто? “Гопник”! А хочешь я тебе расскажу о тебе, как философ. Хочешь фокус покажу?».

«Покажи!».

«Ты хоть знаешь, кто такой Гегель? Да что ты вообще знаешь!? Шатаешься по подворотням и людей бьёшь! Нормальный человек будет себя так вести!? О чем это я... Так вот, Гегель говорил, что судьба человека зависит от самого человека. И все страдания, которые ты себе насочинял, они только в твоей голове! Конечно, с одной стороны ты прав, когда рассуждаешь о предопределении. Прав! Но с одной стороны! Мы все, и даже ты, живём на планете Земля. От этого факта ты никуда не уйдёшь. А Земля наша вращается в солнечной системе, а солнечная система расположена в Галактике. И пошло, поехало: вспышки на солнце, магнитные бури, вращение небесных тел вокруг своей оси, приливы и отливы, землетрясения, извержения вулканов, всё это влияет на нас и от этого никуда не денешься. Потеряешь ты здоровье во время землетрясения, станешь инвалидом, и судьба твоя изменится. Понял, что я тебе говорю!? Говорю я тебе, что наши жизни зависят не только от нас самих, но и от... разного прочего. Вот ты говоришь, что цыганка нагадала. Конечно, если учесть, что наш мир он един и... это система, которая живёт по законам, то можно делать определённые прогнозы, но откуда этой дуре цыганке-гадалке знать, что ты в тюрьме умрёшь? Это что, научный прогноз? Ты, вообще, знаешь, что такое – самоисполняющееся пророчество? Она тебе внушила, что ты должен умереть в тюрьме, что это твоя судьба, а ты и начал выстраивать свою жизнь так, чтобы умереть в тюрьме. Зачем ты друга моего ударил? Зачем

меня сюда притащил? Хочешь показать, что ты сильный, а мы слабые? Ты вообще не сильный! Ты слабак! Вот если бы ты семью создал, защитил диссертацию и дом построил, вот это было бы да! Вот это по-мужски!».

«Ты меня, что... оскорбить пытаешься? - набычился Крест. – Выпьем давай!» - разлил водку по рюмкам.

«Я тебе за жизнь... твою “босяцкую” говорю. От тебя много зависит. Завязывай ты со своей судьбой “жиганской”, выходи на честный путь. А нет, так точно на зоне “хвоста откинешь”!».

«Ленчик, давай ещё по одной накатим», - по щекам Креста катились пьяные слёзы.

«Наливай...».

«Ленчик... завяжу... – плечи Креста сотрясались от плача. – Ради тебя завяжу! Будь моей, Ленчик! Меня Илья зовут. Ленчик, забудь своего “ботаника”, будь моей! Завтра же завяжу!».

Занавес закрылся.

Топот ног, звуки перетаскиваемой мебели, невнятные разговоры.

Занавес открылся.

На сцене, среди деревьев, возле разверстой могилы с крестом, на двух табуретках стоял закрытый гроб, обитый красной тканью. Безутешные родственники безвременного ушедшего стояли полукругом. Все они, как один, были в чёрных одеждах, их лица были опущены вниз. В вершинах деревьев завывал ветер, но их бумажные ветви не колыхались.

«Дорогой брат... - шагнувший из полукруга ко гробу бритый на лысо парень в очках обратился к покойнику. – Я буду помнить тебя

всегда. Я буду помнить наши детские игры, наши ссоры, нашу дружбу, я буду помнить всё. Ты лежишь передо мной в гробу, но это не совсем ты, это твоё тело, а твоя душа будет жить в моём сердце, в моей памяти. Ты навсегда останешься молодым, двадцатичетырёхлетним парнем, отличником, подающим большие надежды студентом. Ты навсегда останешься моим братом», – он окончил свою речь и вступил в полукруг.

«Колечка, на кого ты меня покину... - кричала упавшая на колени перед гробом мать Николая. – Зачем мне жить теперь... Лучше бы мне умереть... а ты живи. Коленька, я лягу в могилу, а ты встань... Коленька... Коленька... Зачем ты это с собой сотворил?.. Зачем?.. Коленька! Коля! - она подползла к гробу и попыталась открыть крышку, но она была крепко заколочена. – Откройте её! Пусть он выйдет! Зачем он там лежит!? Зачем!? Коля вставай! Коля, просыпайся, тебе нужно в университет!? Коля проснись!» - она упала без чувств, к ней бросились на помощь. Отнеся мать чуть в сторону, под дерево, её обрызгали водой, дали лекарства, и оставили сидеть под деревом под присмотром нескольких родственников.

«Колька, друг! Сердце в моей груди разрывается! Колька, возьми его себе! Пусть оно бьётся в твоей груди! Эх, дружок мой, как же рано ты ушёл! Что ты видел в этой жизни? Кто-то в двадцать четыре года проживает целую жизнь, а ты даже не начинал жить. Что ты видел, учебники, рефераты, курсовые? Колька, лучше бы ты путешествовал, играл на гитаре и пил пиво в парке на скамейке с девчонками. Не то я говорю, не то... Я знаю. Не умею я говорить речи, стоя перед гробом друга. Не умею я хоронить друзей. Дружить умею, а хоронить нет. Теперь у меня есть такой опыт, но я бы отдал свое здоровье, чтобы не иметь такого опыта. Прощай, друг!».

«Сыночек, зачем ты сделал это с собой!? Лучше бы ты убил того “гада”, который тебя оскорбил, – говорил стоя у гроба седовласый отец.

– Отсидел бы и вышел, ничего страшного. Мы бы с матерью тебя дождались. Лучше на нарах, чем в могиле. Из могилы возврата нет, а срока заканчиваются. Сыночек, я обещаю тебе, что я отомщу за тебя. Я найду твоего обидчика и отрежу ему руки, избивавшие тебя. Дорого ему встанет то что он сделал. Спи спокойно сыночек, покойся с миром. Пусть меня осудят Бог и государство, но справедливость должна восторжествовать! Спи спокойно сыночек, я не успокоюсь, пока твой обидчик не ляжет в могилу. Спи спокойно».

К гробу подошли четыре человека с верёвками в руках. Пропустив их под гробом, они легко его подняли и опустили в могилу. Идя друг за другом, собравшиеся на кладбище брали по горсти земли и бросали её вниз, на крышку гроба, в память о том, что мы созданы из земли и в землю возвращаемся. Кладбище опустело.

Из-за дерева вышла Лена. Она приблизилась к земляному холму, присела рядом с ним, положив руки голову на него, как бы обнимая.

Из-за дерева в белом балахоне вышла душа Николая. Она подошла к лежащей на могиле Лене и коснулась её плеча. Обернувшись, Лена вскрикнула от ужаса и закрыла лицо руками.

«Не бойся, – успокоила её душа Николая. – Тебя я не обижу. Земные страсти больше не имеют силы надо мной. Я пришёл попрощаться».

«Ты мне снишься?».

«Нет, я реален. Я коснулся твоего плеча, и ты вскрикнула от ужаса почувствовав прикосновение. Не бойся».

«Коля, прости меня».

«Мне не за что тебя прощать. Так было суждено, моё время пришло, и я вышел из тела».

«Коля я виновата перед тобой!».

«Не это меня заботит. Меня отпустили на время. Я совершил тяжёлый грех, я убил себя. Меня ждут тяжёлые испытания, вот что терзает меня. Молись обо мне».

«Коля...».

«Моё время скоро истечет. Слушай меня внимательно. Ты должна остановить моего отца. Он в сердце своем и в мыслях совершил страшное преступление и скоро облечёт его плотью. Он хочет обогреть свои руки и землю кровью человека. Он погубит свою душу. Постарайся остановить его».

«Коля, он не слушает меня. Поговори с ним сам. Ты его сын, он любит тебя и сделает так, как ты попросишь».

«Нет, к нему явиться я не могу. Он закрыт для внеземного мира. Стена ненависти закрывает его, но она его может придавить своей тяжестью, если он не одумается. Если ты когда-нибудь любила меня, то спаси моего отца, кровь которого бежала в моих жилах. Еще минута и я уйду во мрак... Спроси меня о чём хочешь, я отвечу на твой вопрос. Для мёртвых тайн не существует».

«Коля, как мне дальше жить?».

«Живи так, чтобы не попасть во мрак, в котором нет людей, а лишь чудовища, ненавидящие нас. Я не смог... Я слышу топот их копыт и смрадное дыханье. Они идут за мной. Они утащат меня туда, в мир под вами. В царство мёртвых из которого можно выйти только с помощью живых. Молись обо мне. Я ухожу».

Свет на сцене потух. Раздались раскаты грома.

Занавес закрылся.

«Слушай, Станиславович, - “хозяин” наклонился к уху сидящего рядом с ним первого заместителя, - а кто написал эту пьесу?».

«Денис Денисович, сидит у нас один на втором отряде. За мошенничество. Ну, как Вам, нравится?».

«Как-то не очень. Думал, приду, отдохну от службы. Приобщусь к искусству, так сказать. Мне в театры, “за забором”, ходить некогда, а тут такой случай представился. И вот тебе пожалуйста... убийства, пьянка, наркомания, предательство, месть. Всё как у нас. Кроме этого привидения. Привидения у нас не водятся?».

«Такой информации нет».

«По-другому нельзя было? Написал бы добрую пьесу о хороших, милых людях, радостных, добрых».

«Денис Денисович, я думаю, что он не со зла. Он не знает другой жизни, всё по тюрьмам да по зонам».

Занавес открылся.

Нарисованная продавщица пива, наполовину скрытая стойкой, мрачно смотрела в зал холодными голубыми глазами.

За высокими барными столиками неторопливо потягивали из пивных бокалов мутную, жёлтую, слабо пенящуюся жидкость. И снова первые ряды зрительного зала почувствовали запах алкоголя, исходящий со сцены.

Щёки “кума” покрылись румянцем, а пальцы рук, до бледности, сжали подлокотники кресла.

«Где они брагу взяли?» - “кум” прошипел вопрос своему подчинённому оперативнику.

«Виноват!».

«Всех, кто пьёт, на карандаш. Я им устрою спектакль на пятнадцать суток в ШИЗО. Наглые сволочи!».

«Я их всех запомнил!».

На сцене, посетители пивной о чём-то весело толковали, не забывая прикладываться к бокалам и изредка поглядывая в зрительный зал.

За крайним столиком стояла Лена и хулиган Илья.

«Вчера похоронили Колю. Я была на кладбище».

«Он умер!?».

«Да».

«Не может быть! Мы били его не сильно. Менты приходили, не знаешь? От чего он умер?»

«Я не знаю, это был сон или явь, но я видела Колю».

«Ты же сказала, что его похоронили».

«Я пряталась за деревьями... сама не знаю почему, и видела, как его закопали. Потом, когда все разошлись, я подошла к могиле и он появился. Призрак, или душа, или галлюцинация, но он говорил со мной. Его отец обещал отомстить, а Коля просил меня отговорить его от этого. У меня в голове туман, я плохо понимаю, что происходит. Я его любила, собиралась за него замуж, и вот я стою в пивной и пью пиво с человеком, погубившим его, на следующий день после его похорон. Может быть я сошла с ума?».

«Ты нормальная, это жизнь сумасшедшая».

«Я не уверена в этом. Зачем я с тобой общаюсь? У нас ничего общего. Кто ты, а кто я. Что ты можешь мне предложить? Ты сядешь, а

я буду тебя ждать? Или ты хочешь развлечься и скоро бросишь меня? Я для тебя добыча, приз, рабыня?».

«Лена, я честно тебе скажу, я не знаю. Когда я тебя притащил к себе, я был на кураже, мне хотелось... сама знаешь, чего мне хотелось, но потом я увидел в тебе человека».

«Смотри, как ты заговорил... А куда делись твои ужимки, эти тюремные словечки, куда подевались твои гонор и спесь?».

«Маска. Я вынужден носить маску, быть как все мои друзья. Иначе меня посчитают слабым звеном и мне конец. У нас как в волчьей стае, слабых поедают».

«А ты говорил, что это Коля слабый человек. Он, по крайней мере был самым собой, а тебе для этого смелости не хватает. Твоя маска, как панцирь рака или краба. Мягкое нутро крепится к панцирю, так и у тебя, к твоей маске крепится твоё мягкое нутро. Разрушь твою маску, и ты расплывешься как медуза, выброшенная на берег».

«Жестоко говоришь. Раньше, за такие слова, я бы ударил кулаком или финкой, но сейчас не могу... Давай уедем, мне нельзя оставаться с моими близкими, они меня порвут, когда увидят какие перемены произошли во мне. Давай уедем далеко, Россия большая».

«Мне нужно учиться».

«Переведёшься в другой университет, где-нибудь в Сибири. Деньги у меня есть, на дорогу и жильё хватит».

«А чем ты будешь заниматься в Сибири. Выйдешь на большую дорогу с кистенём, купцов грабить».

«Нет, хватит такой жизни. Пойду работать, или бизнесом займусь. Я не знаю. Новую жизнь начинать сложно и страшно, но я готов, я решился. Только будь рядом со мной. Ради тебя, я завяжу».

«Я поняла. Раньше твое мягкое, белое крабье тело крепилось к маске хулигана, а сейчас ты хочешь прикрепиться ко мне... Я поняла. Не ты будешь мне опорой, а я тебе. Что же мне так с мужиками не везёт!? Коля искал во мне поддержку, а теперь ты. С виду brutальный, а на самом деле... Может быть причина во мне?».

«Лена, давай уедем. Забирай документы из университета, и поехали. Решайся, Лена. Решайся. Мы созданы друг для друга, я это понял, я это почувствовал. Нарожаем детей, построим дом...».

«Посадим дерево...».

«И дерево посадим! Все будет, но нужно решиться!».

Сергей Сергеич сидел в третьем ряду, но на сцену не смотрел. Он с трудом сдерживал рвотные позывы, но слова из диалога Лены и Ильи, неумолимо проникали в его уши, ему хотелось закрыть их ладонями и уйти из клуба быстрыми шагами. Он закрыл руками свой живот, то ли защищая его, то ли согревая. Сергей Сергеич попытался отвлечься и посмотрел в затылок сидящей перед ним сотрудницы, но вид её приятно пахнущих длинных светлых волос вызвал новые спазмы в его желудке. Он перевёл взгляд на потолок и начал считать темные пятна плесени и желтые разводы на его поверхности.

«Хорошо, - ответила Лена, - покупай билеты, на послезавтра».

Занавес закрылся.

«А я вот был в прошлом году в театре, как там его... на площади Ленина. Знаешь? Мне понравилось. На Новый год с детишками. По богатому представлению поставлено. Нарядно», - делился своими впечатлениями сотрудник Отдела безопасности.

«Это ты имеешь ввиду Украинский музыкально-драматический?».

«Ага, его».

«Я слышал, что при его постройке допустили крупную ошибку. Там, где зрительный зал, должна была быть сцена. И теперь на сцене слышно, что происходит в зрительном зале лучше, чем в зрительном зале – то, что происходит на сцене».

Занавес открылся.

Пирон железнодорожного вокзала, вагон поезда с табличкой “Симферополь-Владивосток”. Перед проводницей, проверяющей билеты, образовалась небольшая очередь пассажиров в конце которой стояли Лена и Илья.

«Я думал, не придёшь».

«Пришла».

«Ты не бойся, теперь всё будет хорошо. Я тебе гарантирую».

«Я знаю. Ты садись, а мне нужно отойти на минутку».

«Куда это?» - насторожился Илья.

«Хочу купить кое-что в дорогу. Там я видела лоток с книгами, выберу пару детективов в мягкой обложке. Я быстро. Дай мне мой билет, а то меня потом в вагон не пустят».

Илья отдал ей билет, и она быстрым шагом ушла со сцены.

Очередь продвигалась, между проводницей и Ильёй осталось несколько человек.

«Сержант Овчаренко. Ваши документы», - услышал Илья за своей спиной. Обернувшись он увидел двух сотрудников полиции.

«А что случилось, командир?».

«Проверка документов. Обычное дело».

«Командир, у меня поезд отходит...».

«Вот и не задерживайте сами себя».

Илья извлек из внутреннего кармана куртки паспорт и протянул его полицейскому. Проводница прекратила проверять билеты и насторожено следила за происходящим.

«Так... - полицейский полистал паспорт Ильи и положил его в карман. – Сейчас будет произведён досмотр Ваших личных вещей. Гражданочка, - обратился полицейский к проводнице, - а где Ваша напарница?».

«Позвать?» - с готовностью спросила проводница.

«Зовите».

«Начальник, чё за дела, какой досмотр? У меня поезд вот-вот отчалит?» - засуетился Илья.

«А мы быстро. Пять минут и поедите во Владивосток. Сохраняйте спокойствие в общественном месте, гражданин».

Проводница привела напарницу, похожую на неё, как две капли воды.

«Внимание, товарищи проводницы, сейчас в вашем присутствии будет проведен досмотр личных вещей этого гражданина. Так... доставайте все из своих карманов и кладите на эту папку», - полицейский держал свою чёрную, кожаную папку для документов как поднос.

Илья выложил портмоне, зажигалку, пачку сигарет. Нащупав в кармане маленький пакетик с чем-то сыпучим внутри, Илья побледнел.

«Чего там?.. – спросил полицейский. – Доставайте, не стесняйтесь».

Илья извлёк из кармана пакетик с белым порошком.

«Это, конечно, не Ваше?» - ухмыляясь спросил полицейский.

«Подкинули, “гадом” буду».

«А внутри сахарная пудра?».

«Это не моё, подкинули!».

«Кладите сюда», - приказал один из полицейских, держа развернутый целлофановый пакет. Второй полицейский был готов перехватить руку Ильи.

«Клади, клади, не сомневайся. Если сахарная пудра, вернём. Вот, молодец. Товарищи, сейчас составим протокол, распишитесь. А с Вами, гражданин, придется пройти в отделение».

«Вы мне подбросили! Подбросили мне этот пакет!».

«Не гунди. У нас свидетель есть, который видел, как ты доставал подозрительный пакет из кармана. Лучше “чистуху” напиши, может быть суд скостит...».

«Беспредел...», - злобно прошипел Илья.

«Где ты беспредел увидел? Беспредел – это наркотой торговать. Хватит болтать, пойдём».

Полицейские, держа Илью под локти, уводят его со сцены.

Из-за кулис вышла Лена и пошла вслед за полицейскими и Ильёй, по пути разрывая билет на мелкие клочки.

Занавес закрылся.

«Как думаешь, наркоту менты подбросили?» - спросил сидящий в зрительном зале сотрудник Отдела безопасности у коллеги справа.

«Хрен его знает. Могли и менты, с них станется. А может быть он с собой наркоту вёз для продажи... “Толкнул” бы её во Владивостоке, вот тебе и деньги на первое время».

«Кому “толкнул”? Это же тебе не мандарины. Стал у перехода, написал на бумажке цену и продавай на здоровье. Что ему местные “барыги” скажут? “Спасибо, -скажут, - что привез из Крыма наркоту. Тебя только тут и не хватало”».

«Слушай! – поражённый своей догадкой коллега справа, хлопнул себя по колену ладонью. – А если это баба его “сдала”? Пошла к ментам и сдала. В отместку за очкарика».

«Вот сука! Могла и сдать! Что за народ эти бабы!».

Занавес открылся.

За письменным столом сидел мужчина, следовательно, в строгом черном костюме. Слева от него, на столе, возвышалась стопка объёмных бумажных папок для бумаг с тесемочками – уголовные дела. Перед ним – чистый лист бумаги и письменные принадлежности. На стуле, лицом к нему сидела Лена.

«Свидетель, - обратился к ней следователь, - предупреждаю Вас об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Итак, при каких обстоятельствах Вы заметили у подозреваемого пакет с веществом, похожим на наркотическое?».

«Я ожидала своей очереди сесть в вагон поезда. Смотрю, а он достал из кармана, маленький такой пакетик, целлофановый, а в нем какой-то белый порошок. А лицо у него очень подозрительное. А зачем у меня взяли отпечатки пальцев?».

«Из какого кармана подозреваемый достал пакет?».

«Из правого, кажется... Да, точно, из правого кармана куртки».

«Вы были знакомы с подозреваемым?».

«Я!? Да Вы что! Чтобы я водила знакомство с такими как он!? Нет! Все мои друзья и знакомые – интеллигентные люди, а не какие-нибудь там...».

«Я почему интересуюсь... у Вас и у подозреваемого билеты были в одно купе. Что интересно, он выкупил все места в купе, кроме одного – вашего. Ваше место в купе было приобретено на Ваше имя. Согласитесь, это выглядит очень странно. Если бы он хотел поехать один, он выкупил бы все места, а так... Это наводит на определённые размышления».

«Вы меня в чём-то подозреваете? В чём-то предосудительном?».

«Я Вас ни в чём не подозреваю, но мне нужно выяснить все обстоятельства дела. Преступление, в котором подозревается гражданин, очень серьёзное, до десяти лет лишения свободы. Я уверен, что Вы понимаете, какая ответственность лежит на нас. А с какой целью Вы ехали во Владивосток?».

«Я люблю путешествовать, хотела посмотреть Россию. Я побывала во многих местах на Украине, а вот по России путешествовать не довелось».

«Не ближний свет, до Владивостока, тем более на поезде».

«А что такого?».

Следователь взял трубку телефона: «Алло. Да. Готовы результаты дактилоскопии? Ага. Да. Да. Серьёзно!? Хорошо, принесите мне результаты. Я могу называть Вас Лена?».

«Да, пожалуйста».

«Лена, ситуация такая... на внутренней стороне пакетика с наркотиками найден отпечаток Вашего пальца. Вам не кажется это любопытным?..».

Лена побледнела как полотно.

«Каким образом он там оказался, - продолжал рассуждать следователь, - если Вы видели пакетик своими глазами? Только лишь видели, а не прикасались. Хорошо, предположим, что Вы стояли рядом с подозреваемым и, каким-то замысловатым образом, прикоснулись к пакету с наркотиками... но тогда Ваши отпечатки остались бы с внешней стороны пакетика, но отпечаток с его внутренней стороны, а это объяснить простым совпадением, стечением обстоятельств, расположением звёзд и солнечной активностью уже довольно сложно. Я логично рассуждаю?».

«Это не мои наркотики!».

«Охотно верю. Как Ваш отпечаток пальца оказался на внутренней стороне?».

«Я их ему подбросила! Я хотела ему отомстить!».

«Вот с этого места давайте поподробнее... Получается, что Вы знали подозреваемого?».

«Да. Из-за него умер мой друг. Илья с друзьями избили его, и он покончил жизнь самоубийством».

«Хорошо, к этой теме мы ещё вернёмся. А сейчас расскажите, где Вы взяли наркотики».

«Я их купила».

«У кого. Имя, адрес».

«У моего сокурсника. Павел Пономарёв».

Лена с трудом сдерживала рыдания.

«Хорошо, проверим. Каким образом пакетик оказался у Ильи в кармане?».

«Мы разговаривали, и я незаметно подбросила ему в карман».

«Вы открывали пакетик?»

«Да».

«Зачем?».

«Хотела попробовать, а вдруг там мука?».

«Илья, с Ваших слов, погубил Вашего друга, который был Вам настолько близок, что Вы решили отомстить, но, исходя из логики развития событий, Вы какое-то время общались с Ильёй и даже согласились уехать с ним. Бросили университет, оставили родителей. Купили большую партию наркотиков и подбросили ему в карман. Мудрено... А мне, представляется, что дело обстояло иначе. Вы, и Ваш подельник торговали наркотиками. Это подтверждается и показаниями Ильи. Вот почитайте. Он пишет, что Вы, Лена, были с ним в доле. Что Вы на это скажите?».

«Он врёт! Я не виновата!».

Занавес закрылся.

Зрители, в преддверии развязки принялись активно обсуждать происходящее на сцене:

«Ну, накрутили... Как в индийском кино!».

«Процедура не такая...».

«Следак быстро дело раскрутил, две минуты и ваш портрет. “Туфта”».

«Вот стерва, довела человека до группы. Теперь больше впаяют».

«Помню, в конце восьмидесятых был случай...».

«Точно десятку дадут. Его, как рецидивиста, на нашу зону, а её, на материк...».

«Не знаешь, в какой женщины срок отбывают?».

«Где они костюмы взяли? И мебель, опять же...».

Занавес открылся.

Светло-серая больничная палата. На металлической кровати со скрипучей панцирной сеткой лежал отец Коли. В металлическо-стеклянном шкафу стояли пузырьки с лекарствами, от штатива к вытянутой вдоль бессильного тела руке тянулась трубка капельницы, по которой медленно, капля за каплей, поступало лекарство. Больной безучастно смотрел в потолок, над ним кружила огромная зелёная муха назойливым жужжанием своим не отвлекавшая его от погружённости в себя. В палату вошла согбенная женщина в чёрном траурном платке, подошла к его кровати и присела на корточки около деревянной прикроватной тумбочки, и открыв её дверцу, выложила из пакета кефир и печенье. Выпрямившись, она поискала глазами, куда бы присесть и опустилась на край его кровати.

«Покушаешь потом, - нежно поглаживая мужа по руке сказала жена. – Прицепилась проклятая!» - она махнула рукой отгоняя зелёную жужжащую муху, но та настырно кружила, над кроватью больного.

«Заказала оградку Коленьке... хорошая такая, железная, с завитушками и лепестками, а лепесточки золотой краской окрашены. Красивая оградка. Я, когда помру, такую же хотела бы. И крест, тоже железный и с завитушками. Батюшка не стал отпевать, но как без креста? Стыдно без креста ребёнка хоронить. Что люди скажут? Я тебе олады

испекла, твои любимые, с яблоком и изюмом, а потом вспомнила, что тебе ничего этого нельзя. Может покушаешь? Попей кифирчика, он не жирный. Печенько галетное. Что ты всё молчишь? Я сегодня с врачом разговаривала, он говорит, что кризис прошёл и тебя завтра выпишут. Дома всё лучше, чем в больнице. Дома и стены лечат. Вот тоже новости... Ленку посадили. Помнишь её? С ней наш Коленька дружил, а она уголовница оказалась. Что-то там с наркотиками связано, бабы во дворе говорили. Вроде как она со своим хахалем наркотики продавала, а милиция их арестовала. Как можно было и с Колей нашим дружить и с хахалем наркотики продавать? Совсем люди с ума посходили. Что ж ты так и будешь лежать? У тебя так скоро пролежни появятся. Ну ка, я тебе сейчас помогу... - она взяла его за плечи и встряхнула. – Давай, Фёдорович, возвращайся в себя. Надо дальше как-то жить. Мало мы с тобой претерпели? Можно и это вынести».

Она попыталась подтянуть его повыше и облокотить о спинку кровати, но он повел плечами отказываясь от её помощи и сел самостоятельно.

«Ты, Федорович, сейчас как дитё малое. Ничего, Фёдорович, и не такое у людей случается. Давай я тебя с ложечки кефиром покормлю, за папу, за маму?».

«Ты, мать, совсем сдурела...», - проворчал муж, беря из её рук кружку.

«Вот и молодец. Хочешь, я завтра с грузчиками приеду? Погрузим тебя в машину и домой поедем».

«Сам дойду».

Занавес закрылся.

ГЛАВА 10.

«Это кабинет психолога?».

«Да. Здравствуйте».

«Здрасти, - слегка разведя плечи в стороны, пытаюсь показаться крупнее, молодой худощавый зек пристально смотрел на Александра. – Мне психолог нужен».

«Я психолог. Чем могу Вам помочь?».

«Не знаю, чем. Тепло тут у Вас».

«Тепло. Хорошо топят. Котельная за стенкой».

«Можно просто посидеть?».

«Можно. Как Вас зовут?».

«Артём. Артём Деревянко, третий отряд, статья...».

«Это лишнее, - перебил психолог. – Имени достаточно. Присядьте, согрейтесь, на рыбу посмотрите».

«Хорошая рыба, - заметил зек, примостившись у горячего радиатора. – Здоровая?».

«В каком смысле? В смысле – крупная, или – не болеет?».

«Не болеет?».

«Не знаю... - озадачился психолог. – Я не разбираюсь».

«Если сдохнет, Вы мне её отдайте. У нас, на отряде, кот живёт. Я её ему скормлю».

«Вообще, это не моя рыба, а Сергея Сергеича, но я думаю, что при таком развитии событий он возражать не будет».

«Хорошо».

«Да».

«А кто Вы по званию?».

«У меня нет звания, я гражданский».

«Не. Я не за то. У психологов тоже должны быть звания. Или нет?».

«Магистр. Магистр психологии».

«Ого. Дааа... И что, человека насквозь видите?».

«Нет. Этого я не могу».

«Жаль».

«Ну, что поделаться...».

«И как Вы людям помогаете?».

«Как помогаю? Слушаю, что человек мне говорит, задаю вопросы, снова слушаю, опять задаю вопросы. И так до тех пор, пока человек пришедший ко мне не увидит выход, решение, путь. Моё участие минимально».

«Не пыльная у Вас работёнка».

«Да...».

«И что, никто не узнает о том, что я Вам расскажу? Даже “кум”?».

«Всё останется между нами. Век воли не видать».

«Так о чём мне Вам рассказать?».

«О чём хотите».

«Да я даже не знаю...».

«Расскажите о прошлом, к примеру».

«А что рассказать?».

«Да что хотите. Что приходит Вам на ум?».

«Так а... По порядку может? Как биографию расскажу Вам».

«Я Вас слушаю. Начинайте, когда будете готовы».

«Родился я в городе Черкассы, на Украине. Мои родители были не в очень хороших отношениях. Мать была алкоголичка и за мной ухаживала старшая сестра Елизавета. В девяносто четвёртом мы переехали в Крым по семейным обстоятельствам, и тогда моя мать, вместе с отцом, начала заниматься криминалом. Оставляли меня с моей сестрой у бабушки, которая работала на винограднике и в тоже время кормила двоих детей – меня двухлетнего и мою сестру. Очень скоро был объявлен розыск моих родителей. Отца посадили на семь лет, мать убежала в Россию. Я продолжал жить с бабушкой и с сестрой. В шесть лет я поехал в Россию увидеть маму, она так и продолжала пить. С ней я прожил один год и с тех пор я больше её не видел. Вернувшись в Крым, к бабушке, я начал учиться в школе. В пятом классе я начал прогуливать уроки, не слушался свою сестру, когда у неё было всё хорошо в жизни. Она училась хорошо, все её хвалили, ставили в пример. Бабушка меня ругала, и я всё больше начинал делать назло. В две тысячи первом я впервые увидел своего отца, который жил со своими родителями за пятьдесят километров от нас. Бабушка запрещала нам с сестрой общаться с отцом. Я очень любил его и по ночам сбегал через окно и пешком, и на попутках добирался до папы. Он всегда называл меня сынком и говорил, чтобы я не слушал никого. Сестра слушала бабушку и не общалась с ним. Через некоторое время его лишили родительских прав. За маму я не интересовался. У меня была одна детская мечта – жить с папой. В две тысячи седьмом году я пришёл домой и увидел заплаканную сестру и бабушку. Я спросил у них, что случилось, они рассказали, что той ночью

в Белогорске был взорван бар, в котором находился мой отец и что его больше нет в живых. Вот тогда и началась моя криминальная серьёзная жизнь. Я понимал, что бабушка не сможет мне дать то, что я хочу. Мои одноклассники уже ездили на велосипедах и на мопедах, а бабушка была на пенсии, а сестра училась хорошо. Бабушка старалась сделать все, что могла, чтобы угодить нам. Лизу такая жизнь устраивала она же была девочкой. Ей было интересно общаться с бабушкой. Она пела нам песни, когда выключали свет, рассказывала истории из своей жизни и никогда не говорила, как нам было трудно. Это было видно со стороны, да и в школе учителя говорили, что я не вижу детства.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я убежал со старшим другом в Евпаторию. Он показывал мне, как отвёрткой нужно открывать машины, но я всегда стоял “на палеве”. Жили мы на чердаке одного девятиэтажного дома. Не всегда нам везло и часто было, что, вскрывая машину, мы не находили ничего. Хотелось кушать. Тогда мы ночью шли, когда охрана спит, и потихоньку разрезали брезентовую палатку и выносили чипсы, сухарики и спиртные напитки к себе на чердак. В один день, утром, мы пошли гулять с целью опять что-нибудь украсть и после того, как мы обходили пол города, уставшие шли на море, чтоб хоть как-то отдохнуть, посидеть на пляже. Когда мы вот так сидели на берегу моря, я начал говорить, что соскучился за домом, ведь прошла уже неделя, и сзади меня кто-то ударил по голове. Я обернулся и увидел свою сестру с соседом. Мой друг сразу стал бегать, но его никто и не пытался остановить, ведь они приехали за мной. Лиза говорила, что бабушка очень волнуется и просит меня вернуться домой, я согласился. Дома меня покормили, переодели, покупали и утром я пошёл в школу. В школе с меня начали стебаться, шутить. Я старался не обращать внимания, но терпение было на пределе. Сестра заступалась за меня. И спустя неделю этих шуток и издевательств, я, как и все, пошел на урок

физкультуры, на стадион. На стадионе я услышал свист и когда обернулся, то увидел своего друга, с которым был в Евпатории. Я подошёл к нему, и он спросил, как у меня дела, какие планы. Он достал из кармана сигареты. На то время я курил, но не в затяжку. Мы пообщались. Я рассказал, что в школе надо мной шутят по-всякому. Он посоветовал быть повзрослее и отстаивать свое “пацанское” достоинство. Он сказал, что поможет мне в этом. Мы договорились, что на следующий день мы встретимся. После школы я пошёл домой и как всегда сделал уроки и почитал. Бабушка говорила, что я исправляюсь и всё у нас налаживается. Я знал, что завтра всё будет по-другому. И вот наступило утро. Мы с сестрой собирались в школу, бабушка готовила нам завтрак. В восемь утра начинались уроки мы вышли из дома и пошли в школу. Только сестра в школу, а я за школу, где меня уже ждал мой старший друг. Мы прогуливали первый урок в заброшенном здании, курили и составляли планы, куда можно убежать.

Услышали шаги и увидели того самого пацана, который меня оскорблял. Я показал его Коле, а Коля поднял с земли палку и дал её мне. Я вышел из здания, в котором мы сидели, и я начал бить его палкой куда попало. Он кричал, наверное, от боли, а мне было весело. Я почувствовал себя сильным.

Колян подошёл ко мне и сказал, что хватит его бить и лучше забрать у него что-нибудь. Наклонившись над ним, мы приказали отдать нам всё, что было у него в карманах. Он отдал нам все только бы мы его не били. Нам достались деньги и мобильный телефон. Мы взяли всё это и пошли в сторону города по трассе. Добравшись до города, мы продали телефон и купили сигарет. Жить решили на чердаке и воровать на рынке. Через некоторое время я познакомился с одним человеком, который воровал на рынке. Он предложил мне бросить Колю и пойти с ним, и я согласился. Пришли в квартиру, в которой кроме нас была еще

симпатичная девушка. Мой новый знакомый пил водку, после удачного дня, быстро опьянел и уснул. Мы остались вдвоём, и она мне предложила переспать. Вот так, четырнадцатилетним мальчиком я впервые почувствовал женщину. Утром я проснулся на кровати один, встал и пошёл на кухню, где сидели мои знакомые и о чём-то вели разговор. Начали меня спрашивать сколько мне лет, откуда я и что умею делать. Я рассказал им вкратце. Предложили воровать по карману. Сказали, что научат. Около обеда мы пошли на рынок, где я должен был украсть “лопату”».

«Кошелёк?».

«Ну, да. Походили по рядам и мой новый знакомый показал мне тётку, у которой из сумки торчал кошелёк и вот она, моя первая удачная кража – тысяча триста гривен. Знакомый сказал, что у меня талант. Мы сели в такси и поехали в какой-то дом, где я отдал ему все деньги. Пришёл мужик и отдал нам что-то завернутое в кусочек целлофана. Я тогда не понял, что это наркотики. Достали кружку, шприцы. Сварили по три куба. Я сидел и наблюдал за ними. Мой знакомый заметил меня, и сказал, что всё будет классно. Отлил мне в отдельный шприц пять точек. Перетянул шнурком руку и сказал качать вены. Я почувствовал необъяснимый перелом в своём теле и начал рыгать. Он меня успокоил, и сказал, что все это сейчас пройдёт и всё будет четко. Он меня не обманул, мне понравилось. Я чувствовал себя очень сильным и не видел для себя ничего невозможного. Забыл за семью, которая меня ждёт. Каждый день мы ездили и воровали. Я быстро учился, но иногда

приходилось убегать. Я стал наркоманом. Иногда, засыпая, я думал о сестре и бабушке. Однажды, на вокзале я встретил маму того самого пацана одноклассника у которого забрал телефон. Она схватила меня за руку и завела в автобус, сказала, что, если я попытаюсь убежать, она закричит и сдаст меня милиции. Вышли мы на остановке в моей деревне, где меня уже ждали сестра, бабушка и участковый. Мама одноклассника отошла в сторонку с моей бабушкой и о чём-то долго говорили. Потом повели меня к ним домой, где я извинялся перед их семьёй. Утром мы собрались и поехали в город Саки, в контору по делам несовершеннолетних, где я рассказал о том, где я был и чем занимался. Они решили дать мне последний шанс. Меня спрашивали, чего мне в жизни не хватает и сказали, что мне нужно ценить то, что бабушка старенькая, но взяла над нами опеку. Пригрозили, что в следующий раз посадят. Я дал обещание, что больше не буду убегать из дома и связываться с ненужными людьми. В школе меня уже боялись. Но хватило меня ненадолго. Украл телефон. У родных уже больше не было сил меня воспитывать. В милиции оформили явку. Через месяц был суд, дали три года и один месяц детской колонии. Время прошло быстро, я освободился и приехал домой. Сестра уже была замужем и жила отдельно. Мне было восемнадцать лет, я начал работать. Познакомился с девушкой из города. Начали плотно общаться и через некоторое время я переехал к ней в съёмную квартиру. Она мне быстро надоела, и я её

бросил. Бросил и работу. Снова начал жить с того, что украду. Вносил деньги в “общак”. После того, как меня посадили второй раз, через год я стал козлом и решил больше не попадать в места лишения свободы».

«Что произошло?».

«Были причины заехать в козлятник... Несправедливо здесь всё. Хорошо живут только авторитеты, а остальная масса не имеет ничего. Большая часть, в свои тридцать-сорок лет не имеют ничего, и они пытаются выжить разными способами. Например, обдурить кого-то в карты, рассказать историю, которая влияет на человека морально, и он связывается с родственниками на воле просит деньги, и становится якобы уважаемым. Сильных телом блатные подтягивают к себе, направляют их, и они делают грязную работу, бьют и пытаются, кого надо. Здесь, находясь на третьем отряде, у меня было много ситуаций, из которых я не всегда мог выпутаться с хорошей концовкой. Не всегда мог найти общий язык с другими зэками, потому что все были обозлены на меня после ситуации с блатными. Они говорили всем, что я плохой человек, никто не хотел со мной общаться. Я думал, что весь мир против меня. С родными связи не было, я не мог с ними общаться. Везде мне ставили палки в колёса. Спустя некоторое время у меня появились друзья, которые меня поддерживали морально. Подружился с завхозом и переехал в маленькую комнату на восемь человек. Где начал обживаться, но близко к себе никого не подпускал, так как уже обжигался не раз. Начинаешь только доверять человеку, общаешься на разные темы, как вдруг тебя зовут и задают вопросы как раз о том, о чем ты общался только с этим человеком. Начал понимать тех людей, которые ни с кем не общаются и ходят одни. Раньше я их считал дебилами, но потом понял, что они умные люди. Спустя некоторое время я стал ночным дневальным, хотел уйти по УДО, но стал козлом

отпущения. Тот, кому я доверял, завхоз, столкнул меня лбами с другими зеками. Сказал им, что я всё докладываю “оперу”, что происходит на отряде ночью. Блатные били меня не раз, но я успокаивал себя тем, что скоро домой, к родным. Я совсем упал духом, меня сломали не мусора, а другие зеки. Всё хочу сделать такое, чтобы меня потеряли из виду. Например, вскрыться или зарезать кого-то. Я устал от такой жизни. Хочу забить на всё. Мне осталось четыре месяца до конца срока. Я начал думать, что причина во мне. Я сделал много зла и чужим людям, и знакомым. Все, кто меня окружал, я их когда-то кинул, обманул. Боженька меня наказывает, но сколько можно... Я переехал с третьего на шестой отряд. Думал начать всё по-другому, да и с третьего, меня вроде потеряли. Забыли обо мне. Я перестал нервничать, но шестой раскидали, и я поехал на первый. Мне нельзя выходить за локальный сектор, но когда блатные проходят около локалки и видят меня, они... мимо меня не проходят, “поливают грязью”. Я ничего не могу сделать с ними. Выход я вижу только один, - или их обзывать и бить, давать отпор, или что-то придумать для того, чтобы на них повлияла администрация. Сидеть постоянно на отряде - тоже крыша сходит. Чем я уже только не пытался себя занять: читаю, занимаюсь спортом. Как быть, что делать, я не знаю. Всё надоело. Мне кажется, я схожу с ума. Когда я сидел на “малолетке”, у нас были “козлы”, которые всегда издевались над отрядом, мы долго терпели. В один день, ко мне подошел пацан и предложил собрать всех, кто хочет отомстить “козлам”. Я общался там с одними и предложил ему собрать массу, хоть бы человек десять. Я предложил начать вечером в свободное время, когда весь отряд сидит в общей комнате и смотрит телевизор. Мы сидели на последнем ряду, размышляли, как будем делать. Мой друг встал и пошёл в туалет, не спросив у бугра, можно ли выйти. Через несколько минут я услышал крики, - это был мой друг, его били на умывальнике. Потом его завели всего в слезах, он сел рядом со мной. Я предложил ему сделать то, что

мы задумали завтра в это же время. Таких нас собралось шесть человек. Вечером мы сели во второй ряд и был просмотр фильма. “Бугры” впятером сидели впереди и поворачиваясь в нашу сторону, говорили всякие глупости. Подкалывали нас. Цыган сказал, что у него скалка в рукаве, и он будет ею бить. Лезвие уже было у каждого во рту на случай, если нас будут бить. Первый со стула встал Прудкий, поднял его и нанёс удар ему по голове. Цыган достал скалку и начал бить другого. Я тоже стулом нанёс удар по голове одному из “бугров”. Двое оставшихся начали убегать, а остальные зеки остались сидеть на месте. Забежал воспитатель, начал кричать. Я крикнул: «Вскрываемся!». И начал лезвием резать себе руки. Прудкий вскрыл себе шею, а мы с Цыганом руки. Нас повели в дежурную часть, где нас ждали “опера” и начальник. Мы им рассказали ситуацию и почему мы так поступили. Но они нас не слушали и закрыли нас на “яму”. Меня в “одиночку”, как будто я инициатор. Отсидев три дня в “одиночке”, нас раскидали по отрядам, их было всего два. Вот так мы добились уважения, и нас больше никто не трогал. Я учился в ПТУ, приходил на отряд, ходил, куда хотел и когда хотел. Я считаю, что надо быть сильнее и делать так, чтобы тебя боялись любыми способами. Планы на свою дальнейшую жизнь я обдумываю каждый день, хочу доказать своим близким, что люди могут меняться с плохих на хорошие. Хочу найти себе девушку, умную, чтобы не курила, работала. Пусть у нее даже будет ребенок. Заработать и купить машину, сделать права, не употреблять наркотики, не пить водку, ухаживать за бабушкой, помогать ей по дому, по хозяйству. Купить сестре все то, чего у нее нет. И к годам тридцати пяти, чтобы у меня родился сын, которого я назову Валерой в честь своего папы. А если будет девочка, - то Елизаветой, в честь моей любимой сестры. Ведь она своего сына назвала Артёмом. Как трудно морально пережить и всё время думать о том, что я сделал плохого людям. Тем, которые помогали мне. Которые меня терпели. Но у каждого есть конец терпению. Я никого не виню в том,

что со мной случилось, к чему я пришёл в свои двадцать три года. Мой родной дядя, брат моего отца, после смерти папы забрал у него дом и машину. Хорошо, что ещё осталась старушка, которая меня ждёт, просит, чтобы остепенился. Помогает мне, шлёт посылки. Передачи возит сестра, не смотря на то, что ей запрещает её муж. Он категорически против моего с сестрой и племянником общения. Он ненавидит меня, и я его понимаю. Я просил у всех прощения. Но простить такого гондона как я, очень трудно, ведь я уже просил прощение, обещал, что не буду и не сдерживал своего обещания. Даю сам себе последний зарок на то, чтобы начать нормальную человеческую жизнь. Ведь все мои одноклассники уже что-то представляют из себя и плохого о них не услышишь. У меня в деревне только и говорят о том, какой я. К бабушке приходят соседки в гости и рассказывают о своих внуках, а ей даже нечего сказать. В четырнадцать лет сидел, освободился, погулял только два года, полезного ничего. И опять сижу. Ведь даже детям нечего будет рассказать, вырастут, им будут говорить, что ваш папа уголовник, наркоман. Хочу дать им то, чего самому не хватало в детстве. Родительского тепла, ласки, чтобы, приходя со школы, было кому рассказать, что произошло днём. Чтобы новенького попросить того, что хочется. Я не видел этого всего. Я хочу всем показать, что я простой пацан, сирота, но добился всего сам без помощи родителей. Ведь жизнь так быстро проходит, что не успею и вздохнуть».

ГЛАВА 11.

Крымская погода не изменила себе, и мороз, за одну ночь, сменился надоедливый дождиком, накрапывавшим из свинцового цвета туч в попеременно со снегом. Спешащие на работу люди закрывались зонтами или, втягивая головы в плечи, пытались спрятаться за поднятыми воротниками курток и плащей. Стоя в накопителе перед

входом в зону, Александр смотрел через большое окно на медленно движущийся поток автомобилей. Из остановившейся, напротив зоны, маршрутки выскочил Сергей Сергеич и быстрым шагом пошёл к штабу, вслед за ним, весело щебеча, старалась не отстать лейтенант Ленера Аблаева занимавшаяся в штабе загадочную должность, связанную с проблемами социализации зеков. Несмотря на то, что Сергей Сергеич смотрел себе под ноги, луж и грязи он, казалось, не замечал. Не дойдя до штаба, он круто развернулся и, провожаемый недоуменным взглядом своей спутницы, зашагал в обратную сторону, по направлению к зоне.

«А что Вы тут стоите? - спросил Сергей Сергеич у Александра, войдя в накопитель. – А, впрочем, хорошо, что я Вас встретил. Я хотел с Вами поговорить...», - Сергей Сергеич крепко вцепился в руку Александра, словно за поручень.

«По поводу чего?».

«Давайте пройдем в зону, и я Вам объясню».

«Смешно сказать, - начал Сергей Сергеич, когда они вышли в рабочую зону, - но женщины очень высоко оценивают мужчин, которые презрительно на них смотрят. Я видел, как Вы общаетесь с Дашей...».

«А как я с ней общаюсь? Что Вы имеете ввиду?».

«Я понимаю, что Вы женаты и у Вас с Дашей просто рабочие отношения, но все же...».

«Не понимаю... С Дашей я разговариваю обычно... приветливо... А как ещё мне с ней разговаривать?».

«Да я, собственно говоря, о том... Впрочем, Вы знаете, что означает слово баба?».

«Женщина. А что оно ещё может означать?».

«Нееет, – Сергей Сергеич криво улыбнулся в своей обычной манере и еле заметно передернул плечами, словно увидел что-то омерзительное. - Баба – это бывшая женщина, у которой есть опыт предательства своей чести. Баба – это нечестная женщина. Баба – это бывшая женщина. У баб, еще их называют шлюхами, какая мечта? Они, то есть бабы, хотят повелевать и ищут тех, кто под них прогнется. А прогнётся под неё только трус. Особенно привлекательный для бабы трус будет смотреть на неё презрительно. Скажу Вам больше, баба не только не против того, чтобы на неё презрительно смотрели, но и даже - за! Потому что баба, по своему опыту знает, что она под таким взглядом тут же даст себя трахнуть и захомотает этого идиота и труса. Потом, конечно, такие пары распадаются. Это стопроцентный закон, но бабы дуры и никаких законов не понимают, а способны только фантазировать. Вот она и фантазирует, что тот, кто ее презирает, на самом деле в неё не только влюблён, но и скоро полюбит её всей своей душой и они вечно будут жить счастливо. Но это же невозможно! Знаете почему!? Нет? Я Вам сейчас объясню. Здесь нужно начать издалека... Вы же понимаете, что обозначает слово дефлорация? Так вот, потерять девственность, девушка... принимает такое решение загодя, то есть заранее. Она подбирает того, кто её... дефлорирует, загодя. И тот, кто её трахнет, он не является причиной того, что она принимает решение потерять девственность, он всего лишь обслуживающий персонал, то есть подкаблучник и трус. После того, как решение расстаться с девственностью принято, девушка начинает искать того, кто не побрезгует её... обслужить. Ну Вы понимаете, что я имею ввиду? И Вы думаете, что найти такого просто!? Нет, не просто! Не всякий же согласится на такую грязную работу, да и не всякий подойдет ей. Это потом, продырявившаяся научится перед зеркалом делать честные глаза и будет всем говорить, что она не знала, что блядью становиться нехорошо. На самом же деле, она прекрасно понимала, что будут

последствия её блядства. И вот она ищет того, кто будет смотреть на неё презрительно... А Вы, кстати, знаете, от кого рождаются парни, которые смотрят на женщин с презрением? Нет? Они рождаются от сук, и, соответственно, являются сукиными сынами. А единственный способ не стать сукиным сыном это сказать своей матери, что она блядь, если она блядью и является, а большинство женщин бляди. Только так можно стать нормальным парнем и личностью с большой буквы. А если хочешь остаться на дне с остальным быдлом, то закрывай глаза на то, что происходит вокруг и не называй вещи своими именами, а продолжай врать и себе и окружающим. Тех, кто становится дефлоратором можно ещё назвать падальщиком, то есть тем, кто питается падалью, павшими. У нормального мужчины взгляд не презрительный, а орлиный. Пронизывающий взгляд орла, без примеси всякой похабщины. Вы знаете, что можно женщину дефлорировать одним лишь взглядом?».

«Интересная теория, - прервал Александр монолог своего начальника, - но я бы на Вашем месте не распространялся по поводу матери. В этих стенах культ матери и... могут, так сказать, не понять. Да и мне неприятно слышать такое о женщинах».

«Я уверен, что это останется между нами. Я был уверен, что мы с Вами можем обсуждать различные теории и взгляды. Или я ошибся?».

«Да, можем обсуждать всё что угодно».

«Так вот, дефлорировать не в том смысле, который Вы, как и большинство остального населения понимаете, а в смысле того, что орлиным взглядом смотря ей в глаза, Вы удаляете из неё все то блядство, которое живет в ней, вы её очищаете от всей той грязи, которая живет в ней и она из бляди становится Девой. И... Ладно, потом договорим», - сказал Сергей Сергеич, открывая дверь в кабинет.

Тепло исходившее от радиатора заставляло пропитанную влагой верхнюю одежду, развешенную на спинках стульев, испускать пар. Хотелось закрыть глаза и не открывать их до конца рабочего дня.

«С насильниками закончили?» - голос Сергея Сергеича выдернул Александра из полусонного состояния.

«На днях закончу...».

«Поторапливайтесь, поторапливайтесь».

Сбив на пороге капли влаги с зимней шапки в кабинет вошёл дневальный.

«Задания на сегодня есть?» - спросил он у Сергея Сергеича.

«Поменяйте воду в аквариуме, и ещё Александр Вам даст задание».

«Воду в аквариуме? Так... нужны будут вёдра, они есть у Жулько, а ещё нужны будут сигареты, у меня сейчас с ними туго...», - глядя на Сергея Сергеича Стас вслух составил алгоритм своих действий.

«А зачем Вам сигареты?» - насторожился Сергей Сергеич.

«С Жулько рассчитаться. Один я не справлюсь, а поскольку я ваш дневальный, то я эту работу выполняю... в силу своих обязанностей, а Жулько нам ничем не обязан и ему нужно будет заплатить», - объяснил дневальный.

«Так сколько сигарет Вам будет нужно?» - с подозрением посмотрев на дневального, спросил Сергей Сергеич, готовясь к торгу.

Причмокнув губами, выпятив нижнюю челюсть и почесав голову, Стас уставился в стену, демонстрируя сложную математическую работу, происходившую в его голове.

«Пол пачки сигарет», - выдал дневальный.

«Сколько? - не веря своим ушам, спросил Сергей Сергеич. – За десять минут работы десять сигарет? Сигарета в минуту, не слишком ли дорого?».

«Попробую уговорить на восемь сигарет, – легко согласился дневальный. – А какие у Вас сигареты?».

«А что, Жулько курит только “Мальборо”? – спросил Александр. – И ещё, нужно будет вызвать Кошакова».

«Сойдет и “Донской табак”, – успокоил психологов дневальный. – А Кошаков в каком отряде?».

«В третьем».

«Пишите “квиточек”, отнесу».

Получив задание дневальный вышел.

«Можно войти, гражданин начальник? – в кабинет вошёл Жулько с двумя большими пластиковыми ведрами из-под краски. – Шо тут вам надо, воду поменять в аквариуме?».

«Да, Жулько, будьте любезны. Вам помочь?» - спросил Александр.

«Та не, я сам. Гражданин начальник, - обратился Жулько к Горскому, - отсыдьте, а то забрызгаю».

«Ладно, - Сергей Сергеич поспешно встал со своего места. – Я пока во дворе покурю, а Вы, Жулько, аквариум не разбейте!».

«Та понятно. Шо я дикий!?».

Закатав рукава Жулько долго гонял карася, пытаясь загнать его в угол, но карась ловко уворачивался, усиленно взмахивая хвостом и шевеля плавниками. Наконец, схватив его за скользкое тело Жулько плюхнул рыбу в одно из вёдер.

Взяв аквариум за бока, Жулько попытался перелить часть воды во второе ведро. Камень, для красоты лежащий на дне аквариума, скрипнув по стеклу скатился вниз и звякнув о его тонкую стенку, но не пробил её.

«Повезло», - флегматично заметил Жулько.

Наполнив ведро до половины Жулько поставил аквариум на место, взял ведро и выходя из кабинета едва не столкнулся с долговязым зеком.

«Вызывали?» – увернувшись от Жулько с ведром спросил долговязый у сидящего за столом Александра.

«Кошаков?».

«Он самый».

«Проходите, присаживайтесь. Только дверь за собой прикройте».

«А по какому поводу Вы меня вызвали?».

«Необходимо пройти кое-какие тесты. Ничего сложного».

«А зачем это всё? Я недавно заполнял какие-то бумажки».

«Ну, что поделывать, Роман Артёмович. Порядок такой. Не мы с Вами его придумали, не нам его и отменять. Это не сложно. Посидите в тепле, немного попишите и порисуете. Согласны?».

«Ладно. Время есть».

«Вот и хорошо».

Выдав вопросник и бланки, и разъяснив порядок их заполнения Александр встал рядом наблюдая за ходом процесса.

«Роман Артёмович, какая у Вас статья?».

«Сто тридцать один».

«Изнасилование, если я не ошибаюсь».

«Я никого не насиловал. Все было по согласию. По доброй воле».

«Почему же Вы здесь оказались?».

«Обычная история. Договорился с женщиной на “перепих”. С соседкой. Хорошая деваха, хоть и татарка. Ну, трахнулись. Она была довольна, всё понравилось ей. А дома она прикинула, что я могу друзьям растрепать. Знаете, как это бывает. Село у нас хоть и большое, но деревня деревней. Все друг друга знают. Она быстрее в полицию и “заяву” на меня накатала, вроде как я её изнасиловал. А она сама мне “дала”, по согласию. Я не вижу никакого кайфа в насилии. Не те ощущения. Интереснее, когда женщина сама отдаётся, по любви. Я её понимаю. Татарка. У них другие понятия. В полиции поверили, провели обследования, какие там положено. Половой акт был? Был. Насилие было? Нет. А чем докажете? Вот гражданка утверждает, что акт был недобровольный. И вот я здесь».

«В Вашей анкете написано, что Вы женаты и у Вас двое детей. Отношения с семьёй поддерживаете?».

«Да, не разбежались. Сам удивляюсь. Я б жене не простил такое, а она вот... Странно. Странные существа эти женщины. Сказала, что если бы я её изнасиловал, то не простила бы, а измену простила. Не сразу, конечно. На “свиданки” приезжала. Долго мы с ней на эту тему разговаривали. Постепенно всё утряслось.

ГЛАВА 12.

«Мне кажется, что всё началось после того, как развелись моя мама и отец. Мама работала на двух работах. В то время мне было шесть, а сестре три. Первый класс я закончил отлично, но потом меня перевели в другую школу, и я начал, как говорится, скатываться по наклонной. Я

начал курить, прогуливать уроки, чуть позже попробовал алкоголь и смолить травку. Меня отправили учиться в школу интернат, так как со мной не могли справиться не только школьные учителя, но и детская комната милиции. У мамы появились новые знакомые, они уже не раз были в местах лишения свободы, а некоторые из них, не два и не три раза. Можно сказать, что меня воспитывали зеки. Мне начало казаться, что за колючкой романтика. Как только мне исполнилось четырнадцать лет, я сел в тюрьму. “Малолетка”, она, как говорится, красная, поэтому пришлось закаляться, хотя я и так знал, что такое – режим на малолетке. Там я стал, как говорится, отрицательным элементом. Срок я “отсидел” полностью, так как я постоянно цеплялся с администрацией и её представителями, то есть “козлами”. Успел я поучаствовать и в бунте, и в массовой голодовке, объявленной нами за то, что нам запретили курить. На лагере я был зачинщиком того, чтобы избивать “козлов” на отряде. Во второй срок, я уже, как говорится, познакомился с рецидивистами, да я уже и сам, как говорится, был рецидивистом. Научился изготавливать карты, освоил некоторые игры. Потом меня кинули в камеру, где сидели вместе и общий и усиленный режимы. “Смотрящим” за камерой был “первоходок” и о понятиях он знал, как говорится, только понаслышке. Ну, я, по началу, прикинулся овечкой и не стал говорить, что я уже отбывал наказание на лагере. Посмотрев, как протекает жизнь в камере, я увидел, что Бобер, так звали смотрящего, работает на “оперов”. Я начал его ловить, и, как говорится, поймал на “телевизоре”. Меня знали многие на тюрьме, одни по этапу, другие по свободе. На этапе я и встретил своего знакомого, а точнее, маминого знакомого Богдана. Потом мы с ним сидели в соседних хатах, только он сидел в “осужденке” строгого режима. Мы с Богданом встретились в “боксике”, и он сказал, чтобы я обращался к нему по любой нужде. Потом, при разговоре с Бобром я сказал ему, что приглашу в гости Богдана, и мы поговорим и узнаем, кто соответствует образу жизни, а

кто нет. Богдан пришел не один, а с “молотобойцами”. Со всеми в “хате” пообщались, выяснили ситуацию и по итогам Бобра побили, а меня попросили посмотреть за порядком в “хате”. Смотрел я не долго, так как осудился и меня перевели в “осужденку”. Мне дали четыре года, и я поехал на строгий режим, на сто вторую. Здесь на лагере сидели и мамины, и мои друзья. Меня встретили как достойного, хотя мне было восемнадцать лет, и по жизни я назвался “мужиком”. По распределению я поехал на седьмой отряд к своим друзьям. Там я посидел, присмотрелся и начал принимать “перебросы”, прыгать за ними в предзонник. Из-за этого у меня постоянно были стычки с “прапорами” и “операми”. Я часто сидел в изоляторе и ПКТ. Сначала меня часто били и “прапора”, и “опера”, но когда я начал бить “прапоров” в “запретке”, то они начали побаиваться меня и уже не били. Потом администрация начала давить режимом и меня осудили как злостного нарушителя режима и дали мне полтора года “крытой”. На суде присутствовали “опера” и сказали, что если я приеду обратно, меня “раскрутят”. Поэтому я попросил судью, чтобы мне дали “крытую” до конца, и я поехал в Житомир. Честно говоря, мне там понравилось, я там изучил многие нюансы тюремной жизни, как правильно, а как нет. В соседней “хате” там сидел вор в законе Лёра Сумской, да и так, можно сказать, честно говоря, там сидели сливки со всей Украины. Там было чему поучиться».

«Например?».

«Например, я научился общаться с милицией, узнал, как можно свести на нет экстренные ситуации. Узнал, как работает “чёрная” бухгалтерия, да и много чего еще. Мы там понимали друг друга без слов. Пятнадцать человек в “хате” понимают друг друга без слов и работают как единый механизм. Причем, если кто-то выходит и строя, его могут легко заменить, и работа механизма не остановится. Меня поначалу поставили на “дорогу” по всей тюрьме, а также наша “хата” была

закреплена за “крестом”, и еще мы работали на Лёру, поднимали для него почту. Честно говоря, я, по началу, работал на корпусе, а Пешка делал всё остальное. Пешка меня сразу приметил, мы с ним сошлись характерами. Как-то мы очень хорошо дополняли друг друга. Но ему, честно говоря, оставалось сидеть не так уж много, и я занял его место. Но, честно говоря, оказалось, что такой объем информации для меня, двадцатилетнего, был слишком велик и я начал забывать сначала по мелочи, а потом пропускал и серьезные моменты. Вообще, за такие вещи серьезно наказывали, но ко мне относились очень снисходительно».

«Почему?».

«Потому, что двадцатилетний парень на “крытой”, это настолько в диковинку, что я даже не знаю, как это можно объяснить... Тем более, что я был не “судовик” а страдал за воровскую идею, что в наше время – большая редкость. Для улучшения моей памяти начали выписывать обучающие журналы с уроками по скорочтению и запоминанию и через пару месяцев ситуация начала улучшаться. Я начал выполнять больший объем работы. Через нашу “хату” проходили дела, связанные с цехом металлоконструкций. Особой популярностью у тамошних ментов пользовался складной мангал в виде небольшого чемоданчика. А вообще, честно говоря, все вопросы, которые были связаны с “промкой”, решал Вася Махорка. Одно время он был известный блатной. Даже ломал шестьдесят девятый лагерь с “красного” на “чёрный”. Его потом приезжали воры благодарить за это. Он потом остутился по жизни, но этого никто не заметил. Но Вася Махорка был правильным. Собрал “сходняк” и всем объявил, что он больше не может называться блатным и дальше шёл по жизни “мужиком”. Но, как говорится, талант не пропьёшь. Я, честно говоря, стал его правой рукой. Было интересно... и такая жизнь затягивает и захватывает».

«Почему?».

«Потому что, относились с уважением, а это, честно говоря, очень приятно. Согласитесь...».

«Согласен. Действительно, это приятно».

«Меня начали уважать всё больше и больше. Я заведовал мобильным телефоном, деньгами и многими другими... запрещёнными предметами. Начал общаться со смотрящими других “хат” и с “положенцем”. Он постоянно говорил Васе, что ему повезло с воспитанником. Конечно, это было сказано в виде шутки, но все-таки... Бывало даже такое, что мы решали с ментами вопросы за другие “хаты”. Чё то у них не получалось договариваться с ними, а у нас получалось отлично. У нас было много “левака”, который не проходил по нарядам и за него платили “наличкой”. В основном мы хорошо зарабатывали на железках, там... изделия из металла, листовой металл, лом цветного металла. Выгодное дело... Помню, на “большом спецу” сидели “пожизненники”, человек сто пятьдесят. Среди них сидел Лёша Юхненко, авторитет из евпаторийских бандитов. Его посадили за двойное убийство. Я с ним на воле несколько раз сталкивался. Ну и начал с ним переписываться, всячески помогать ему по нужде, и он соответственно... Согласитесь, гражданин психолог, что это приятно пообщаться с земляком за тысячу километров от дома. Не хватает общения по душам, тут же в основном молча всё... На чём это я остановился?... А, да! Ещё был один земляк из Джанкоя. Завхоз столовой. Так что мы передвигались по всей тюрьме безо всякого труда. Как-то раз мы решили “гнать” самогон на пром. зоне. Там работало человек сто пятьдесят или около того. И вот, сначала раз в неделю, а потом два раза в неделю, вся “промка” снималась с работы в дугу пьяная. Сначала нас не останавливали, сами понимаете, это было невыгодно для многих ментов. Но потом всё это дошло до “хозяина”, а там менты ничего не предпринимали, пока “хозяин” не распорядится. Нас, как злостных

нарушителей посадили в карцер, а потом в “спец. хаты”. Это “хаты”, обитателей которых не выводят на работы. Вот так я, Вася и Валера Киевский, смотрящий за нашей хатой поехали на “спец”. Но на “спецу” мы жили как сыр в масле, нам отовсюду пихали всё, что только можно и мы не нуждались ни в чём. Но зона хотела, чтобы нас со “спеца” вытащили и объявили ментам бойкот. Выполняли только ту работу, которая проходила по нарядам, а весь “левак” “отшивали”. Раз, как-то, принесли глушитель с машины “хозяина”, чтоб его заварили, а он, честно говоря, так и остался лежать во дворе “промки” не заваренным. Ну, понятно, что сразу же сбежались замы и начали объяснять, сначала нормально, что это надо срочно заварить, но, когда поняли, что никто ничего делать не собирается, начали запугивать. Наверное, часа два они пугали всеми карами египетскими, но потом смирились и начали подбирать ключи. Сошлись на том, что нас вернут назад в нашу “хату” и тогда всё встанет на свои места. Мы с Валерой, честно говоря, не очень-то обрадовались, так как отдохнули всего две недели, а Махорку оставили еще на некоторое время на “спеце”. В таких ситуациях не это главное».

«А что же главное?».

«Главное, это то, что уступили не мы, а менты. Вот... Поскольку Махорка остался на “спеце”, мы с Валерой поделили его обязанности между собой почти пополам. Я знал больше и взял на себя большую часть. Мозги, честно говоря, закипали так, что можно было на голове жарить яичницу. Но было интересно, и даже очень интересно. С каждым днём я набирался опыта и совершенствовался во многих направлениях всё больше и больше... А, однажды, когда я пришёл домой, то есть в “хату”, меня там ждала посылка. Я страшно удивился, так как никто не знал где я, кроме моего друга детства Ромы. Это был единственный человек из моего города, с которым я переписывался. Оказалось, что моя

сестра, вышла на него и заставила его дать мой адрес. Всё бы ничего, но вместе с ней мой адрес узнала и Ольга. Это, честно говоря, единственная девушка, которую я любил, да и сейчас люблю по-настоящему. Вот они и решили выслать мне посылку. С одной стороны, мне было приятно, а с другой стороны было стыдно и брала злость».

«Почему?».

«Я думаю, потому что я привык заботиться о себе сам, да и о сестре тоже, лет с двенадцати. А тут было всё наоборот. Я узнал из письма, которое там было вложено, что Ольга выходит замуж и единственное о чем жалеет, это о том, что я не смогу быть на свадьбе. Потом, когда я освободился, мы встретились с ней... о многом мы тогда с ней переговорили, если честно. Однажды, я встретил Ольгу в городе, с её мужем... они меня в гости пригласили. Я за ней любил со стороны наблюдать... С мужем она развелась и живет сейчас одна. Не знаю, я никогда не нуждался в помощи родных... может, мне просто было стыдно идти к ним за помощью. Не знаю. Вася мне как-то сказал, что если я далеко от близких, и не могу никак повлиять на ситуацию, то лучше отбросить ситуацию, и не думать об этом, иначе можно сойти с ума от переживаний. Я так, с того момента, и поступаю. Нет, я, конечно, думаю обо всём, но если я не могу им помочь, то я на этом не закливаюсь».

Позже мы добились того, чтобы Васю вернули к нам в “хату” и тогда, у нас началась, как говорится, новая эра. В нашем деле, главное – это показать ментам, что если они начинают ставить нам палки в колеса, то они начинают терять много “бабла”. Важно не давать в обиду друг друга и держать оборону до тех пор, пока менты не одумаются, и тогда им приходится идти на уступки. Поэтому ментам было дешевле и проще нас не особо трогать. После возвращения Васи, можно было сказать, что менты нас вообще не замечали. Но и мы старались им на голову не лезть».

Соблюдали, так сказать, вооруженный нейтралитет. Рано или поздно, но все сроки заканчиваются и мой подошёл к концу. Честно говоря, освобождаться вообще не хотелось... Короче говоря, первый к кому я приехал, был Пешка. Помню. Мы не пошли ни в бар, ни в ресторан, а собрались у него на офисе, на втором этаже. Кроме меня и Пешки, было ещё четыре человека. Я их не знал, но это были его близкие. На следующий день, я пошел погулять по городу. Городишко оказался “беспонтовый”, маленький, невзрачный. Ничего особенного я в нём не увидел. По дороге встретили знакомую и предложили ей отдохнуть, она согласилась, хотя и понимала, для чего её приглашают. А вообще, честно говоря, я туда ехал не столько отдохнуть, сколько поработать. Какая жизнь у “гастролёра”? Приехал, отработал и поехал дальше, чтобы меня больше в этом городишке никто не видел и не слышал. Но ничего, честно говоря, не получилось. У ментов везде есть свои глаза и уши. Где-то через пару дней после моего приезда, мы выходили втроем из дома Пешки, для того, чтобы пойти осмотреть дом того человека, которого нужно обворовать. Ну, нет ли там камер и другого чего-нибудь в этом роде. Но, когда мы вышли из подъезда, то увидели, в сторонке, двух мужчин. Они Пешку подозвали и о чём-то с ним говорили минут пятнадцать, не меньше.

Пешка вернулся встревоженный и сказал, что всё отменяется и мы, прямо сейчас, идём на вокзал и я еду в Коростень. По дороге он мне объяснил, что ему только что показали заявление, на нас двоих, за вымогательство. А как дело получилось... накануне вечером, мы возвращались домой, а у нас курево закончилось. Ну, мы и зашли в ларёк возле дома Пешки. Его там все знали и мы, честно говоря, попросили у продавщицы в долг две пачки сигарет и бутылку вина. Она нам дала всё это безо всяких вопросов и возражений. Менты подошли к этой самой продавщице и потребовали, чтобы она написала на нас заявление.

Видимо, она не могла им отказать. У всех же есть веревочки, за которые можно дергать... В общем, “опера” сказали, что если я в течение часа уеду из города, то они порвут заявление. Выбора у нас не оставалось, мы поехали на вокзал. Там Пешка дал мне номер телефона человека, который должен был мне помочь в Коростене. Так и получилось. А уже из Коростеня, я должен был ехать до Киева. Но, До Киева я, честно говоря, не доехал. Помню, в электричке разговорился с девушкой, а у меня, как раз, была бутылка вина. Не знаю, как уж получилось, но проснулся я в кровати, в незнакомом месте, с этой самой девушкой под боком. Я начал искать выключатель, чтобы одеться. Она проснулась, включила свет. Я у неё спрашиваю, далеко ли до Киева, а она мне говорит, что мы на окраине Коростени. В общем, доехал я до Киева, созвонился с нужным человеком и поехал на Оболонь. Там мне дали всё, что мне было нужно, и я поехал домой, в Евпаторию. Каждый раз, когда я приезжал, об это сразу узнавали все мои знакомые, ну и “менты”, конечно, куда же без них. Знакомым я нужен, честно говоря, чтобы погулять “на халяву”, ну а “ментам” я понятно зачем – посадить меня как можно скорее, чтобы я им статистику не портил. Но у них это плохо получается, так как я привык все продумывать до мелочей и всё проходит так, что нельзя отследить. И даже если что-то происходит спонтанно, я это делаю так, что края найти невозможно. Однако, “опера”, честно говоря, недаром свой хлеб едят, и я попал за забор через восемь месяцев после освобождения. Отец пострадавшего оказался большим человеком, он возглавлял в Москве операцию по освобождению театра от террористов в две тысячи восьмом. Тогда еще газ пустили. Так мне начали шить международный скандал, но я поехал в командировку на восемь лет только за кражи, грабежи и аферу. Я начал пробивать для себя особый или “крытую” по суду, но не получилось, и я опять оказался на строгом. Поехал я на сто первую, в Запорожье. Это “красный” лагерь, где правят “козлы” и “менты”. Но, как говорится, где

наша не пропадала! С помощью всяких хитростей, можно ввести “ментов” в замешательство, и они не будут знать, что от тебя ожидать. Нашел я там нормальную работу в цеху металлоконструкций. Курировали этот цех директор производства и сам “хозяин”. Там можно было играть на том, что замы “хозяина” старались решить свои вопросы в этом цеху так, чтобы об этом не узнал “хозяин”. Я их просьбы выполняю, они мои. Так и жили. Помню, один мой приятель “заехал” на ДПКа прямо с этапа. А в ДПКа с лагеря ничего передавать нельзя. А я договорился с “кумом”, что раз в месяц буду передавать моему приятелю кило чая и двадцать пачек сигарет. Он, честно говоря, не курил, но там сигареты лишними не бывают. Там я проработал полтора года, пока не перешёл дорогу директору производства и опять я вернулся на дорожку злого нарушителя режима. После того, как я вышел с ПКТ, мне доверили “смотреть” сразу за двумя бараками, но “ментам” это было не по нраву, потому что я им о своих планах не докладывал. И, после этого...».

Дверь резко открылась, и в кабинет вошел Горский, кротко взглянул на посетителя и сел за свое рабочее место.

«Вот я и говорю, - косо глядя в сторону Горского посетитель обратился к Александру, - погода сегодня не очень, голова раскалывается. Ладно, пойду я».

«Что интересного Вам рассказал Чеснок?» - спросил Горский, после ухода посетителя.

«Да ничего особенного... поговорили о погоде... Вы же сами всё слышали...».

«Интересно, он блатной? Вы не в курсе?».

Александр отрицательно помотал головой.

«Нужно будет у Стаса спросить», - Горский причмокнул губами и уставился в монитор.

«Наблюдаю за местной элитой... - задумчиво произнёс Александр, глядя в окно. – По-моему, они глубоко несчастные люди...».

«Это ещё почему?» - спросил Сергей Сергеич, не отрывая глаз от экрана компьютера.

«Ну, как же... всегда нужно быть на высоте, на достойном уровне. Если разобраться, то головы блатных и приблатненных напичканы нереализуемыми желаниями и идеями».

«Обоснуйте», - попросил Сергей Сергеич.

«Посудите сами... Стремящиеся в авторитеты и авторитеты должны все знать, все понимать, все предвидеть, всегда оставаться мужественным, всегда контролировать свои чувства и эмоции, быть неутомимыми, всегда быть высокопродуктивным, никогда не болеть и иметь счастливый вид. По силам ли это нормальному человеку? Каждый день носить железный панцирь и маску... Может быть поэтому большинство из них наркоманы?».

«Авторитетов мало, так что ничего удивительного в том, что...».

«По идее, любой блатной является авторитетом для зеков из более низких каст».

«Согласен, большинство из них – наркоманы. Вот, наш Стас... Он же тоже погорел на наркотиках. Ему кто-то из блатных дал пару доз на хранение, а он их сам сколол. Понятно, что с ним хотели сделать. Я представляю, как он со своего отряда, в одних трусах, бежал на первый отряд – Сергей Сергеич захихикал, его лицо покрылось сетью морщинок. – Воры в законе, вот это люди! Они человека как рентгеном просвечивают, всю внутреннюю гниль видят».

«Думаю, что это преувеличение...».

«А... - отмахнулся Олег Сергеич. – Поработаете с мое, по-другому будете рассуждать».

ГЛАВА 13.

К удивлению Александра, подходившего к крыльцу соц. отдела, в психологическом кабинете горел свет. Открыв дверь, он увидел, что за своим рабочим местом сидел бледный, как полотно, Сергей Сергеич и читал какой-то документ.

«Олексеенко, сука, сдох!» - оторвавшись от чтения, произнес Сергей Сергеич.

«Как это сдох!?».

«Как, как! Как все пидарасы вроде него сдыхают! - Сергею Сергеичу хотелось кричать, но вместо этого, он громко шипел, выплёвывая слова вместе с каплями слюны. – Сука! Теперь нас с Вами точно “закроют”. Не уберегли, не досмотрели. Вас-то не “закроют”... а вот меня могут! Хотя, мы пока по суицидникам статистику не перебрали».

«Да Вы толком объясните, что произошло» - попросил Александр.

«Что, что!? А то, что эта сука, Олексеенко, вчера вечером, после отбоя, зашел в туалет и там “вскрылся”. “Мойкой”, то есть лезвием, вдоль предплечья, да еще и загнал его в рану поглубже. Нашли, конечно, в больничку повезли, а он, сука, во время операции и подох. Да и хрен бы на него, но нельзя при России, чтобы зеки дошли от порезов на руке. Сейчас и “хозяину”, сука, влетит, а он нас раком поставит! Снижается рейтинг колонии! Сука! Пидарасы! У меня уже геморрой размером с кулак. И кровоточит. Мне сидеть больно. Я же, сука, уже не помню, когда я последний раз спал нормально. А как тут поспишь, если вчера

вечером вызвали в зону. А чем я могу помочь? Нитками, этому пидарасу руку зашить!?».

«Я припоминаю, что у него все руки в шрамах от порезов были...».

«У них у всех руки резаные. Чуть что, “мойку” в руку и давай себя кромсать!».

«Правильно! Такая тактика! И раньше она срабатывала. Я имею в виду, что достаточно было демонстративной попытки суицида, а что сейчас изменилось? Зачем нужно было доводить до конца? Странная история... Он же не был “первоходом”. Это они, по статистике, в первые два года отсидки могут... Не понимаю... И осужден он был не за насильственное преступление, а за кражу. И зима сейчас, а не весна-лето. Зачем же он?».

Сергей Сергеич не отвечал, а сидел нахохлившись и рассматривал ногти на правой руке.

«Он же приходил к нам... - продолжал рассуждать Александр. – Вел себя странно, явно хотел привлечь к себе внимание. А мы, скажу Вам прямо, работаем по устоявшейся схеме – главное, это чтобы бумажки были в порядке, а человек... Что с ним будет, как он будет, зачем и почему, нас не волнует. Хотя, я не прав. Если зек вскрывается... а ещё хуже – умирает, то нами может заняться прокуратура, а этого мы боимся».

«Закончили истерику?» - спросил Горский.

«Да какая там... Ладно. Вы мне лучше ответьте, почему он довел это дело до конца, если раньше срабатывали демонстративные попытки? Зачем нужно было убивать себя, если ранее было достаточно прилюдно сделать пару неглубоких порезов и этим самым добиться желаемого? Мне кажется, Вы что-то недоговариваете... Мне необходимо владеть

полным объемом информации, чтобы сделать правильные выводы. “Колитесь”».

«Ну... - неохотно начал Сергей Сергеич – были у него проблемы с блатными, а он решил через нас намёк какой-то сделать “хозяину”. Ну...».

«А Вы ходили к Денису Денисовичу?».

«Ещё чего! Что бы я ему сказал!? Тот бред, который нёс этот придурок? Вы в своём уме? У нас здесь военизированная организация, а не сумасшедший дом!».

«Не уверен...».

«Ладно... хер с ним. Посоветоваться нужно. Я вот тут замполиту записку составил. Прочтите и... посоветуемся».

«Неудовлетворительное качество работы по профилактике суицида и членовредительств в отряде №6.

1. За 2016 год было зарегистрировано совершение осужденными **6 членовредительств и 2 суицидов**. Из них 2 членовредительства и 1 суицид совершены на отряде №6. Другими словами, половина всех совершенных за 2016 год попыток самоубийств совершена осужденными на этом отряде. При других обстоятельствах, два членовредительства совершенные на отряде №6 могли стать суицидами. Три попытки суицида, две из которых остались не законченными, совершены на отряде №6 в течение четырех месяцев.

2. Мною, начальником ПЛ, майором внутренней службы, Горским С.С. было предложено начальнику отряда №6 капитану внутренней службы Гоголевскому Г.Г. обсудить причины неблагоприятного психологического климата в отряде №6, конкретные факты недоработок ПЛ и начальника отряда по профилактике суицида и членовредительств.

Конкретно, начальнику отряда Гоголевскому Г.Г. предлагалось обсудить и принять решения по следующим вопросам:

2.1. Считает ли начальник отряда Гоголевский Г.Г. суицид и два членовредительства на одном отряде в течение четырех месяцев случайным стечением обстоятельств. Если не считает случайностью, то в чем видит причину данных чрезвычайных происшествий. Начальник отряда Гоголевский Г.Г. ответил, что системы в чрезвычайных происшествиях на отряде не видит. От ответа на вопрос уклонился. Пояснил лишь, что своей вины в том, что на руководимом им отряде произошло самоубийство и два членовредительства он не видит.

2.2. Какие по мнению начальника отряда Гоголевского Г.Г. необходимо провести мероприятия на отряде, психологу, начальник отряда, совместно, для стабилизации и улучшения морально-психологического климата в отряде? Начальник отряда от обсуждения вопроса уклонился.

2.3. Оказывает ли негативное влияние на общую массу осужденных отряда №6 тот факт, что они вынуждены ориентироваться, ровняться, на старшего дневального отряда №6 осужденного Панкратова Сергея Владимировича осужденного за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Конкретно осужденного по части 3 статьи №132, подразумевающей насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего либо причинение тяжкого вреда здоровью? Начальник отряда от обсуждения вопроса уклонился.

2.4. Считает ли начальник отряда Гоголевский Г.Г. допустимым построение личных отношений с осужденными в ходе воспитательной работы? Начальник отряда от обсуждения вопроса уклонился.

2.5. Какой смысл начальник отряда Гоголевский Г.Г. вкладывает в сказанные им слова «на своем отряде оперативник это Я!!!!!!!!!!!!!»? Начальник отряда от обсуждения вопроса уклонился.

3. После того, как начальник отряда Гоголевский Г.Г. уклонился от обсуждения конкретных проблемных вопросов стала очевидна его незаинтересованность в стабилизации и улучшении морально-психологического климата на отряде №6.

4. Для уточнения характера взаимоотношения осужденных отряда с начальником отряда №6 Гоголевским Г.Г. психологами ПЛ проведен анонимный опрос осужденных данного отряда:

4.1. В опросе участвовало 12 случайно выбранных осужденных отряда №6. 11 из 12 участвовавших в опросе осужденных охарактеризовали начальника своего отряда Гоголевского Г.Г. как человека **«доброего», «человечного», «сердечного», умеющего «войти в положение»**. 1 осужденный участвовавший в опросе охарактеризовал начальника отряда нейтрально, но и без отрицательного контекста.

4.2. 11 из 12 участвовавших в опросе осужденных отряда №6 выразили уверенность в том, что им **«повезло с начальником отряда»**, данные осужденные выразили уверенность в том, что **«не хотели бы, чтобы отряд возглавлял другой сотрудник»**.

4.3. Осужденные отряда №6 положительно отзывались о начальнике отряда Гоголевском Г.Г. вне зависимости от уровня вовлеченности в криминальную субкультуру. Так положительно о начальнике отряда отзывались осужденные как активно, так и пассивно поддерживающие криминальную субкультуру.

5. По результатам наблюдения было выявлено два факта имеющие отношения к негативному социально-психологическому климату в отряде №6:

5.1. Начальник отряда Гоголевский Г.Г. с осужденными отряда строит **личные отношения**: обращение с осужденными происходит преимущественно на «ты». При проведении индивидуальных бесед начальник отряда относится к словам осужденных с большим доверием нежели к материалам уголовного дела характеризующим осужденного. По невыясненным причинам начальник отряда Гоголевский Г.Г. сам ориентируется на осужденных, вместо того, чтобы переориентировать осужденных на положительные примеры.

5.2. Начальник отряда Гоголевский Г.Г. является носителем негативного отношения к оперативной части. Что выразилось в подчеркнуто пренебрежительных высказываниях **«на своем отряде оперативник это Я», «“опер” на мой отряд даже не заглядывает, с ним никто дела иметь не будет», «на своем отряде все вопросы решаю Я».** При опросе Гоголевского Г.Г. выявлено, что его негативное отношение к оперативной части не носит предметного и конкретного характера. Начальник отряда Гоголевский Г.Г. негативно относится к оперативной части, как к доверенному отделу начальника учреждения. Личного негативного отношения Гоголевского Г.Г. к начальнику учреждения не выявлено. Однако со слов Гоголевского Г.Г. известно, что его жена периодически высказывает в резкой форме недовольство начальником учреждения. Характерное высказывание в отношении начальника учреждения **«заставляет сутками жить на работе».**

Рекомендации:

1. Определить начальника отряда, капитана внутренней службы Гоголевского Г.Г. приоритетным в очереди на повышение квалификации, а также для дополнительного обучения.
2. Отстранить капитана внутренней службы Гоголевского Г.Г. от руководства отрядом.

3. Не использовать капитана внутренней службы Гоголевского Г.Г. в качестве наставника для молодых сотрудников ОВРО.

4. Заменить старшего дневального отряда №6 на осужденного с относительно положительной направленностью.

Начальник ПЛ м-р вн. сл. С.С. Горский.»

«Дааа...», - произнес Александр, дочитав до конца.

«Ну что скажите?» - спросил Сергей Сергеич.

«Что тут скажешь... Для начала, было бы неплохо правильно расставить знаки препинания».

«Да причем здесь это! – Вспылил Сергей Сергеич. – По существу написанного, что можете сказать?».

«Дааа... по существу... Послушайте, Сергей Сергеич, у Алексеенко кто-то из родных остался?».

«Да какой там Алексеенко и его родные! Подох и хрен с ним! Баба с возу, кобыле легче! Нам сейчас о себе подумать нужно».

«Послушайте, но он же к нам приходил и что-то сказать пытался, а мы его не слышали. Зачем было кончать с собой!?».

«Я Вам еще раз говорю... - Сергей Сергеич с трудом сдерживал себя, - его уже не вернешь, а нам нужно о себе подумать. Сосредоточьтесь на этом».

«Хорошо. Вот Вы ставите Гоголевскому в вину, что он не сотрудничает с “операми”, но мне кажется, что он и не должен сотрудничать с ними, во всяком случае - явно».

«Это еще почему?» - опешил Сергей Сергеич.

«Вы прекрасно понимаете, что все зеки ненавидят сотрудников, но из всех сотрудников, на первом месте по неприязни к ним, это “опера”. Как же Гоголевскому строить доверительные отношения с подопечными, если они будут видеть, что он с “операми” не разлей вода?».

«Какое еще доверительное отношение? Они по одну сторону, а мы, нормальные люди, по другую. Какие могли быть дружеские отношения между фашистами и нашими солдатами во время войны? Они что, дружили в перерывах между боями?».

«Они по суду свое получили, зачем их гнобить дополнительно?».

«Хорошо... “опера” вам не нравятся.... Что еще?».

«Может быть не нужно упоминать жену Гоголевского и то, что она говорила о начальнике? Это же просто слухи».

«Дыма без огня не бывает. Вы думаете, я просто так написал, что зеки хвалят Гоголевского? Здесь такие не нужны. Там, – Сергей Сергееч нацелил указательный палец в потолок, – там все поймут! “Хозяин” для нас – это и бог, и царь. Если жена говорит о “хозяине” плохо, заткни ей рот и пусть не смеет... Пусть “хозяин” имеет деньги с зеков, ну и что из этого?».

«Вы что, Дениса Денисовича в коррупции обвиняете?».

«Тише! Какая еще, прости господи, коррупция!? Я говорю, что чем больше зековских денег достанется сотрудникам, тем меньше эти пидарасы купят наркоты и водяры. Не поняли Олексеенко... Это Вы его не поняли, а я понял прекрасно. У него с блатными какие-то терки начались, вот он и начал просить “хозяина” спасти его. Я не думал, что так далеко пойдет. Ну, опустили бы ему почки, ну и что!? Жить можно. Зачем себя убивать? Как же спать хочется... забыться бы...».

ГЛАВА 14.

«Одной из обязанностей психолога, работающего с осужденными, является контроль за адаптацией “первоходов”. Не забывайте об этом. Пока проверка по Алексеенко идет, нужно их всех перешерстить, – вместо приветствия произнес Горский, войдя в кабинет. – А то кто-нибудь из этих дебилов опять вздёрнется, а нам отвечать. Новости какие-нибудь по лагерю есть?».

«Откровенно говоря, я не знаю».

«Это очень плохо, что Вы не заходите по утрам на пост Отдела безопасности. – Менторский тон Сергея Сергеича хорошо сочетался с его бледным, напряженным лицом. – Заходите к ним, интересуйтесь новостями, они могут много кое-чего интересного рассказать. Пошлите Стаса с “квиточками”, пусть вызывает новоприбывших. Они сейчас в карантине».

«Где их протестировать, здесь или в “разгрузке”?» - спросил Александр.

«Алгоритм посмотрите! – на скулах Сергея Сергеича вздулись желваки. – Вы уже должны его наизусть знать. Те тесты, что на компьютере нужно пройти, здесь пройдете, а остальные там, в разгрузке».

«Понял. Вопросов больше не имею».

«Давайте поступим так, Вы посмотрите, у кого там высокие показатели по опроснику суицидального риска и вызывайте их по новой, будем беседовать».

«Хорошо».

В кабинет вошел зек небольшого роста, худой до изнеможения, лет около шестидесяти. Вошел и остановился на пороге, тупо смотря на Горского.

«Вы кто?» - спросил Горский.

Зек молча протянул Сергею Сергеичу “квиточек”.

«Ааа... - Горский взял “квиточек”, прочел фамилию зека, скомкал и бросил в мусорную корзину.

«Присаживайтесь Некрасов. Что же Вы, Некрасов, нам все показатели под откос пускаете?» - упрекнул его Горский.

«Ничего я не пускаю», – руки зека дрожали, брови поползли вверх, а глаза округлились от страха.

«Пускаете, пускаете! – сказал неожиданно повеселевший Горский. – Присаживайтесь!».

«Я постою...».

«Что Вы так и будете маячить над моей головой!? Я Вам говорю, садитесь!» - щеки Горского порозовели, а губы неудержимо растягивались в улыбке.

Зек присел на стул напротив Сергея Сергеича.

«У Вас, Некрасов, плохие показатели по одному очень важному тесту. Как Вы это объясните?» - весело рассмеявшись, разглядывая испуганное лицо зека, спросил Горский.

«Не понимаю я о чём Вы толкуете, гражданин начальник...».

«Что здесь непонятного? Вот вы проходили тесты, самый короткий из которых называется опросником суицидального риска. Всего двадцать девять вопросов. Вспоминаете?».

«Нет, гражданин начальник!».

«Как это нет? Александр, дайте мне бланк с ответами Некрасова».

«Вот он».

«Так с... - Горский принялся внимательно изучать бланк, будто он мог увидеть там что-то новое. – Хреновенько! Это никуда не годиться, Некрасов. Вы что, издеваетесь над нами? Вы смерти нашей хотите?».

«Я не виноват, гражданин начальник! Я малограмотный», - тихо произнес Некрасов, глядя в пол.

Горский захохотал, запрокинув голову и откинувшись на спинку стула. Вдоволь насмеявшись, он в упор, с вызовом, посмотрел на Некрасова. – «А кто виноват? А.С. Пушкин? Или Ваш однофамилец Некрасов? Как там его инициалы... Оооо! Некрасов, да Вы совсем психологического давления не выдерживаете. Как же Вы на “строгач” “заехали” с таким настроем? Это Вам не дома под юбкой у жены сидеть. Здесь таких как Вы на раз под шконку загоняют. Смелее нужно быть, Некрасов. Мужественнее смотреть на окружающий мир. Чё Вы сникли?».

«Дымка умерла. С женой сейчас созванивался, сказала, что Дымка померла».

«Кто такая Дымка?» - спросил Горский.

«Американская такса. Считай, что член семьи. Надо же как... Она была не такая как обычная такса. Чисто мышинового цвета, белая грудь, белые лапы и длиннющий хвост. Я её за хвост брал. Вот так подыму её над полом... Это мы так играли. Ох и шустрая была! А сколько она хорьков задавила! У нас там дренажные трубы из земли торчали, диаметром стопятидесятка где-то, и она туда залезет, хорька задавит и назад пятится, пятится. Я вижу, что она подползает к выходу, возьму её

за хвост и вытаскиваю. Вылезет, морда вся в крови, сама вся грязная и хорька в зубах держит. Нравилось ей это очень, передать невозможно. Старая она была уже, наверное, от этого и умерла. С Олей пойдём в лес за грибами, ну, понятно, разойдемся в разные стороны, а я крикну: “Дымка!”, она уже тут! Потом Оля кликнет её, она уже там. Член семьи, что тут скажешь. Бомжей ненавидела! Идем с ней возле мусорки, если бомжа там нет, то нормально, а если бомжа учует, готова, прям, его разорвать! Забавная была собачонка, забавная. А еще у меня был ирландский волкодав. Семьдесят два килограмма весом! Что Вы, одним словом – телёнок. У знакомого мясника я ему говяжьи кости покупал, от задней части коровы. Так мне аж страшно становилось, какой хруст стоял, когда он кости разгрызал. А как он не разгрызет, если у него клыки были вот такого размера. – Некрасов достал зажигалку и показал её Горскому. – Одно плохо, ему нужно было в день по двадцать километров наматывать. Мне его в трёхлетнем возрасте знакомый украинский ПВОшник на время отдал. А как получилась... Украинская часть ПВО под Алуштой стояла, а мой знакомый капитан этого пса и завёл. Ну, а чё, плохо, что ли? Выпусти его в лес, он и носится как угорелый. А через три года, их под Киев перевели. Ну, он значит ко мне, выручай, мол, Толик. Временно приюти его у себя. На три года я его у себя и приютил», - Некрасова словно прорвало, и он говорил не останавливаясь.

«Оля, это Ваша жена?» - с интересом посмотрев на Некрасова перебил Горский.

«Да, жена».

«Давно познакомились?».

«Познакомились? В четвертом году, на танцах».

«На танцах!? Ох ты! Редкий случай для вашего возраста. Это сколько Вам было?».

«Ну, посчитайте... Я с пятьдесят девятого, вот и прикиньте сколько мне было».

«Так... с пятьдесят девятого.... Подождите, а почему у Вас татуировка на пальцах тысяча девятьсот пятьдесят семь, если Вы родились в пятьдесят девятом?».

«Так нельзя же было в пятьдесят седьмом году регистрировать браки между советскими людьми и полячками, а мой отец женился на полячке. Он в Польше служил в советских войсках и там с моей матерью познакомился. Скандал был, что Вы! Его сразу в Белоруссию перевели, а меня к маминой родне во Львов, а там меня и зарегистрировали в четырёхмесячном возрасте».

«То есть, в Ваших документах в пятьдесят седьмом году, записали, что Вы родились в пятьдесят девятом? Я правильно понял?».

«Записали, суки! Ещё как записали! Я бы на пенсию на два года раньше пошёл! Я бы уже был на пенсии! Не, ну какая всё-таки несправедливость, а! Как Вы думаете, какую мне пенсию назначат? Говорят, при России хорошие пенсии людям давали. Тем, которые уже были пенсионерами при Украине, а потом им при России пересчет делали. А сейчас какая пенсия?».

«А почему Вас так пенсия интересует? - презрительно глянув на Некрасова, спросил Горский. – Что Вы там, на воле, натворили?».

«Так сто пятая, убийство».

«И кого Вы убили?» - спросил Горский.

«Жильца убил. Мы ему комнату сдавали. Я ему одно предупреждение сделал, потом второе, а потом не выдержал и ножом его».

«Вот Вы человека убили, а потом интересуетесь, какая у Вас пенсия будет. Вам не стыдно?» - спросил Горский.

«А почему мне должно быть стыдно? Квартирант - это одно, а пенсия - это совсем другое. Как сочетаются убитый квартирант и пенсия?».

«А я Вам объясню! Это труженик, какой-нибудь, мог бы о размере пенсии беспокоиться, а убийце стоило бы об этом помолчать».

«Так, а причем тут моя статья? Я всю жизнь проработал в пансионатах, то плотником, то дворником, то садовником. У меня стажа знаете сколько? Мил человек, от тюрьмы и от сумы зарекаться не стоит, тут каждый может оступиться».

«Не мил человек, а гражданин начальник! – мгновенноотреагировал Горский. – Я думаю, что не каждый! Я, к примеру, в тюрьме не сидел, да и не собираюсь!».

«Гражданин начальник, а сколько вы уже здесь работаете?».

«Десять лет».

«Так это – ровно тот срок, который мне дали...».

«Не надо умничать! - окрысился Сергей Сергеич. У Вас талант, как я погляжу, сравнивать несравнимые вещи. Я свободный человек, в отличие от Вас. Я могу встать со своего стула и, хоть сейчас, выйти за забор. А Вы это можете сделать? То-то, что нет. Если Вы это попытаетесь делать, Вам сразу побег оформят, и Олю свою Вы еще не скоро увидите».

«Да я что, я ничего... Я со всем согласен, гражданин начальник».

В кабинет вошёл замполит.

Некрасов и Горский подскочили. Сергей Сергеич вытянулся по стойке смирно подобострастно пожирая замполита глазами. Александр остался сидеть на своём месте, так как считал, что гражданским вставать, при появлении носителя больших звёзд, не обязательно.

«Сергей Сергеич, - пробасил замполит, - ты занят?».

«Никак нет! То есть, занят, но для Вас я свободен!».

«Хорошо, как освободишься, зайди ко мне».

«Я уже освободился!».

«Ладно, пойдём».

Они вышли из кабинета.

«С женой часто созваниваетесь?» - спросил у Некрасова Александр, как только дверь закрылась.

«Тут это нельзя. Тут телефоны отбирают».

«Это я знаю, но Вы, по возможности, звоните как можно чаще. Это хорошо, когда есть возможность поговорить с близким человеком. Вы почему такой худой?».

«Сплю плохо. Мучит меня мысль, что умру в тюрьме, за колючкой. Я не разбойник, а человека убил по горячности. Не думая, что будет. Если б я только знал, что вот так вот выйдет всё... Да я бы никогда. Еще и подвыпил тогда. Одно к одному всё сошлось. На отряде на нашем, молодёжь в блатных всё играет, а мне старику это всё... Не знаю, как дальше будет».

«О чём с женой говорите, когда созваниваетесь? Если не секрет».

«Да о чём... Рассказывает, как день у неё прошёл, потом я ей говорю. А так-то новостей особых нет. Хорошо, что мы уже старые, а то молодая не дождалась бы меня. Секс нам уже не нужен особо. А так-то поговорим по телефону и вроде как я рядом с ней».

«Зачем же изводить себя. Поступок, который вы совершили, мягко говоря, тяжелый поступок, но за него Вы несёте наказание. Всё по-честному».

«Как же мне не унывать, если Вы сами видите, где я оказался, на старости лет».

«Я понимаю, но постарайтесь не думать об этом. Я бы Вам посоветовал погрузиться в каждодневные, пусть и мелкие, дела. И думать только о них. С женой поговорили, хорошо. Чай попили с товарищами по несчастью, хорошо. Сигареты есть, хорошо. Удалось подработать, хорошо. В столовой достался кусок рыбы или мяса, хорошо. Сотрудник зажигалку не отобрал, хорошо. И так каждый день, пока не выйдете на волю. Настройтесь на позитив».

ГЛАВА 15.

«СПИДом не боялись заразиться? Или гепатитом А. Очень распространённые заболевания среди наркоманов», - спросил психолог.

«Это непричастный думает о том, как-бы чего не подхватить из ненужного. Когда “ширнуться” нужно не для того, чтобы “кайфнуть”, а для того чтобы день протянуть, о таких мелочах не думаешь, - ответил пожилой зек по фамилии Химичев. Худощавое, смуглое лицо было покрыто сетью неглубоких морщин. Под стандартным бушлатом – чёрная вязаная шерстяная жилетка, на ногах, несмотря на мороз –

сандалии. – Я Вам, как порядочному человеку, советую не лезть в эту наркоманскую шкуру».

«Спасибо за пожелание».

«А Вы знаете, откуда СПИД появился?» - спросил Химичев.

«Один осужденный меня просветил, что человек приобрёл это заболевание после интимной близости с обезьяной», - ответил психолог.

Химичев посмотрел на него как на идиота.

«СПИД, чтоб Вы знали, был разработан в США и несчастных черномазых в Африке им заразили специально, для защиты африканских ресурсов от прожорливых негров. Нельзя сказать, что американцы негров СПИДом заражали со зла... скорее для соблюдения равновесия - ресурсов слишком мало, а негров слишком много. По техническим, так сказать, причинам. Вы видели, чем нас кормят? А вот Вы поинтересовались бы... Вместо квашенной капусты слизь, а о картошке я вообще молчу - одни ростки. При Украине лучше было».

«Так ведь кормили хуже».

«Да можно сказать, что вообще не кормили! Ну, а на хрена эта кормёжка нужна, если посылки можно было каждый день “затягивать”. Кстати, а зачем меня вызвали? Из-за полоски на моей бирке? Кстати, что она означает?»

«А что такое кайф?» - сменил тему психолог.

«Кайф? – задумчиво проговорил Химичев уставившись в пол. – Кайф, это отсвет райского блаженства, растворенный в маковом молоке. Вся эта аскеза – это долго. Хочется побыстрее приобщиться, ну Вы понимаете... Если бы архангел с огненным мечом не охранял, как “вертухай” на вышке, ворота рая, я бы завтра же в побег пошёл. Сегодня пошел бы. Но нет! Стоит он там на входе и отсекает страждущих. А так,

причастишься в вену и, на краткий миг, туда, в райский сад. Вот Вы были когда-нибудь влюблены?».

«Был».

«Вижу у Вас кольцо на левой руке, поэтому не буду спрашивать, так как знаю, что ответите дипломатично. О чем это я? Точно, о кайфе! Представьте себе весну в Париже. Цветущие деревья благоухают, распространяя аромат по улочкам мощеным брусчаткой. Парижанки: белозубые, длинноногие, высокогрудые – восхитительны! Они смотрят на Вас и Вы для них не пустое место. Их глаза блестят и выражают интерес, они заигрывают с Вами без слов. А небо над Парижем высокое, высокое и лучезарное. А ветерок ласково треплет Ваши волосы. Прошу прощения! Вы же лысый как коленка у женщины. Я извиняюсь. О чём это я? Точно, о кайфе! И Вы идёте по этому городу, а на душе у Вас никаких забот. Какие могут быть заботы, если на банковском счету кругленькая сумма, а рядом с Вами идет миниатюрная блондинка, подстриженная под каре и бедра её, за счет двадцатисантиметровых каблучков, соблазнительно покачиваются? Какие могут быть заботы при таком раскладе?».

«Вы бывали в Париже?» - спросил психолог.

«А при чём тут был - не был? Я же Вам говорю об идее кайфа, а не о генеральном плане застройки Парижа. Разницу понимаете? Вы мне сначала вопрос задаёте, а потом претензии предъявляете».

«Я так понял, что употребляли в основном опиум?».

«Конечно! И остался ему верен! У меня УДО скоро и у меня уже вены чешутся. Мне уже снится, как я опиумом причащаюсь...».

«Надеетесь, что розовый период употребления вернётся?».

Химичев лукаво ухмыльнулся и облизал губы языком: «Поживем - увидим. Надеюсь кайфануть после стольких лет воздержания».

«У Вас нет ничего чем бы Вы дорожили, что бы Вас... вдохновляло, кроме опиума?».

«У меня дом двухэтажный – полная чаша и женщина, которая меня ждёт. Она у меня была домработницей, а как я “уехал в командировку”, мы поженились. Не официально, конечно, но кому этот штамп нужен. Важно, что с ней я хочу нести тяготы и лишения жизни на свободе».

«Интересные у Вас словечки проскакивают: причаститься, архангел, рай, аскеза. Вы верующий? В церковь ходите?».

«Бывает, заглядываю иногда. Атмосфера там хорошая. Может из-за свечей и ладана? Как думаете? Не хочется богохульствовать... - Химичев перешёл на шёпот – но зачем Богу вдыхать ладан? Может...», - не договорив Химичев подмигнул психологу.

«Не думаю, что Он дышит и уж тем более...».

«Ну да, ну да...».

«Как Вы сочетаете наркотики и религиозную жизнь?».

«Тоже мне новость! Значит тысячи лет люди употребляли для общения с духами и не считали это чем-то таким... Тем более, что в церковь ходят грешники, как больные в больницу. Мне батюшка объяснил. Так что не надо...».

«Наркомания – это болезнь или порок? Вы в церковь ходите как больной или как порочный?».

«Вы в детстве Конан Дойля читали?».

«Смотря что...».

«Конкретно – рассказы о Шерлоке Холмсе».

«Кино смотрел...», - виновато произнес психолог.

«Вот если бы Вы его читали, Вы бы знали, что он был наркоманом. В кино Вам этого не покажут. Представляете, супермент, гроза уголовного мира и наркоман! Вот это поворот! Для стимуляции умственной деятельности, для выхода за рамки. Кокаинист. Вот так вот... Нам втюхивали в детстве, в фильме, что он весь такой правильный, такой весь аристократ. А он кокаинист. Болезнь... А какая разница, сдохну я от рака или умру то передоза? Всё равно когда-то придётся лечь в умиральную яму. Так уж лучше от передоза счастливо войти в новую жизнь, чем подышать от старости на нищенскую пенсию. Вот Вы говорите порок... Порок, это когда алкаш валяется под забором обоссанный и облеваный, и другое дело я – под благородным кайфом, чистый и опрятный. Улавливаете разницу? Я, когда прочёл, что в течение многих месяцев, три раза в день Шерлок Холмс кололся, я обалдел, но потом понял, что он был прав. Перед ним такие сложные задачи стояли, и каждый раз новые, неповторимые, что он просто должен был расширять сознание».

«Что произошло раньше, прочтение рассказов о Шерлоке Холмсе или?.. Когда Вы попробовали наркотики впервые?».

«Давненько это было... Дай Бог памяти... Короче говоря, еще в советское время покупал по рублю за куб. Дааа, были времена... Папа главный инженер, мама в медуниверситете... деньги были. Потом... Кстати, может быть Вы мне дадите какие-нибудь тесты, и я их на бараче заполню? А то мы с Вами беседуем, а время идёт, не стоит на месте».

«Хорошо. Но Вы должны нарисовать рисунок, простым или цветными карандашами вот на этом листе бумаги. Это нужно сделать здесь, в кабинете».

«Да ладно... Рисовать?».

«Ну, что поделаешь... Это не долго».

«Так я же не умею... Тридцать седьмым годом попахивает, гражданин психолог. Пытаете людей цветными карандашами?».

«Не нагнетайте, какие пытки? А рисовать не нужно уметь. И ребенок справится. Необходимо нарисовать несуществующее животное...».

«Это как, динозавра что ли?».

«Подключите фантазию, возьмите карандаш в руку и нарисуйте то, что придет в Вашу голову. Это не сложно».

«Ментовской беспредел... - проворчал Химичев, но карандаш взял и начал выводить на листе нечто мохнатое с крыльями, искривившее рот и оскалившее зубы.

«Скажите, Пётр Алексеевич, если не секрет конечно, как так получилось, что с Вашей тяжёлой статьёй Вы на УДО идёте? Убеждённый, извините, “барыга”. Бросать своё ремесло Вы же не собираетесь. Поймите меня правильно, я Вас не осуждаю, мне по должности осудить кого-либо не положено. Я пытаюсь понять... как так происходит. По логике вещей, условно досрочно отпускать человека на волю нельзя, если человек варит наркотики и продаёт их всем желающим. Я логично рассуждаю?».

«Логично».

«Я часто видел, как осуждённые испытывают тревогу перед судом по УДО, будет ли положительный результат, нет ли... А у Вас признаков тревоги не наблюдается. Боюсь даже предположить... какую замечательную характеристику Вам дал Ваш начальник отряда. Скорее всего он написал, что Вы стали на путь исправления, осознали, раскаялись, взысканий не имели, а поощрений, наоборот... вагон и

маленькая тележка. Вы поймите, что для меня Вы клиент психологического кабинета и в этих рамках, я Вам желаю всего самого наилучшего, но... от мыслей по поводу Вашей профессии я никуда деться не могу. Я всего лишь рассуждаю вслух о системе, к которой мы с Вами, в той или иной мере причастны. Роли у нас разные, но мы в одной системе, и вот я рассуждаю о ней в слух. Вы же на промке не вкалывали, а прислуживали кому-то из блатных, так что орден сутулого Вам не грозит...».

«А Вам грозит? Я “конячил”, это так и есть, но и Вы “конячите” у Психа».

«У кого?».

«Это погоняло Вашего, Александр Владимирович, начальника. Кайлом Вы не машете, сталь не варите, а перебираете бумажки и пальчиком по клавиатуре тыкаете. И главная Ваша забота, это не ошибиться в заполнении документов. Или я не прав!?».

«Правы. Но у нас с Вами задачи разные. Я пытаюсь помочь людям, а Вы их травите».

«Травлю? Я им билет в другую жизнь продаю, яркую, счастливую жизнь. Да, она короткая, но яркая. Ладно... проехали. А по поводу УДО... Все святые, которые нарисованы на иконах в нашем храме и даже Иисус Христос, и даже дева Мария, его мама, так они все там, на небесах, а миром правит Золотой Телец. И что б Вы знали, для общего развития, деньги барыги на общее не идут, а идут только на подкуп ментов. Так что круг замкнулся: я, на воле, отстегивал деньги, грубо говоря в общак, а здесь, на Зоне, грубо говоря на эти самые деньги, я купил себе УДО, а после выхода на волю, я опять буду отстёгивать деньги в общак, а потом...».

«Опять сядете?».

«Не хотелось бы в моём возрасте. Годы уже, как говорится, не те. Не буду жадничать, буду “отстёгивать” всем, кто попросит, и, глядишь, умру в своей постели, а не на “шконке”. Тем более, что мне есть что терять».

«А в этот раз пожадничали?».

«Бес попутал. И была же возможность дело развалить в самом начале. Нет, пожадничал. При Украине с этим проще было. Сейчас “менты” трясутся за свои оклады, а тогда нет.... Свободы при Украине больше было. Можно было манёвры совершать и не разбиться».

«Свободы или вседозволенности?».

«При всём уважении, но Вы судите о других по себе. Это ошибка. Мы с Вами из разных миров, я из чёрного, а Вы...».

«Из светлого?».

«Из серого. Не белого и не чёрного, а так... серого. По мелочам закон нарушаете?».

«Бывает».

«Ну вот! Нету черного и белого. Есть чёрное и серое. А светлое это там, где святые живут. Наверху. Над нами».

ГЛАВА 16.

Осуждённый сидящий напротив психолога выглядел лет на пятьдесят, пятьдесят пять: кожа лица и шеи утратила упругость, морщины, наполовину седая голова, прокуренный голос и плохие зубы. В его ничего не выражавших глазах не было даже лёгкого мерцания интереса или беспокойства.

«Осуждённый Володаев, знаете, зачем Вас вызвали?» - спросил у него Сергей Сергеич.

«Нет».

«Начальник вашего отряда попросил нас побеседовать с Вами. Он обратил внимание на Ваше поведение. Как Вы думаете, почему он обратил на Вас внимание?».

«Откуда мне знать, что в голове у нашего отрядника».

«А он, между прочим, считает, что Вы ведёте себя подозрительно. Как Вы думаете, почему он сделал такой вывод?» - продолжал допытываться Сергей Сергеич.

«У меня нет желания играть в ваши странные игры».

«Вы же наверняка слышали, что в нашей колонии, недавно, один из осуждённых покончил жизнь самоубийством. У Вас есть желание лишиться себя жизни?» - не успокаивался Сергей Сергеич, в своем стремлении влезть в душу Володаева.

«Вы в своём уме?»

«Не дерзите, а то пожалеете?» - сквозь зубы произнёс Сергей Сергеич.

Володаев оставил эту реплику без ответа.

«Ваш отрядник считает, что раз Вы ведёте себя как-то замкнуто, не хотите общаться с другими осуждёнными, то Вы задумали уйти из жизни и это его не может не беспокоить. Ну так что, Володаев, задумали умереть или нет».

«Нет».

«А почему Вы отвечаете односложно? Вам в падлу поговорить с интеллигентным человеком?» - в голосе Сергея Сергеича зазвучали

агрессивные нотки. Он весь сжался, его лицо побледнело, а глаза избегали смотреть на осуждённого.

«С интеллигентным не в падлу».

«А я, значит, не интеллигентный? Вы себя давно в зеркале видели? Вот Вам сколько лет? Тридцать шесть? Мы с Вами одноклассники, но я выгляжу на свои тридцать шесть, а Вы выглядите на шестьдесят. И Вы еще мне будете хамить!? Да я бы таких как Вы не к психологу отправлял бы, а сажал бы сразу в ШИЗО на месяц, а то и на два! Сидите тут, как на курорте, деньги из бюджета прожираете и деньги немалые. Пришли к психологу, ну так и отвечайте по существу, кратко и без залупательства. Или это сейчас модно – выделываться перед майором внутренней службы. Вы обратите внимание, какой цвет у моего бушлата и какой цвет у Вашего? Вы же не дальтоник, можете отличить синий цвет от чёрного? Так вот мой бушлат - синего цвета, а Ваш – чёрного. Я, как честный человек, могу выйти на волю в любой момент, а Вы будете сидеть здесь еще четыре года. А знаете почему? Потому что зона дураков любит. Это один из признаков слабоумия – сесть в тюрьму. А Вы...».

«От суммы и от тюрьмы зарекаться не стоит, Сергей Сергеич»

«Вы мне ещё угрожать будете!? А я, в отличие от Вас, наркотики не употребляю и деньги и... ценные вещи у мирных граждан не краду! Есть у Вас что-нибудь святое в Вашей душе, или там только темнота криминальная? Вы подумайте над тем, как Вы живёте. Что у Вас за плечами? Как вы встретите старость? Здесь, на зоне, хотите состариться? А может быть Вы хотите и умереть на зоне? Такой у Вас план? Скажите, гражданин Володаев, Вы задумали умереть на зоне? Я правильно вас понял?».

«Куис вивере, квиас деседере».

«Чего?» - Сергей Сергеич оторопело уставился на Володаева.

«Это на латыни. Умел пожить, умей и помереть», - ответил Володаев.

«Умел пожить? Вы хотите сказать, что Вы пожили... умело? Может быть мне послышалось? Вы сказали – умело? Просрать своё здоровье, свободу, родителей, друзей, семью и это – умело пожить? Может быть мне почудилось? Вы действительно сказали – умело? Дааа... Я не знаю, что сказать и как на это реагировать? Я в шоке... Умей и помереть... Это как? Мойкой по вене и в могилу, это Вы называете умело умереть? Вместо того, чтобы осознать свои ошибки, понять что-то полезное для себя, и выйти на волю другим человеком, вскрыться и лечь в могилу под табличкой с номером, как последний бомж, это называется умело умереть? Я не знаю, что и сказать... У меня нет слов. Вы подумайте, гражданин Володаев, что Вы говорите. Вы только подумайте, что Вы говорите. Почему я, взрослый, состоявшийся человек, должен тратить на Вас своё драгоценное время? Мне больше делать нечего? Вы знаете, что совершать самоубийство – это не по понятиям. Вы знаете, что резать себя или душить, это запахло для порядочного арестанта?».

«Знаю».

«Что Вы знаете? Сейчас любого возьми, первого попавшегося, закатай ему рукава, а там этих шрамов от порезов, как морщин на жопе у столетней старушки!».

«Вам виднее».

«В Чем я не прав? Вот Вы скажите мне, в чем я не прав и я, офицер внутренних войск, извинюсь перед Вами, осужденным. Не можете?».

«Вы не правы в том, что не даете мне слово вставить. Так приличные люди себя не ведут. Если не хотите услышать мои ответы, зачем задаете вопросы. Надо бы извиниться, Сергей Сергеич».

«Вижу, гражданин Володаев, что Вы ничему не научитесь и каким были, таким и останетесь. Александр, - обратился Сергей Сергеич к психологу, с интересом наблюдавшему за своим начальником, - дайте осужденному тест ОСР, пусть заполнит его, а потом мне покажите результат, а мне нужно в город съездить».

Сергей Сергеич встал со стула и дрожащими пальцами пытался застегнуть непослушные пуговицы казенного бушлата, перекинул свою маленькую сумочку через плечо и аккуратно прикрыв за собой дверь, вышел из кабинета.

«Что это с Вашим начальником, Александр Владимирович? Какая ядовитая муха его укусила?» - спросил Володаев у психолога.

«Не принимайте на свой счёт, Петр Борисович. Это он так на смерть Алексеенко реагирует. Кстати, из-за чего он? Не знаете?».

«Не знаю. При чём тут я и Алексеенко? Я-то тут с какого бока?».

«Ваш “отрядник” намекнул Горскому, что Вы решили самоубиться, а это, для нас, психологов, большой грех. Мы с Горским не уберегли Алексеенко, не досмотрели, а тут ещё по вам информация нехорошая. Горский нервничает, переживает. Всё что он Вам сказал, он хотел бы сказать Алексеенко, но, к сожалению, как Вы понимаете, нет такой возможности. Поэтому он Вам это всё и наговорил».

«Ни слова в простоте... Забавно... В том, что самоубийство не по понятиям, в этом он прав. Так и есть. Но кто их сейчас соблюдает? Понятия - это неписанный закон, а Зона держится на законе. Да, на законе».

«Интересно. И какие там статьи, а этом законе? Похожи на УК РФ?».

«Смешно, я оценил. Например, одна из статей этого закона говорит, что должна существовать зональная иерархия. Я не сомневаюсь, что Вы и так знаете, что всё зековское общество расслоено на масти, они же, можно сказать, касты. Так было испокон веков. Это такая пищевая цепочка, в конце которой чёрная масть, то есть блатные, которые следят за тем, чтобы “воровской ход” шёл ровно и неуклонно. Ещё их называют “блаткомитетом”, конечно если зона не красная, а чёрная, потому что на красной зоне блатных нет. Основная задача “блаткомитета”, это сбор денег в общак и его справедливое распределение согласно нуждам и потребностям.

Сидельцы скидываются в общак, кроме, конечно, “козлов” и “петухов”, а из него уже грев идёт “этапникам”, и на святые места, то есть на “крест” и на “яму”. В каждой зоне, в каждом бараке обязательно идёт игра и блатные не только сами играют, но и смотрят за тем, чтобы игра шла по понтиям и карточный долг, долг чести, всегда выплачивался».

«А вот Вы упоминали “воровской ход”, а что это такое?».

«“Воровской ход”, это отсутствие “беспредела”, то есть – жизнь по понятиям».

«А почему же администрация, так сказать... не возражает против такого порядка вещей?».

«Сплошь да рядом, блатные “греют” администрацию. Как отдельные блатные могут засылать подарки “хозяину”, так и из “общака” серьёзные суммы ежемесячно. А вообще, понятия нужны для того, чтобы защитить нас от нас же. Без “понятий” мы бы горло друг другу перегрызли».

«Скажите, а как у Вас с наркотиками?».

«Я высох весь. У меня, буквально, живот к позвоночнику прилип. Рост у меня метр девяносто, а я весил пятьдесят семь килограмм. Пришёл, конечно, к родителям, а к кому мне ещё идти, и сказал им, что самостоятельно справиться с этой болезнью не могу, помогите. Отправили меня на “ребу”...».

«Куда?» - спросил психолог.

«На реабилитацию. И вот как-то держался, не употреблял... Как вспомню, что со мной происходило, так волосы дыбом встают. Что я делал? На что я свою жизнь потратил?».

«В чём же состояла реабилитация? И где находится этот реабилитационный центр?».

«Не находится, а находился. Он уже закрылся, а его хозяин в Америке сейчас живёт. Под Алуштой. Я туда зимой попал. Холодно, батареи холодные. Утром встану, лед в ведре сломаю, умоюсь. В одежде спал, под несколькими одеялами. Кормили растительной пищей. Спасибо, что плату не брали, но нужно было работать, а зарплата шла в реабилитационный центр. То асфальт кидали, то щебень таскали. Директор договорится с какой-нибудь организацией, а мы работаем.

«Соли, они же возбуждают страшно. Как это обычно происходило: иду я в ночной клуб, какой-нибудь, а в кармане у меня шприц с солью “бодяженной”, кристаллов так тридцать, или чуть меньше. А дальше дело техники. Знакомлюсь с телкой, с любой, которая согласится, главное, чтобы она согласилась со мной выпить».

«Алкоголь?» - спросил психолог.

«Да хоть лимонад “Буратино”, не в напитокке же дело. А дальше она мне может рассказывать, что она отличница, девственница, что ждёт

своего единственного и для него себя бережёт. Это все “туфта”, если у меня в кармане шприц с “бодяженной” солью. Она на что-нибудь отвлечется, а я ей в стакан пол “куба” и себе пол “куба”. Идем танцевать, а у меня уже стояк такой, что ломом не перешибёшь. Танцуем, а я ей свой хер в живот упираю, и она мне уже шепчет: “Поехали ко мне”. А однажды вообще смешной случай произошёл. “Закладку” для меня оставили по одному адресу в кормушке для птиц. Я туда прихожу, а там, в пяти метрах уазик “ментовской” стоит и, соответственно, в нём менты сидят. Крутился я там, крутился, потом плюнул на всё, пошёл к этой гребаной кормушке для птиц, хватить закладку и ходу, и ходу. “Менты” там по какому-то другому вопросу приезжали. А однажды нашёл курьерскую закладку, всю перемотанную синей изолентой. Хватить её, а оттуда пакетики с солью так и посыпались. Шестьдесят грамм! Знаете, сколько это стоит!? Это как клад, гребанного капитана Флинта найти. Дошёл я до скотского состояния. Наркоман сам себе не принадлежит... каким-то пламенем охвачен. Это не передать словами. Но, это все в прошлом».

«Пётр Борисович, что же всё-таки с... с Вашим предполагаемым суицидом? Вы понимаете, что я не могу Вас отпустить, не выяснив этот вопрос».

«Закроете меня в этом кабинете как в ШИЗО?».

«Нет. Но прояснить этот вопрос я обязан».

«Александр Владимирович, “закусился” я с “отрядником”, вот он мне нервы и трепет, падла».

«А что там произошло».

«Давайте без подробностей. Но я твердо говорю, что жить я хочу».

ГЛАВА 17.

«Возвращается ко мне одна клиентка, которая накануне посидела у нас и говорит, что отравилась шашлыком. А я вспоминаю, что она шашлыка четыре вида заказывала, а еще и мидии с рапанами. Конечно, на неё срачка напала».

«Да, отдыхающие они как дети – всякую дрянь в рот тянут» - поддержал разговор психолог.

«Они себя так ведут, будто их никогда не кормили. Дааа... Раньше Алушта была городом, можно сказать, всесоюзного значения. Но уже не то. Дааа...».

«А когда Алушта испортилась?».

«Алушта? Да когда союз развалился. Ещё до девяностых мы там так сражались! А когда бандюки все разбежались... Знаете, центр был башмаковский».

«Центр Алушты?»

«Да. Рабочка была сейлемская. Я там в “Корчме” работал. Это было время, я Вам хочу сказать! Заплатил за месяц и спокойно работаешь. Чтоб менты пришли на шару поесть, да такого никогда не было! Я, так, не влезал особо, привозили мне товар, да и всё».

«“Корчма” – это бар?».

«Да. Полуподвальное помещение там было. Шесть столиков, тихо, мирно. Когда они приезжали, я закрывал ворота, они обсуждали какие-то свои дела. Я обязательно беруши в уши совывал, чтоб ничего не слышать, когда их обслуживал. Бывало и целую ночь с ними просидишь, но они эти моменты всегда оплачивали. Нормальные были отношения. Людские. И чтоб у бабушки вырвали сумку, или кого-то нагрели где-то вечером... без ихнего ведома... такого и быть не могло. А сейчас что!?

Видят идёт подпитый мужичек... Сколько у нас в Алуште на шестидесятке таких случаев было.... Там у нас был магазин ночной, раньше был овощной, и там у них площадка... и сколько там подпитых мужиков грабили.... Я даже попадал. На работе деньги получил, с мужиками грамм по триста жажнули. Пришел домой, кишки бросил, пойду думаю еще в магазине соточку накачу, продуктов подкуплю. И смотрю сзади трое жмутся.... Ну, я в таких, знаешь плавках под шортами был... портмоне сразу туда. Только выхожу, а там еще в десяти метрах от магазина шиповника куст был... еблысь мне чем-то тяжелым по голове. Я еще в таком полусознании был, чувствую у меня по карманам, а там ничего. Они два пакета с продуктами подломили. Моя мне дома еще пиздюлей навешала, думала, что у меня все деньги забрали. Ну, я ей деньги все отдал, оставил только на сигареты да на опохмелку. Утром иду на работу, через магазин, соточку накатить. Смотрю пацаны бандюки гуляют, а у меня башка перевязана. Они поинтересовались, что случилось. Ну, я, так мол и так. Они у меня спрашивают, до сколько я работаю, я им говорю, что до шести вечера. Ну, они говорят мне, чтоб я к пол седьмому подруливал. Подруливаю. Смотрю, а к батарее уже двое пристегнуты. Спрашивают у меня, они это или нет. А откуда мне знать, я полупьяный был. А бандюки сами говорят, что это они были. Бери, говорят, арматуру и ебашь их. Да пендаля им дать хорошего, говорю, и пусть валят, только продукты надо вернуть. Пацаны одного отстёгивают, чтоб он пошёл со мной в магазин и то шо они поперли, все вернуть.

«Это какой год был?» - спросил психолог.

«Щас скажу... Это был... девяносто восьмой. Ну, я самое дорогое в магазине выбрал: коньяк, шампанское, колбасу сыровяленную. И за больничку он мне ещё отдал. А двоих пьяненьких у нас там просто убили. Я, вот, знал одного прораба, моего кореша.... Просто по голове

сзади ёбнули и всё. Мужик один на ялтинской, вот где мусорники на мостике, вышел из дома мусор вынести. Что с него брать!? В спортивных штанах с мусорным ведро в руке...».

«Бывает, что и за пачку сигарет убить могут».

«Может и так. Уебашили, два месяца пролежал в травматологии, называется мусор вынес. В начале девяностых, когда бандюки начали править – тишина была. А потом уже, кто-то из них на ментов начал работать, кто-то в бега, а кто-то пошёл на зону».

«Или в могилу».

«Ну, или так».

«А первый раз на зону по какой статье “заехали”?».

«Жена закрыла».

«Как это, жена?».

«Обыкновенно. За пьяный дебош, на год посадила меня баланду похлебать».

«Развелись с ней после этого, наверное?».

«Зачем разводиться? Я посидел годик, осознал своё поведение... Приехал домой, посидели с ней за с толком под абажуром, поговорили с ней по душам и опять жить начали. С приключениями освободился, но это так всегда, обычно бывает. Там, вместе со мной освобождался один наркоман, мы вместе выходили вдвоём. А шо, мне девятнадцать гривен дали по освобождению, все, что я за год заработал, и сто гривен брат прислал, так их отобрали менты. Говорят, что я им должен за фуфайку. А мне всё прислал брат, ботинки, фуфайку, робу, всё черного цвета, брат мой тоже сидевший. Я все эти “кишки” пацанам оставил. А мне менты говорят, что я им должен. Я им такой “кипиш” на проходной устроил!

Так они отрядника вызвали, начальника Зоны! Я им так и сказал, что они пидарасы и гондоны. А что они мне сделать могут?».

«Вы же уже свободный человек были».

«Ну да! Уже свободный! Но они меня под белы рученьки и за забор. За пацаном этим, наркоманом, папа на мэрсе двух охранников прислал прямо под ворота, потому что он кололся. Он мне и предложил до Хмельницкого подбросить. Мы приехали в Хмельницк, в ресторан. Как говорится, он меня накормил и ещё своим охранникам сказал, чтоб они мне пятьдесят гривен дали. Я тут же брательнику на ухо, он с Киева за три часа доехал».

«Папа того наркомана на лечение отправил».

«Да. Он по УДО вышел, даже до положенного срока не дотянув. Его папа на зону домашний кинотеатр прислал, и готово дело».

«Где это было?».

«Изяслав. Тридцать вторая».

«Зона или тюрьма?».

«Зона. А рядом крытка. У нас там пионерлагерь был – по горну вставали. Хохма. Начальник Зоны вызывает меня, а по документам смотрят, а моя специальность – рыбмастер. И он вызывает меня и интересуется, могу ли я рыбу развести в его пруду. Он себе пруд отрыл. Я сказал, шо могу, но мне через месяц освободиться. Сказал, и аж в животе похолодело. Думаю, сейчас как влупят трёшку прямо там на Зоне и суд состоится. Вам смешно, а там кузнец был, так ему три раза добавляли по году за нарушение режима, потому шо кузнец там нужная специальность. Месяц, говорит, и на свободе? Ну езжай на “яму” на пол месяца. А там холодно, стены голые, двухразовое питание – среда и пятница. Это здесь на “яму”, как в Ялту съездить».

«Блатных там не было?».

«Какие блатные? “Красный” лагерь. Не, я мог бы и в Симферополе на тюрьме остаться, но брательник денег не смог собрать. Его опер вызвал и говорит, шо двести долларов давайте и пусть на тюрьме ковыляет потихонечку, на кухне картошку перебирать, но не судьба. Но, в Изяслав – это было ещё по-божески, хуже было бы в донецких краях сидеть».

«Почему?».

«А донецкие зоны, тогда, называли – кабачковая страна. Потому шо там кабачками кормили на завтрак, обед и ужин».

«Чем Вы занимались после отсидки?».

«Работал, чем ещё заниматься.... Шашлычником на алуштинской набережной. Жарил себе шашлычѐк потихонечку, работа, как говорится, знакомая. Только клиента обвешивать нельзя, как делают некоторые малоподготовленные».

«А что, обвешивают?».

«Ещё как! Конечно, дурят отдыхаек. А как их не дурить, если они как дети, вот их и дурят».

«А как можно...?»

«Как, как.... Как и всегда это обычно делалось. Дурили на мясе и на бухле. Принесѐт ему официант кусок жареного мяса, ну, там, со специями разными... на сто пятьдесят грамм, а запишу двести или, если совести вообще нету, двести пятьдесят, а разницу себе в карман. С кухней сверится, у них недостачи нет и у официанта прибыль. Есть, конечно, опасность, что взвесят, но это же взвешивать нужно, а многие стесняются, вот и прокатывает. А бухло, как с древних времен было принято, пока клиент трезвый, подают хорошее, а как напьѐтся, плохое,

но по цене хорошего. Но это если только клиент не заказывает нераспечатанную бутылку, а не коктейли голимые.

Вот у меня случай был, заказывают мне рюмку коньяка и бокал вина... Вас ничего не настораживает?».

«Нет», - отрицательно покачал головой психолог.

«А я сразу понял, что это подстава. Беру поднос, кладу на него две бумажные салфетки, на салфетки ставлю рюмку и бокал и несую клиентам, так, чтоб расплескать как можно больше. Пойло выливается, в разумных пределах, из посуды и попадает на салфетки. Эти уроды сразу просят у меня мензурку и меряют спиртное, а там, ясен пень, не хватает до нормы. Они, значит, ко мне с претензиями, а я им и говорю, чтоб они пойло из салфеток выкрутили, как раз и будет норма. Это я с ними так пошутил. Но над клиентами я не издевался, не по нутру мне это. Как один мне рассказывал, видит шо толстый клиент, ага... он ему и подсовывает какой-нибудь треснувший стул. Жиробас поёрзает на нём полчаса и стул в дребезги. Официант в “кипиш”, клиент извиняется и платит, а официант стул в море, а разницу себе в карман. Но это издевательство, я считаю. Был и у меня один раз такой случай... приходят два молодых пацана с двумя тёлками и начинают мне мозги полоскать, то то не так, то сё не так, ну я им и накрутил по самое самое. Они давай из карманов всю мелочь вытряхивать... не хватило. Ну, говорю им, шо? Ментов вызывать не будем? Они мне говорят, что тёлки посидят как залог, а они бабки привезут».

«Чем дело закончилось?».

«Телки до утра посидели, и я их отпустил на волю, зато этих говнюков больше не видел, а бабки... хрен с ними. Ещё был случай, но без издевательств... Пришёл клиент и спрашивает, шо у нас есть. А я,

перед тем, вечером, со своей поцапался. И говорю, шо всё есть. Он мне акулу заказал...».

«Акулу? Нашу, катрана?».

«Ну а шо ещё. Не белую же. Ну, акулу, так акулу. Я пошел в соседнее кафе, там была акула. А мне говорят, шо нужно деньги в залог оставить, потому шо там одно блюдо, на котором эта акула подается, больших денег стоит. А за саму акулу – заплатить сразу. А куда деваться? Зато лицо не уронил, хочешь акулу, на тебе акулу.»

Но больше всего мне нравилось работать шашлычником. При хохлах, когда к нам россияне приезжали, то они чувствовали себя как короли. Шо тут скажешь – разница в курсе валют, да и кризиса такого не было. Ко мне очередь стояла за шашлыком. На мясе я их не дурил. Зачем? Беру двести пятьдесят грамм мяса, и из него делаю около двухсот грамм шашлыка. Даже не нужно тухлое мясо брать. Зачем клиентов травить? Я зарабатывал только на хозяйне шашлычной. Покупал мясо и добавлял в общий котел, хозяин, понятно, это мясо не учитывал, а мне доход. Потом еще на проценте у жарки зарабатывал».

«Это как?».

«Ну, как... Свинина у жаривается на тридцать два процента, а я, за счет того, что мясо вымачивал в маринаде сутки, у жаривал его на двадцать процентов. Двенадцать процентов себе в карман. Потом еще в каждую тарелку клал ложку кетчупа или уксуса и лук, а это тоже входит в вес мяса».

«Ндааа...» - произнёс психолог.

«Скажу я Вам, дорогой психолог, шашлычнику зарплата не нужна, он и так себе хорошее бабло заработает».

ГЛАВА 18.

Библиотека не пользовалась особой популярностью среди обитателей зоны, проигрывая телевизору с большим отрывом. Передачи: “Дом 2”, “Пусть говорят” и “Давай поженимся” покорили грубые сердца матёрых преступников. Прильнув к, прости господи, голубым экранам, ээки, как маленькие дети или старики, полностью погружались в иллюзорный мир телевидения. Книга, на удивление, такого эффекта не вызывала.

Библиотека состояла из двух помещений: большого и маленького. В маленьком обитал лагерный художник, а в большом стояли стеллажи с книгами и за конторкой дремал библиотекарь. Запах сырости вьелся в каждую страничку каждой книги, черные пятна плесени покрывали стены и потолок, деревянные стеллажи потихоньку гнили. Три тысячи томов русской и зарубежной классики, советская фантастика, немного детективов, но жемчужиной, хранимой библиотекарем как зеница ока, была книга с вкраплениями эротики и изображением на обложке женской обнаженной груди с большим торчащим соском. Простой смертный эту книгу мог взять почитать только посредством взятки библиотекарю состоящей из четырёх сигарет и “замутки” чая. Элементы эротики были заботливо выделены закладками, для того, чтобы не тратить драгоценное время на чтение множества бесполезных слов. Ээки, как люди практические, читали детективы, но не для развлечения, а, как бы это наивно ни звучало, для повышения своей приступной квалификации, в надежде прочесть какие-нибудь тайны следствия, или способы обмануть милицию. Эти своеобразные учебные пособия были потрепаны и замусолены, но и книги других жанров, не смотря на прохладное к ним отношение, за многие десятилетия обветшали. Поскольку средств на библиотеку не выделялось никаких, хотя может быть они и выделялись, но не доходили, чинить книги было нечем. Не

было ни клейкой ленты, ни клея ПВА. Скажу больше, не было каталога лагерной библиотеки и карточек читателей. Желавший взять книгу ээк сообщал библиотекарю название книги, свою фамилию и номер отряда, библиотекарь записывал эту информацию на какой-нибудь клочок бумаги, бросал его в ящик своего стола, где он тонул в ворохе других бумажных обрывков. Лагерная администрация также могла брать книги в лагерной библиотеке, но, как правило не возвращала их обратно, пополняя домашние библиотеки, к недовольству своих жен, боявшихся заразы и особо злых микробов, разносимых ээками. Ходили слухи, что кто-то пожертвовал около двух тысяч томов разнообразной литературы, но это сокровище в лагерную библиотеку не поступило, а было свалено на пол в одной из комнат штаба заместителем замполита, который объяснял это тем, что от штаба до библиотеки метров четыреста и преодолеть такое расстояние с таким количеством книг практически невозможно. Библиотекарь, по местным меркам был человеком интеллигентным, за его плечами был автотранспортный техникум, на носу очки с тонкой металлической оправой, а в личном деле статья за мошенничество. На воле, за его домом была скважина, воду из которой он, по предварительному сговору с армянами, разливал в пластиковые пятилитровые бутылки на этикетках которых было указано, что она добыта из глубоких артезианских скважин и была обогащена серебром.

Вначале карьеры, следуя зову своей беспокойной натуры, библиотекарь пытался привлечь читателей. Зачем ему это было нужно? Пожалуй, он и сам не смог бы ответить на этот вопрос, но жажда деятельности подстёгивала его, и он решил организовать шахматно-нардный клуб в стенах библиотеки. Участникам клуба, по замыслу библиотекаря, было бы предложено принять участие в турнире главным призом которого были бы: портативный телевизор, три блока фильтрованных сигарет и пять килограмм дорогого чая. Собственными

силами обеспечить победителя такими ценными подарками он не мог, для этого, по меркам лагеря, нужно быть олигархом, и он решил обратиться к замполиту с просьбой о спонсорской помощи. Где-то в глубине библиотекарской души маячили зыбкие, как мираж в пустыне, мысли о собственной выгоде от этой затеи, о возможности всегда иметь, что закурить и заварить, но он их отгонял, твердо решив думать только о пользе для библиотеки и её потенциальных читателей. Решив не откладывать этот вопрос в долгий ящик, он отправился в соц. отдел на приём к замполиту. Замполит выслушал библиотекаря не перебивая и поинтересовался, не делился ли, случайно, библиотекарь мыслями об этом клубе с кем-нибудь из осуждённых. Выяснилось, что библиотекарь, прежде чем прийти к такому большому начальнику как замполит, провёл опрос среди редких посетителей библиотеки на тему шахматно-нардного клуба и даже, покупив сигарету, одну на двоих, с зэком, работающим в цеху сувенирной продукции, выяснил у него стоимость пяти шахматных досок и пяти досок для игры в нарды, большее количество мест для играющих организовать в библиотечном помещении было бы сложно. Замполит очень удивился, сконцентрировав своё удивление в крепком матерном выражении и попросил напомнить какая по счету, у библиотекаря, ходка к “хозяину”. Выяснив, что третья, замполит удивился еще больше и посоветовал библиотекарю ни с кем эту идею больше не обсуждать, так как стены козлятника не смогут уберечь его от блатных контролирующих азартные игры в лагере. Через несколько дней кто-то из блатных, отведя библиотекаря в тихий уголок, освободил его от необходимости чистить по утрам и вечерам четыре передних зуба, оказав библиотекарю помощь в экономии зубной пасты. С тех пор, библиотечная жизнь шла неторопливо, но без происшествий: читателей в библиотеке не прибавилось, но и зубов во рту библиотекаря не становилось меньше. Как уже было сказано выше, в маленькой комнате обитал художник. Не

просто работал, а именно обитал. Если бы у него была такая возможность, он поставил бы там кровать и вообще не выходил бы оттуда, но такой возможности у него не было, необходимо было ночевать в отряде и участвовать в вечерней и утренней поверке. Внешний вид этой комнатухи был еще печальнее чем библиотеки: Отвалившиеся куски штукатурки обнажали внутренности стены, лохмотья извести свисали с потолка, холодный бетонный пол когда-то был выкрашен коричневой эмалью представленной, в настоящее время, фрагментарно. Справа от входа стояла широкая, деревянная, самодельная скамья, заваленная набросками, выполненными карандашом и незаконченными рисунками написанными масляными красками, вперемешку со старыми газетами и журналами времён советского союза. Напротив входа, стояли стол и табуретка, тоже самодельные. Стол был измазан масляной краской всех возможных оттенков, на нем валялись пропитанные краской тряпки, кисти, баночки с краской, цветные и простые карандаши, фломастеры, на краю, как правило, стояла железная кружка с крепким заварным кофе, растворимый кофе художник не признавал. Над столом висела большая картина, на которой масляными красками ядовитых, почти фосфоресцирующих, оттенков была изображена морская битва. Парусные многомачтовые корабли изрыгали клубы порохового дыма, обстреливая друг друга ядрами. Сильный ветер раздувал их паруса и трепал длинные, прикрепленные к мачтам, флаги. Огромные волны, увенчанные пенными шапками, готовы были смыть команды сражающихся кораблей в море где их поглотила бы бездна. На вопрос: «Что это за битва?», художник не смог бы дать вразумительный ответ, да это было и не важно. Картина была оправлена в пышную, покрытую золотой краской раму, и предназначалась “хозяину”. Но, к большому сожалению руководителя колонии, художник никак не мог её закончить из-за утраченного вдохновения. Ускорить процесс администрации не

удавалось, так как дипломированный художник в колонии был один, а часто приходящие этапы состояли, по мнению Хозяина, из одной “шелупони”. Художнику обеспечили привилегированное положение, его не тревожили “шмонами”, и не вызывали в оперативную часть, предварительно взяв с него честное слово, что в его коморке никакого запрета не будет.

«Мне в библиотеку, – обратился Александр к младшему инспектору, стоявшему рядом с железной дверью со связкой ключей в руке. – Можно?».

«Нужно! Проходите», – хорошо смазанные петли не издали скрипа.

Пройдя по дорожке, он вошел в библиотеку.

«Художник у себя?» – библиотекарь в ответ кивнул головой.

Постучав в синюю обшарпанную дверь, ведущую в коморку художника и выждав пару секунд, Александр вошел.

«Проходите, проходите!» – обрадовался художник. Он переливал из железной кружки в керамическую горячий кофе. На столе лежала недоеденная шоколадка, а рядом, на краешке стула сидел зэк, недавно женившийся на потерпевшей.

«Выйди, – художник строго посмотрел на молодожёна, который тут же встав со стула вышел, плотно прикрыв за собой дверь

«Стукач. На оперативный отдел работает, – как бы извиняясь за свою грубость объяснил психологу художник. – Будет тут уши греть».

«Как поживаете?».

«Хорошо, хорошо поживаю– широко улыбаясь ответил художник. – Я вот чего хотел с Вами поговорить. У меня все из головы не

выходит... Зачем же я все-таки убил человека? – водянистые глаза, с легким налетом безумия, серьезно смотрели на Александра. Я же вам скажу так... я сожительницу свою убил. Я не хотел. Я просто хотел как обычно... - художник стукнул кулаком о кулак. – Проучить хотел, как обычно это бывает по синьке. А тут вот как-то...».

«Наркотики употребляли?».

«Да – просто ответил художник», - употреблял.

«Какие?».

«Опиум. Я еще давно начал. Вы же помните, что в восьмидесятых наркоманы были редкостью. А я еще и в армии употреблял. Это вообще было ЧП. Я помню, меня повезли к наркологу в военный госпиталь. Но он, Вася, такие “беспонтовые” вопросы задавал, типа продал бы я родную мать за таблетку. «Ты че, говорю, с дуба рухнул!?» - говорю я ему. Но свою информацию он видно снял. Сказал он мне, что меня ждет. Как напророчил. Я поэтому люблю с психологами и психиатрами общаться. Он мне и диагноз поставил – психопатия на почве наркомании. Я вот думаю, может быть мне письмо куда-нибудь написать, может скостят пару лет. Как Вы думаете?».

«Я не знаю».

«Жаль, жаль. Одно радует, что я все дышу, а все мои дружки уже в могиле».

«Они тоже употребляли наркотики?».

«Обязательно. Компанию мы по себе подбираем, так ведь?».

«Так. Можно сказать, что зона Вас спасла и продлила Вам жизнь. Здесь режим, подъем-отбой, питание в одно и то же время и наркотиков нет. Ну, почти нет».

«Почему, я покуриваю. Но, это, конечно, не тот кайф. Выйду, опять, наверное, начну. Хотя это, говорят, дорого сейчас. При союзе я брал по рублю за куб, а сейчас я даже не знаю по чем они...».

«Опиум умеет ждать...».

«Точно! – художник улыбнулся. – Так и есть! А они там не понимают – он махнул в сторону закрытой двери. А Вы откуда эту фразу знаете?».

«Просветил один человек... Опять же, наркотический кайф – это благородный кайф».

«Опять в цель! – художник с подозрением посмотрел на психолога. – Вы правы. Рубашечка выглажена, гладко выбрит, одеколоном пахнешь. Конечно, кайф... такой... не как у алкашей. Хотя.... Знаете, что я хочу Вам сказать? Мама у меня была художница. Я, конечно, не чета ей, но... она... когда умерла... столько людей её хоронило... а я... привели меня на кладбище... а я “вмазанный”... люди говорят - это её сын.... Боже мой, Боже мой. Когда вспоминаю, жить не хочется, словно когтями по душе кто-то скребет – художник замолчал на пару минут. – Как вспомню, так хочется забыться. А сожительница моя была воровкой. Я два раза брал её вину на себя. Два раза! Не была она мне чужим человеком. Я помню все, как будто вчера все произошло. Яркие такие краски. Крови почему-то много было... она... так... захрипела, пару раз дернулась и начала... лужица крови... ярко-красная, словно горящий на солнце рубин. А я что... куда деваться. Юлить не стал, сразу ментов вызвал. Вы мне говорили, что я подсознательно хотел в Зону вернуться, есть же способы и попроще. Кровь, не краска, её отмыть сложно. Снится она мне. Стоит, смотрит на меня и молчит. А из глаз у нее кровь идет. Сорочка на ней такая длинная, типа ночнушки и вся она кровью залита, той, что из глаз течет. Я стою, смотрю на неё, а

она медленно так ко мне идет, мелкими шажочками, но никогда не доходит вплотную. Может быть и я скоро умру», – художник уставился в пол и замолчал.

В комнату, без стука, вошел молодой, опрятно одетый зек. Молча пожал руки художнику и психологу, положил на стол две пачки сигарет, с фильтром и без, и вышел.

«На тебе боже, шо нам не гоже...», - проворчал художник, пряча сигареты в шкаф стола.

«Зековский подгон?» - спросил психолог.

«Это не простой зек. Это блатной, “смотрящий” за медчастью. Принес... тоже мне... я курю сигареты получше...», - продолжал ворчать художник.

«Вы, я смотрю, в авторитете».

«Да какой там! Мне, скажу Вам откровенно, все это тюремное уже вот где хлюпает... - художник зажал кадык на своей шее «вилкой» из двух пальцев. – Не с кем поговорить об искусстве. Смотрите, что у меня есть».

На грязном стуле лежал альбом, обернутый в заляпанную краской старую газету. Художник бережно открыл его и его неухоженная комната осветилась мягким светом, струящимся со страниц альбома.

«Импрессионисты – художник медленно перелистывал страницы. – Окно в другой мир...».

Дверь снова открылась, на пороге стоял дневальный замполита.

«Вас там Псих ищет», - обратился он к психологу.

«Кто?»

«Горский».

«Хорошо, я сейчас приду, – дневальный пропал из виду. – Нужно идти, но я к Вам еще загляну».

«Хорошо, хорошо» – закивал головой художник.

ГЛАВА 19.

Всё-таки погоны женщину портят. Лишают её податливости, хрупкости. Тех черт, которые входят в понятие - женственность. Женщина в кителе с пагонами на плечах встраивается в систему, в которой действует культ силы и нет места слабости. Она, бедная, вынуждена конкурировать с мужчинами, черты её лица грубеют, в голосе появляется металл, нога чеканит шаг, глаза смотрят прямо. Окружающие мужчины, встроенные в ту же систему что и она, но званием ниже, смотрят на неё заискивающе, она для них начальство. Ей отдают честь, перед ней тянутся по стойке смирно, она может отдать приказ и строго контролировать его выполнение. И вот пройдёт лет пятнадцать-двадцать службы в системе и перед нами уже не женщина, еще не мужчина, а третий род – майор или подполковник с едва различимыми вторичными половыми признаками женского пола.

Рассадив психологов служащих или работающих в подведомственных учреждениях ФСИН на территории Крыма за длинный прямоугольный стол подполковник Кабанина скользнула по ним ледяным взглядом.

«Коллеги, если говорить об окончании той проверки которая у нас сейчас с вами прошла, могу сделать следующие выводы: каких-то системных ошибок и абсолютно провальных моментов выявлено не было. Это, я вам хочу сказать, хорошо».

Психологи не спешили радоваться похвале подполковника, справедливо ожидая, что “ягодки” будут впереди.

«Выявлены недостатки, - продолжила Кабанина, связанные со спецификой деятельности каждого из подразделений. Где-то страдала работа с личным составом, где-то страдала работа с обвиняемыми, подозреваемыми и, в том числе, осуждёнными. Очень часто, со многими осуждёнными вообще не проводилась психодиагностика. Это очень странно. Мы с вами не те психологи, которые там, за забором, сидят в своих кабинетах и ждут, когда к ним придут мотивированные клиенты, которые хотят лечиться, хотят изменить себя. У нас с вами другая ситуация. Хотя, должна заметить, что и те психологи, которые работают за забором, должны рекламировать свою деятельность, должны показывать свои знания и умения, должны зазывать к себе клиентов если хотят, чтобы они постучались в их дверь. Если вы будете вести себя пассивно вы вообще потеряете все позиции».

О какой активности могла идти речь, если с первых дней службы усваивалось главное правило поведения – инициатива наказуема.

«Ещё один важный момент... скажите, вы по УДО прогнозы пишете?»

«Пишем, пишем», - раздалась нестройные возгласы.

«Ага, пишете. Это хорошо. Не всех нужно сразу на УДО отправлять, некоторым из осужденных полезно будет посидеть в колонии поселения. Не созрели они ещё для свободной жизни».

«Людмила Петровна, - не вставая обратился к ней Александр, - как быть если начальники отрядов не предоставляют судье психологические характеристики, которые мы составляем на осуждённых идущих на УДО».

«Вы из ИК-22?».

«Да».

«Начальники каких отрядов? Как их фамилии? - Кабанина взяла ручку – Назовите, не бойтесь».

«Я не могу сейчас припомнить их фамилии... Мне бы хотелось узнать, как поступать в этой ситуации».

Сергей Сергеич незаметно для присутствующих больно пнул Александра по лодыжке, под столом.

«Как они объясняют своё нежелание предоставлять судье психологические характеристики?».

«На УДО, как правило, идут осуждённые работающие в зоне на тех, или иных должностях. Сотрудничающие с администрацией колонии. А характеристики мы стараемся писать максимально объективные, отражающие, так сказать, сложный внутренний мир осуждённых. Соответственно судья, прочитав такую характеристику, возможно, не захочет выпускать осуждённого на волю».

«Да, такая проблема возможна. Что я могу посоветовать... Вам необходимо провести разъяснительную работу с начальниками отрядов. Вы должны объяснить им, что так делать недопустимо. Так... Что касается характеристик, то наш коллега поднял животрепещущую тему. Рекомендации, которые вы даете в психологических характеристиках, должны быть целевыми и адресными. Они не могут быть пространными, они не могут содержать рекомендацию, что нужно чаще проводить индивидуально-воспитательную работу и точка. О чём эта рекомендация? Ни о чем. Не нужно писать рекомендации просто что бы было. Поступать так – себя не уважать. Понимаете, да? Я оставляю вам варианты рекомендаций, вы обязательно их изучите. Ещё мне бы

хотелось с вами поговорить о содержании ваших заключений. Для примера разберём интеллектуальную сферу. Я подобрала несколько заключений с отрицательными примерами написания. Я думаю, что я вам просто их прочту, и вы сами всё поймёте, что стоит писать, а что не стоит. Каким образом это должно выглядеть, а каким нет. Итак, внимание. Интеллектуальная сфера: умён, остроумен, эффективен в решении разнообразных задач, не встречает затруднений в выражении своих мыслей, часто кажется тугодумом, с трудом усваивает что-то новое, имеет узкий круг интересов, реалистичен, логичен, руководствуется разумом, не склонен принимать импульсивные решения, имеет конкретный и практичный ум. Понимаете!? Это реальное заключение! Коллеги, нормальные психологи не должны писать такие заключения, так делать не надо! Полная рассогласованность. Все элементы ваших характеристик должны быть согласованы, а этого я не наблюдаю.

Давайте обратим внимание на то, что вы пишете в графе “Индивидуально-психологические особенности”. Активен, энергичен, демонстративен, негибок, ограничен, конформен, осторожен, консервативен, холоден, отчужден.... Это не психологическая характеристика, а набор слов. Внутреннее содержание этих характеристик не просто критике подлежит... можно сказать, что оно отсутствует. И это можно сказать по всем остальным пунктам. Ко не неоднократно поступают жалобы не только от руководителей региональных отделов, но и от более высоких руководителей, а это очень неприятно, когда поднимаешь телефонную трубку, а тебе начинают жаловаться на психологические характеристики, которые крымские психологи пишут заключённым. Мы, теперь, живем в одной стране, и я за вас душой болею и переживаю.... Вы пишете не просто документ, в котором вы расписались, и он лёг в личное дело.... Когда

решается серьёзный вопрос, особенно при рассмотрении вопроса о помиловании, то ваши характеристики читают большие начальники. Вы понимаете это? Вы должны хорошо это понимать. И естественно, когда видят что-то не очень хорошее, сразу смотрят на фамилию психолога, который её составлял. И соответственно, если видят хорошо составленную характеристику, то тоже обращают на фамилию психолога. Хочется же с хорошей стороны попасть в луч прожектора. Поэтому, коллеги, уважайте себя в своей профессии, и относитесь к составляемым вами документам более серьёзно. У человека, который читает эти документы должен сложиться цельный образ. Цельный. Видеть в психологическом портрете осужденного его цельный образ. СобираТЕЛЬНЫЙ, но цельный и логичный.

Давайте ещё рассмотрим краткие справки, которые пишем при этапировании осуждённых, при водворении в штрафные изоляторы и карцера. Я хочу привести один пример очень неплохого заключения. Оно краткое и информативное. В нём есть индивидуально-психологические особенности, есть ситуативный прогноз при заключении в запираемое помещение, прогноз поведения в стрессовой ситуации. Хорошее заключение. Но нужно бы добавить особенности личности и рекомендации для младших инспекторов. И тогда это будет не просто хорошее заключение, а отличное. Но, этот психолог, который написал это заключение – умничка. Он написал, что данного несовершеннолетнего заключённого нельзя этапировать с другими несовершеннолетними заключёнными и дал прогноз, что произойдет, если его рекомендацию не учтут. К ней, к сожалению, не прислушались и этот осуждённый совершил самоубийство. Но, к этому психологу претензий нет, он предупреждал об этом понятным, доступным языком. Все документы в порядке. Я вам оставлю её, потом посмотрите. Встречала заключения, в которых одной строчкой было написано:

психоэмоциональное состояние стабильное, в ШИЗО содержаться может. И таких заключений масса. Причём на осуждённых, которые состояли на различных видах профучёта. Это недопустимо. Теперь давайте поговорим вот на какую тему.... У нас с вами, иногда, бывают ситуации, когда нам ставят задачу посмотреть, что с осужденным происходит, поработать с ним, сделать прогноз его поведения, но, при всём при этом, его никто, никуда перемещать не собирается. В таком случае, мы с вами должны ответить на конкретно поставленный вопрос, на заданную нам задачу. Все наши обычные разборы по сферам его личности, в таком случае, будут просто не нужны. У нас, в этом случае, есть конкретный заказчик с конкретным вопросом, на который мы должны конкретно ответить. Я вам приготовила пример одного из таких заключений, на подозреваемого. Этот человек изнасиловал двенадцатилетнюю девочку, зверски над ней издевался и убил, в конце концов. Долго его не могли найти, но нашли. Ситуация была осложнена тем, что... каким бы он ни был, как бы к нему не относиться, но суициды и членовредительства чёрным пятном ложатся на любое учреждение. Когда этот подозреваемый переезжал к нам из ИВС, к нам поступила информация, что он там и вешался, и резался, и чего он там только не делал. Он использовал самые различные предметы для нанесения себе увечий и все для того, чтобы уехать на больничку. Нам всем было понятно, что ничем хорошим это не закончится и сопровождать его мы начали непосредственно в ИВС. Два раза выезжали туда, и сопровождали его оттуда, потому что судить труп было бы бессмысленно. Работа с ним была проведена серьёзная и сделан вывод о том, что нецелесообразно содержание этого подозреваемого в камере с другими подозреваемыми и осужденными, особенно с отрицательной направленностью, однако, в целях осуществления непрерывного контроля необходимо поместить его в камеру, оборудованную видеонаблюдением. Почему он себя так вёл? Понятно, что он боялся за

свою жизнь. Дилемма. И одного его сажать нельзя, но и посадить его в камеру, тем более, с лицами, которые имеют определённый авторитет, то его подвергнут физической расправе. Что ещё хочу сказать.... К психологической службе будут относиться с уважением, если будут видеть, что мы приносим пользу. Если просто будем с вами штамповать бумажки, то это будет не интересно никому».

ГЛАВА 20.

«Знаете, Александр, что зэки и женщины пользуются примерно одинаковыми способами манипуляции».

«Сергей Сергеич, при всём уважении, но мне это уже надоело...».

«Что именно?».

«Эти Ваши рассуждения о женщинах. Должен Вам сказать, что они довольно-таки странные».

«А это еще почему они странные? В моих рассуждениях тысячелетнее тайное знание».

«Вот это, например. Тысячелетнее тайное знание...».

«Да, именно так. Есть люди, которые по крупичкам собирают его, и сообщают своим последователям».

«Сергей Сергеич, я Вас хочу спросить прямо... Вы состоите в какой-то секте?».

«Какая еще секта!? Что Вы такое говорите!».

«Сергей Сергеич, члены сект не могут быть приняты на службу во ФСИН. И уж тем более, не имеют занимать руководящие должности, например, начальника психологической лаборатории. Будьте осторожны в своих высказываниях».

«Вы мне угрожаете!?».

«Нет».

«Не хотите слушать, как хотите. Я хотел...».

«Ну, хорошо. И чем же зэки схожи с женщинами?».

«Вот Вы, как всегда, перекручиваете... Не похожи на женщин, а пользуются одинаковыми способами манипуляции. Не знаю, стоит ли посвящать Вас во всё это...».

«Извините, Сергей Сергеич, я погорячился. Мне очень интересно»

«Ладно, так и быть... И эти прохиндеи, которые сидят здесь, и женщины всегда подыскивают чудаков, которые прямо созданы для того, чтобы к ним приделали верёвочки и дергали за них. Не когда это объяснили, у меня как будто пелена с глаз слетела.... Так вот, они ищут идиотов с низкой самооценкой и неуверенных в себе».

«Угу...».

«Вот Вы можете меня спросить, в чём выражается неуверенность в себе, а Вам отвечу, что выражается она повышенной эмоциональной чувствительности, внушаемости, в зависимости от чужого мнения и отсутствие своего мнения. Логично?».

«Логично. Конечно, неуверенным в себе человеком удобно манипулировать, но я не могу понять главного, почему Вы сравниваете женщин и зэков? Вы берете всех женщин и всех зэков и говорите, что они абсолютно похожи. Мне кажется, что это некорректно. Давайте возьмём для примера сотрудников этой колонии. Многие из сотрудников склонны манипулировать другими, но они, при этом, не являются ни женщинами, ни осуждёнными».

«Ну и что? Вы меня до конца не дослушали, а уже делаете выводы. Это неправильно. Вы меня до конца выслушайте, а потом уже делайте выводы. Вот Вы заметьте, что женщины всегда пытаются у мужчины

184

вызвать чувство вины и делают с ним, что хотят. Говорят ему, что он криворукий, что гвоздя в доме забить не может, что член маленький. Прививают мужикам чувство вины и вертят им, и вертят. А если мужик еще и “нет” сказать не может, ели любит эту дуру, то пиши пропало! А всё почему? Потому, что мама в детстве внушила, что мнение других, это важно. Мнение воспитательницы в детском саду, мнение учительницы в школе, мнение жены. А может быть нужно плюнуть на это всё? Как Вы думаете? Может быть нужно научиться самоуправляться, решать все вопросы самому, без чужого влияния».

«И как, по-Вашему, этого добиться?».

«Вот! Вот, наконец-то, Вы поняли, что этого нужно добиваться! Вы поняли, что мы, мужчины, сами несем ответственность за принятые нами решения и не обязаны ни с кем советоваться и ни перед кем не должны отчитываться! Сами! Понимаете!?! Конечно, эти манипуляторы в юбках сразу забегают, засуетятся! Конечно, если мужчина поймёт, что не нужно равняться на авторитеты и их мнение, то верёвочек, за которые можно дёргать, станет меньше, а это неудобно для манипуляторов в юбках».

«И зеков?».

«Да, да и зеков тоже. Важно понять, что мы не обязаны никому не давать никаких объяснений. Мужчина может вести себя так, как посчитает нужным, а бабам это невыгодно. А невыгодно, потому что как

принять нормальное решение, если внутри сидит чувство вины? Вот как? Правильно, никак.

«А зеки?».

«Что зеки?».

«Вы говорили, что способы манипулировать у зеков и женщин одинаковы».

«Ну, да.... Зеки и чувство вины.... Но они же всё время давят на жалость, мол менты прессуют, последнее здоровье отобрали, а вы нам не помогаете, не заботитесь о нас.... Но это в основном о женщинах. Они у мужчин чувство вины культивируют. Вот этот ещё момент, когда матери старших детей принуждают за младших отвечать. И так и идет по жизни дальше. Должен за младшего братика или сестричку отвечать, а то и не за одного, а за двух или трех, а свои интересы побоку. А может быть мальчику нужно с друзьями погулять!? Почему мальчик должен свои интересы приносить в жертву другим? Дальше-больше! Женился, сдохни, но выполни все приказы жены. Вот как хочешь, а что жена скажет, то и делай! А жизнь-то одна единственная, и другой не будет. Ему бы взгляды свои поменять, пообщаться с умным человеком, тренинги какие-нибудь полезные пройти, но нет!».

«Вы преувеличиваете. Это из-за Вашего неудачного семейного опыта».

«Внутри уже сидит программа, как настоящий мужчина должен себя вести, что он должен и чего не должен. Вот и ещё одна ниточка, за которую манипулятор может дёргать. Понимаете, какая тупиковая ситуация складывается? Он бы и хотел измениться, но не может, так как в нём живёт программа, а изменить её он не может, потому что боится совершить ошибку. Понимаете? А что плохого, если мужик попробует что-то сделать новое, пусть даже и ошибочное. Имеет право. Имеет

право попробовать что-то иное, что-то другое. Есть разные варианты общения с женщинами, почему бы не попробовать что-то другое...».

«Что Вы имеете ввиду?».

«Ну, как что? Можно стать рабом у женщины, а можно строить с ней равноправные отношения. Женщина, ведь, имеет право быть слабой, а почему мужчина не имеет права что-то не знать, или что-то не уметь? Почему, он должен всё знать, и всё уметь? Вот почему мужчина обязательно должен быть спортивным, подтянутым, а женщина имеет право ходить с обвисшими сиськами? Почему я должен брать на себя ответственность за всё на свете и всё знать и уметь. Вот почему? Ведь на всех не угодишь. Почему мне нужно кривляться, а быть самим собой я не могу!? Ну, вот слабый мужчина физически и что теперь делать ему!? Удавиться!? Вот возьмём, к примеру, меня...».

«Ага...».

«Это я так, для примера... Ну, не соображаю я в строительстве. Делали мне рабочие кафель на кухне... через некоторое время он начал отваливаться. Почему? А я не знаю. Ну, вот не знаю и всё тут! Знал бы, я как их проконтролировать, я бы это сделал, но я не знаю! И что мне теперь делать? Вот что делать? А я, может быть, в другом чём-то силён. В чём-то... Ещё есть такой момент... я должен угадать, чего она хочет. Мне больше делать нечего? Почему нельзя просто поговорить о своих потребностях и желаниях? Скажи ты мне прямо, чего тебе нужно, но нет, никогда не скажет, а будет обижаться, надувать губы, плакать, но прямо ничего не скажет, а я должен весь известись, поломать себе голову, нервничать. Нет, вот будет молчать, манипулировать, но прямо ничего не скажет. У Вас такое было? А у меня постоянно. Не знаю почему».

«А какие у Вас предположения, ну, так, на вскидку, почему Вам встречаются именно такие женщины?» - спросил Александр.

«Да речь не обо мне. Я себя привел только для примера, а так речь о манипуляции вообще. При чем здесь я?».

«Хорошо, речь не о Вас. Почему такие женщины встречаются на жизненном пути у... какого-нибудь мужчины?».

«Я думал об этом... и пришёл к выводу, что некоторым мужчинам нравится, когда ими манипулируют. Такими их воспитали. Живи и действуй в определенных рамках... в рамках матриархата. Всё вокруг женщины вертится, а она, как царица на троне сидит и дёргает за верёвочки. Или как жрица, танцует ритуальный танец, а все, кто смотрит на это, впадают в транс и уже ничего не соображают. Спасибо, что мне глаза открыли и я всё понял, а так бы я и дальше жил как слепой».

«А кто открыл?».

«Это не важно... важно, что я теперь смотрю на окружающий мир широко открытыми глазами, без розовых очков. А Вы всё ещё их не сняли».

«Ну, что поделаешь...».

«Посмотрите на Дашу...».

«На нашу Дашу?».

«Да, на нашу. Посмотрите, как она себя ведёт с сотрудниками. Она каждое утро проводит экспресс диагностику, но вопрос в том, как она её проводит. Постоит с ними, поболтает. Глазками своими постреляет, пококетничает и на этом всё. Я ей сколько раз говорил, чтобы она подошла к этому делу серьёзно, но нет. А что это за диагностика такая – постоять пококетничать? Тоже пытается манипулировать сотрудниками, а это не научный подход. Хорошо, что она, мягко говоря, не красавица, а иначе я даже боюсь представить, чем бы это кокетничанье закончилось. А у неё, между прочим, муж – сержант

Отдела охраны. Как Вы думаете, может быть она, таким образом, мужем манипулирует? А может быть она ему мстит таким образом? Это интересная мысль... Она строит глазки сотрудникам отдела охраны, те, намёками, сообщают об этом её мужу, а он каким-то образом реагирует на это. Может она таким образом набивает себе цену в глазах мужа? Вот, смотри какая я привлекательная, а ты меня не ценишь. Как думаете?».

«Сергей Сергеич, может быть не нужно так глубоко копать и всё гораздо проще».

«Это как?».

«Может быть Даша просто не умеет проводить экспресс-диагностику и её нужно обучить. И сразу всё наладится».

«Не нужно все упрощать, она мужем манипулирует, это точно. Я боюсь, чтобы чего-нибудь страшного не случилось. Муж-то её с автоматом служит. С автоматом и боевыми патронами. Перестреляет и Дашу и тех, кому она глазки строит, а нашу колонию в рейтинге понизят».

Александр рассмеялся.

«Что смешного Вы увидели в моих словах? Нужно не смеяться, а бить тревогу, посылать сигналы. В России уже был такой случай, когда муж жене пристрелил. Не слышали?».

«Слышал. И что Вы предлагаете?».

«Было бы идеально, если бы Даша уволилась. Сама уволилась. Мне о ней не хочется руки марать, вот если бы она сама».

«Я считаю Дашу хорошим сотрудником».

«Вы плохо её знаете. Это настоящая ведьма. Я Вам даю гарантию что, если она не уволится, случится беда. Я это сердцем чувствую».

Сердцем. Пусть придет другая женщина, пусть. Только бы не Даша. Я, когда её вижу, у меня такое чувство, что еще немного и нервы мои сдадут».

«В деле увольнения Даши на меня не рассчитывайте. Я Вам не помощник. Будет она дальше работать, или нет, это Вам решать, Вы начальник психологической лаборатории. Но помогать я Вам, в этом деле, не буду».

«Очень жаль. Мы могли бы разыграть всё как по нотам. Как хотите. Я Вам больше предлагать не буду».

ГЛАВА 21.

«Знаете, Александр, я вот что подумал. Не ведем мы с Вами просветительской и воспитательной работы с осужденными, не ведем. И вот что я решил! Вы сейчас пойдёте в ШИЗО и посмотрите, какие там книжки зэки читают. Вот. Посмотрите и мне доложите» - начал рабочее утро Сергей Сергеич.

«Что, прямо сейчас идти, что ли?» - спросил Александр.

«Конечно, а чего откладывать? Чем Вы сейчас занимаетесь?».

«Характеристику на УДО составляю. Со вчерашнего дня осталась».

«А что там у него... Какие там показатели в сексуальной сфере?».

«В сексуальной... сейчас посмотрю. Так... сексуальное недоразвитие, сексуальная скованность, подавленная сексуальность, сдерживаемая гомосексуальность».

«Я так и думал... - многозначительно произнёс Сергей Сергеич – Ну, идите».

Александр шёл по бетонной дорожке вдоль столовой, из открытых окон которой шел приятный запах приготовленной пищи. Вдоль дорожки были посажены розы. Летом они распускали красные, белые, желтые бутоны, а сейчас, зимой, из земли торчали шипованные стебли с налипшими на них хлопьями мокрого снега.

Подойдя к железной двери обрамлённой решёткой, он позвонил в электрический звонок три раза, два коротких и один длинный, с небольшими интервалами между звонками – это означало, что в ШИЗО пришёл кто-то из своих. Многообразные проверяющие этого условного сигнала не знали и звонили в дверь по-другому, дежурный по ШИЗО имел возможность быстро подготовиться к его посещению, спрятав что-нибудь из запрещенного.

Услышав условленный сигнал дежурный не торопясь подошёл к двери, пройдя по небольшому дворику, заросшему травой. Медленно, как бы нехотя, вставил ключ в замочную скважину, провернул его несколько раз, открыл дверь словно в замедленной съёмке.

«Что стряслось?» - недовольно спросил он у психолога.

«Ничего особенно, обычное посещение ШИЗО психологом».

«Забот других нет что ли...», - беззлобно пробурчал дежурный отступив в сторону, пропуская психолога.

Здание ШИЗО, по своей архитектуре отличавшееся от всех других строений колонии, глубоко вросло в землю. Маленькие, мутно-грязные зарешеченные окошки были стиснуты между землёй и железной крышей, окрашенной в зелёный цвет. В дополнение к ржавым решеткам и грязи окна были густо оплетены седой паутиной усеянной черными точками, останками мух и мошек. Стены мышиного цвета были острыми от капель штукатурки застывших параллельно земле в форме сталактитов.

С поверхности земли, вниз, ко входу в ШИЗО, вела узкая бетонная лестница разойтись на которой двум людям было бы невозможно. За железной дверью со смотровым окошком находился коридор в форме буквы “Т”. Очень короткая верхняя перемычка этой буквы, разделённая на два крохотных помещения, была обжита сотрудниками. В самой дальней от входа комнатке, на подобии нар расположенных друг над другом от бетонного пола до потолка хранились матрасы, одеяла и подушки, стоял небольшой стол, на котором лежал журнал посещений ШИЗО, перед столом стояла табуретка с прорезью посередине. Здесь проводили свои сутки дежурств сотрудники. Во втором помещении, более просторном, стоял железный, узкий ящик, в котором хранилась какая-то документация и книги.

Вдоль длинной, основной черточки буквы “Т” шли камеры, двери которых были расположены одна напротив другой. Камеры были на разное количество заключённых. Одноместные, люксовские, камеры чередовались с многоместными.

В ШИЗО и ПКТ, помещения камерного типа, сажают, как правило, зеков, активно участвующих в блатных делах, конфликтующих с другими осужденными или с представителями администрации, но, несмотря на это, младшие инспектора, дежурившие здесь, были одни и те же, и если бы им предложили сменить место дежурства, они были бы очень недовольны, несмотря на таких проблемных подопечных. Хотя, справедливости ради, нужно заметить, что к любому осуждённому можно придраться и посадить его в камеру. Например, не вышел на зарядку, вынес кусок хлеба из столовой, прошёл по лагерю без шапки, недостаточно вежливо общаешься с младшим инспектором, при обыске нашли заводской кипятильник, но обмотанный изолентой, надел майку с надписью или рисунком, и так далее и тому подобное.

К жизни в лагере потихоньку привыкаешь, притираешься к обстоятельствам и окружающим людям и постепенно учишься находить крошки свободы рассыпанные вокруг. Для блатных жизнь в колонии была почти свободной, нельзя было лишь выходить за забор, а все остальные радости жизни были к их услугам: наркотики, алкоголь, азартные игры, сексуальные утехы, пусть и в извращённой форме, деньги и, самое основное, власть над окружающими.

Попасть в ШИЗО, для большинства зэков ассоциировалось с повторным лишением свободы.

«Откройте эту камеру, пожалуйста», - попросил психолог младшего инспектора.

Залязгали внутренности замка, дверь открылась, хорошо смазанные петли не издали скрипа.

«Только во внутрь не заходите», - напомнил младший инспектор.

В камере сидели два осуждённых блаженного вида. На их худых бледных лицах проступал легкий румянец постников, живших в египетской пустыне в четвертом веке после Рождества Христова. Но, в отличие от пустынножителей, которые в свободное время плели циновки, они разгадывали кроссворд.

«Здравствуйте», - поздоровался психолог.

«Здравствуйте, здравствуйте, - отложив кроссворд в сторону, осужденные встали. Психолог, стоявший на пороге их временного дома, представлял собой развлечение.

«Как поживаете?» - спросил психолог.

«Это очень сложный, я бы сказал, философский вопрос... - с доброй улыбкой ответил один из осуждённых. – Вы знаете, что всё в этом мире относительно.... Относительно кого мне сравнить своё

нынешнее состояние, вот в чём вопрос? Если сравнивать с мертвецом, распадающимся в могиле на атомы, то не очень. Мертвец уже испил чашу земных страданий до дна и с чувством выполненного долга безболезненно разлагается. А если сравнивать с богачом, погрязшим в роскоши, то хорошо. Богачу кажется, что его высокое положение будет продолжаться вечно. Можно сказать, что он пребывает в состоянии самообмана. Я, в отличие от него, знаю, что моё нынешнее состояние скоро закончится. В этом моё преимущество перед ним. Я трезв во всех смыслах этого слова, я не употребляю, пускай и временно, спиртного и я осознаю своё положение в этом мире».

В ШИЗО/ПКТ время не останавливается, но сильно замедляет свой ход, и младший инспектор слушал рассуждения осуждённого не перебивая, хотя и без интереса.

«Вечером засыпаете быстро? Кошмары по ночам не тревожат? Суицидальные мысли может быть?».

«Нет, гражданин психолог, ничего из перечисленного у меня нет, все хорошо».

«Рад за вас. До свидания».

Металлическая дверь закрылась.

«Какую камеру ещё открыть?» - спросил у психолога младший инспектор.

«А в какой сидит Ивановский Владимир Вадимович?».

«Миллионер? Прямо по коридору. Пойдёмте?».

«Как сидит?» - спросил психолог.

«Обещает ремонт в нашем подвальчике сделать. Четыреста тысяч хапнуть! Но, мне кажется, что свистит.... Вот стены бы покрасить и потолок, и кафель положить в проходняке... Как думаете?».

Будучи завхозом в шестом отряде Владимир Вадимович придумал собрать с осужденных деньги на покупку условно-досрочного освобождения, которое может состояться в ближайшее время. Зеки из его отряда звонили родным и очень убедительно описывали им перспективу скорой встречи, за которую нужно заплатить. Желавших ускорить свидание со своими сыновьями, братьями, дядями, племянниками и мужьями оказалось так много, что на банковском счету Владимира Вадимовича скопилось четыреста тысяч рублей. Каждый вечер, вокруг Владимира Вадимовича собиралась толпа зеков, которым он многословно и очень убедительно описывал этапы их выхода на УДО. Спустя некоторое время осуждённым начало казаться, что Владимир Вадимович “прогнал фуфло”. В его адрес начали звучать упрёки и обвинения, и уже отчётливо ощущалось, что Владимира Вадимовича в скором времени могут лишиться вначале девственности, а затем и жизни. Но, Владимир Вадимович не растерялся и элегантно вышел из сложившейся ситуации – нанёс себе на обеих руках большое количество достаточно глубоких порезов и в таком виде, оставляя кровавый след, устремился на поиски первого попавшегося сотрудника администрации. Найдя такового, он с закрытыми глазами рухнул на землю. Естественно, его доставили в лагерную больницу и спасли. Пока руководство колонии мучительно искало выход из сложившейся ситуации, Владимира Вадимовича спрятали в одноместной камере подальше от ценителей противоестественной любви.

«Извините, - сказал психологу младший инспектор, когда они подходили к камере Ивановского, - но открыть Вам дверь я не могу, приказ начальства. Сможете поговорить с ним через кормушку».

Лязгнув засовом, младший инспектор открыл окошко для выдачи пищи. Заглянув внутрь камеры, психолог увидел рослого человека спортивного телосложения, стоявшего лицом к двери.

«Как у Вас дела, господин Ивановский?» - спросил психолог.

«Всё отлично!» - бодро ответил Владимир Вадимович и его глаза светились уверенностью в себе.

«Хочу предложить Вам пройти небольшой тест, всего пятьдесят семь вопросов. Тест маленький. Если согласны, я могу оставить маленький карандаш, лист с вопросами и бланк ответов. Вот здесь нужно будет поставить дату, а здесь...»

«Ничего я писать не буду, - перебил психолога Владимир Вадимович. – У меня со зрением не очень».

«Я могу прочитать вопросы в слух, а Вы, если хотите, ответьте. Как Вам такой вариант?».

«Ну... - с сомнением произнёс Ивановский. – Ну, давайте. Что там нужно?».

«Если Вы согласны с утверждением, то говорите – да, а если нет – то нет. Всё просто. Ну так как?».

«Ладно, все равно делать нечего», - согласился Владимир Вадимович.

«Первое утверждение звучит так, - начал психолог. - Думаю, что большинство моих знакомых относится ко мне с симпатией. Что думаете по этому поводу?».

«А почему нет? Если человек порядочный, то как иначе?».

«То есть да?» - спросил психолог.

«Ну, а как еще?».

«Следующее, - продолжил психолог. - Мои слова не так уж часто расходятся с делом».

«Здесь, на Зоне, по-другому и быть не может», - Ивановского исподлобья смотрел на психолога.

«Ставлю плюс. Следующее утверждение: думаю, что многие видят во мне что-то сходное с собой».

«А мы, гражданин начальник, здесь все одинаковые! Все, под лысого ёжика подстрижены! Вы думаете, что в Зоне есть... - Ивановский осёкся. – Ставьте плюс, - сказал он после недолгого молчания».

«Ставлю. Когда я пытаюсь себя оценить, я прежде всего вижу свои недостатки».

«Ну а какие у меня недостатки? Вот Вы психолог, Вы же должны людей насквозь видеть, ну вот и скажите, какие у меня могут быть недостатки?».

«Людей на сквозь не вижу, а о Ваших недостатках можете рассказать только Вы сами. У каждого человека есть... есть, скрытый от окружающих, внутренний мир, мир души. Увидеть его, в принципе, можно, например, по поступкам».

«Следующий вопрос!».

«Думаю, что как личность я вполне могу быть притягательным для других».

«Есть у меня такой момент. Я еще в школе “фраеров” на булочки разводил. Животный магнетизм!».

«Понятно. Когда я вижу себя глазами любящего меня человека, меня неприятно поражает то, насколько мой образ далек от действительности».

«Вот сейчас не понял».

«Вот Вы можете представить... эээ... как любящий Вас человек смотрит на Вас влюблёнными глазами... и Вы, для этого человека... И этот человек не видит у Вас никаких недостатков, но сами-то Вы видите их у себя и Вам от этого... и у Вас чувство дискомфорта, в связи с этим».

«Никогда об этом не думал».

«Вы кого-нибудь любите?»

«Дочку».

«Как Вы думаете, что бы почувствовала Ваша дочка, если бы на неё, вдруг... свалилась бы вся правда о Вас, если бы она увидела Вас... во всей красе? Можете себе это представить?».

«Всё, психолог, хватит. Сеанс окончен».

«Ещё кого-нибудь смотреть будем?» - спросил младший инспектор у психолога, закрывая кормушку.

«Можно мне посмотреть книги, которые зеки читают?».

«Зачем?».

«Очень надо».

«Ну, пойдём посмотрим...».

Вернувшись в кабинет, Александр застал Сергея Сергеича за странным занятием. Стоя спиной к входной двери он пытался спрятать под одеждой большую деревянную рамку. Засунув, примерно на треть, один край рамки в штаны, оставшуюся часть он пытался прикрыть свитером, стоя посреди кабинета и оглядывая себя, пытаясь понять насколько сильно края рамки выпирают под одеждой. Услышав резко открывшуюся дверь за своей спиной, он вздрогнул, но увидев Александра, с облегчением вздохнул.

«Ну что, Александр, что там в ШИЗО разузнали?».

Александр боком прошёл мимо своего начальника за свое рабочее место, стараясь не показывать своего удивления.

«Как там в ШИЗО с книгами? Что зеки читают?» - спросил прямоугольный Сергей Сергеич по-прежнему стоя посреди кабинета.

«Как обычно, всякую шелуху».

«Это нужно менять! Мы не занимаемся их перевоспитанием, а только кормим их, одеваем и держим некоторое время вдали от приличного общества. Я вот что подумал, Вы возьмёте нашего дневального, пойдете в библиотеку и разыщите там все книги о партизанах, какие только там есть. Пусть библиотекарь их перепишет, а Вы с дневальным отнесёте их в ШИЗО, а ту макулатуру, которую они там читают, отнесёте обратно в библиотеку».

«Сергей Сергеич, а что вот это вот означает?».

«А что, заметно? - Сергей Сергеич прошёлся по кабинету туда-сюда. – Сильно видно?».

«Заметно».

«А под бушлатом? Я бушлат надену и застегну все пуговицы».

«Попробуйте спрятать её не спереди, а сзади, на спине. Вам будет удобнее передвигаться. А вообще-то зачем всё это?».

«Ну, как зачем? Видите ли, Александр... грех не воспользоваться преимуществами своего положения. В эту рамку я хочу вставить фотография дорогого мне человека, можно сказать, моего учителя. Фотография большая, и на Воле, такая рамку будет стоить тысячи две рублей, а то и три. А может и больше.... Это же не какая-нибудь

“фуфлыжная” сосна, а настоящий дуб. А здесь я заплатил за неё блок фильтрованных сигарет. Разница Вам заметна?».

«И как Вы прошли отдел безопасности?».

«Легко и просто. Они же внутри зоны и следят за зэками, а мне-то что? Прошёл. Передвигаться с ней под одеждой и впрямь тяжело... Но как пройти через отдел охраны, за забор? Мне её непременно нужно вынести сегодня».

«Сергей Сергеич, объясните мне такой момент... зачем Вам рисковать своей карьерой ради этой деревяшки? Вы – майор и начальник психологической лаборатории... зачем Вам это? Я не понимаю».

«В этом есть что-то мужское, настоящее... Сходите в библиотеку с нашим дневальным, пока рабочий день не закончился».

«Чё там в библиотеке?» - спросил Стас у Александра, когда они вышли из соц. отдела.

«У Сергея Сергеича новая затея. Хочет из зеков сделать партизан».

«Зачем? Хочет устроить теракты в РФ? За это “ПЖ”, зеки не согласятся. Не вижу никакого смысла читать книжки».

«Про партизан?».

«Нет, не только. Вообще. Разве в книжках жизнь... Вот она жизнь, вокруг нас. Надо выпитывать её из воздуха, а не из книжек».

«Спорное утверждение».

«Да чего там спорное! Ничего не спорное».

«Стас, можно у Вас поинтересоваться по поводу Вашего прошлого».

«Можно. А что конкретно?».

«Вы же употребляли наркотики и до того, как стали казначеем. И блатные об этом знали».

«Знали конечно. А как такой факт скроешь?».

«А почему же они поставили Вас над “общаком”? Без обид, но наркоману доверять деньги нельзя. Или я не прав?».

«Так-то оно так... Дело такого рода, что я работал на одного человека. Мы с ним по всей Украине гастролировали. Весь в золоте, одет с иголки, холёный такой, с хорошими манерами. А работали как, заходили в офис, в один кабинет заглянем, там люди, спросим что-нибудь, потом в другой, а там нет никого, мы подгребаем всё, что лежит: ноутбуки, телефоны. В самый плохой день по три, четыре ноутбука. Сдавали их одному “барыге”. Я у него на подхвате был, за рулём или голову отбить кому-нибудь. А потом его приняли, а я отскочил. Не “сдал” он меня. А связь мы не потеряли. Он мне звонил и говорил, съездить там куда-нибудь, деньги взять, такую-то сумму, отвезти туда-то, купить, организовать переброс. Раз в месяц я ему стакан “плана” перекидывал. А потом и меня приняли. Встретил он меня на проходной, с бутылкой водки. Водка в стекле. “Менты” ходят, мы водку пьём из кружек, прошлое вспоминаем. Были времена при Украине... Дело такого рода, что он меня к себе подтянул. Он здесь “общак” “держал” на самом игровом отряде. Мы с ним в одной секции жили. Он “хозяину” каждый месяц два блока “Мальборо” “подгонял”, и Ерзаку тоже».

«А нынешний начальник Отдела безопасности и тогда им был?».

«Да. Они тут все с лихих украинских времён. Поэтому, когда обыск делали, у него ничего не отбирали. Он просто стакан “плана” и телефон по своим карманам распихивал и всё. А под кроватью у него всегда чан с брагой стоял. Ему “семёрку” дали, а он четыре отсидел. А однажды, я помню, ещё на воле, мы с ним всю ночь паки с сигаретами

таскали с одного склада здесь, не далеко. Потом, по всему Крыму, по торговым точкам раскидали по дешёвке. Обхохочешься. Хорошо “наварились”. Он своей женщине торговую точку на железнодорожном вокзале купил, по ключ. Красивая женщина была... Потом, дело такого рода, потом меня “приняли”, он меня к себе “подтянул”... Короче, ему скоро было освобождаться, и общество стало думать, кого на “карточку” вместо него поставить. Он предложил меня, на том и порешили. Я не мог отказаться, не мог пойти против общего решения».

«Но Вы же употребляли наркотики, как же они...».

«Так все наркоманы! Все употребляли. Вам, наверное, интересно как я “слетел” со своей должности. А очень просто. В “общак” все блатные ныряли, отщипывали потихоньку. Я, по началу, возмутился, но мне сказали, чтоб я помалкивал. А потом ревизию устроили».

«Дальше я знаю. Нужно будет Шолохова вызвать опять.».

«Маньяка? Неприятный он тип».

«Чем он неприятен?».

«Так делами своими и неприятен. А у меня вчера был праздник».

«Какой?».

«Хороший день. Я и выпил вчера тихо-тихо, и закусил».

«А что пили? Спирт?».

«Не. Брагу. Со спиртом уже год туго, а в первом отряде и подавно».

«Ну да, вы же образцово-показательные».

«Кум сказал, что, если кого поймают, за Можай загонит. Ходили там, некоторые, на отряде... приняхивались. А я вечера дождался и грамм триста залпом окунул. Благодать».

«Всё-таки красивый язык у зеков... окунул. Выпуклый, объёмный».

«Я Вам, Александр, так скажу, нормальный человек на фене говорить не будет. Есть, конечно, зеки, которых сразу и не поймёшь, что они говорят. Феня такая... отборная, вперемешку с матом. Нормальные авторитеты запугивают своим видом. Они внятно доносят свою правоту не повышая голоса и без фени заставляют сделать то, что им надо. Взглядом доносят свою правоту. И никакого “шухера-мухера”. А в этой зоне блатных нет. Это просто люди, которые называют себя блатными. Кто их “трееет”, кто их знает? Они же внутри зоны мужиков “щиплют” по мелочи, этим и живут. Рвут эту несчастную кухню.... Был тут один нормальный человек, Гога. Он сейчас “коронованный”. Всегда с иголки одет, курил дорогие сигареты. Вёл себя по справедливости. Слово его законом было! Он говорил, что, если кого-то из блатных застанет “тянущим” из столовки, там его и порешит. А сейчас терзают эту несчастную столовую... то яйца им давай, то курицу. Разве это блатные?».

«Скажите, Стас, с чем связан усиленный режим на праздники? Зеки особо склонны к побегу в праздничные дни?».

«При чем тут побег? С перебросами борются. Они всех, кто бросает, уже в лицо знают. На четвёртом отряде одного татарина каждый день попрекают. Он договорился о перебросе со своим сыном. Тот, в смысле, сын, с криминальными делами вообще связан не был, а щас срок получит немалый за переброс большой партии конопли. На ровном месте споткнулся. При Украине как было, у всех были мобилы. У меня на кармане открыто лежала. Но номера были только крымской братвы и с Украины. А сейчас появились номера братвы из России».

«Откуда?».

«С этапами передают. Мужики стали жаловаться, что местные блатные ввели запрет на запрет, мужиков притесняют, с администрацией почти в открытую сотрудничают. Блатные подключили своих шестёрок и, если узнают, что кто-то из мужиков в Россию звонил, приходят и бьют. Администрации выгодно, чтоб на зоне тишина стояла. Чего администрация больше всего боится? Больше всего администрация боится, что зеки начнут писать жалобы по режиму содержания, начнутся проверки, кого-нибудь из администрации посадят. Вот местные блатные и следят за тем, чтоб всё было тихо и информация наружу не просачивалась».

«Горский на Вас, Стас, обижается. Вы с ним дерзко разговариваете».

«Ну его на хрен. Вот, недавно, ходил я на шестой отряд с горскими бумажками, а мне там говорят, что эти бумажки на хер никому не нужны. Горский вообще не пользуется авторитетом».

«Так целый же майор...».

«Ну и что, что майор? Клали на него все».

ГЛАВА 22.

«Доброе утро!», – поздоровался Александр с тремя сотрудниками отдела безопасности, стоявшими во дворе “промки”.

«Доброе», – шесть пар заспанных, покрасневших глаз тупо смотрели на психолога.

«Как спалось?» – поинтересовался психолог, в который раз поймав себя на мысли, что сотрудники отдела безопасности похожи на служебных собак, о которых точно знаешь, что они дрессированные и вроде бы не укусят без команды, но сомнение в этом остается.

«Хреново спалось, психолог! Всю ночь голая баба снилась. К чему бы это? Может я больной, а, психолог?» – спросил один из них.

«Когда голая женщина снится, это очень плохо».

«Почему?».

«Она должна рядом лежать, а не сниться», – ответил Александр и пошел было в соц. отдел, но услышав за своей спиной: «Видишь, Витек, он намекает, что ты пидор», - остановился.

«И не стыдно Вам, психолог, порядочных людей такими словами обзывать? - продолжали развлекаться сотрудники. – Вы знаете, что это прямая провокация? Вы что, меня провоцируете? Вы знаете, что это оскорбление можно смыть только кровью?».

«Во-первых, я бы никогда не посмел обозвать вас словом - пидор. Я бы сказал – гомосексуалист. Во-вторых, да, я Вас провоцирую».

«Ладно, ладно. Пошутили и хватит».

В “локалках” курили немногочисленные зеки, как казалось, не проявляя особого интереса к окружающему миру.

Без стука в кабинет вошёл дневальный.

«Здравствуйте, Александр!».

«Здравствуйте, Стас, - встав из-за стола психолог подошел к дневальному. – Подставляйте ладони».

«О! – довольно улыбаясь воскликнул дневальный, глядя на горсть шоколадных конфет и зажигалку лежащие в его ладонях. – Я уже привык к Вашим конфеткам. Я уже в системе. Клёвая зажигалка! Спасибо!».

«Она не дорогая... - сказал Александр, глядя на слегка помрачневшее лицо дневального. – Нужно разнести “квиточки”. Сегодня с суицидниками заканчиваем».

«Так, кто там у нас? Какие отряды? Ага... этот не придет... Какой-то “кипиш” сегодня в зоне. То ли начальство, то ли хрен знает что». - Дневальный просматривал “квиточки” шевеля губами и мельком посматривая в окно.

На зональной Центральной площади было слишком многолюдно для конца недели. Черные робы были щедро разбавлены сине-белыми бушлатами.

«Может, хотя отряды раскидать...», - строил догадки дневальный.

Одни младшие инспектора выходили зэков из «локалок» со “скатками” в руках, другие сопровождали идущих строем сидельцев, и всем процессом руководило высокое тюремное начальство в лице первого зама и “кума”.

«Не было у меня причин не доверять Вашей догадке, Александр. В натуре гайки закручивают. О! Смотрите! Вон, эти... монтеры, походу, электро-замки вкручивают. Еще камеры поставят и пиздец коррупции...».

Встав из-за стола, психолог подошел к окну.

«Что за электро-замки?» – спросил он у дневального.

«Все, это пиздец! Без “квиточка” уже не выйдешь. Будут “локалки” с центрального пульта открывать будут, и лицо засветят на камеру. Теперь и блатные не выйдут. Вот бляди российские!».

«А что Вы против России имеете?».

«Да как что... Вот переходили мы на Россию. Нас кормили как кабанов на убой. Мяса такие... жирные куски. Сало... - дневальный сморщил свое лицо, пытаясь с помощью мимики передать степень жирности кусков сала и мяса, - тоже жирное такое... с прослойками

мяса. Салатики-малатики овощные. Главное, где они свежие овощи взяли весной!? Они ж дорогие весной!? И яйца были и курятина. Мы, короче, жрать не успевали! Пропадало половина. Представляете, чтоб на Зоне не все съедали! И, короче, нам говорят сотрудники: «Ребята, главное – спокойствие! Все будет хорошо. Вы же при Украине сидели, а при России – первый раз. Вам все “скостят”, все простят, будет у вас у всех по одной судимости!». Кинули нас, короче. Прошёл месячишко и пересох ручеек, “хавка” оставаться перестала, все уже всё доедают. И ходки прошлые никто не отменяет. Не надо было обещать, раз не собирались делать!».

«На воле обещали простить кредиты тем, кто их брал при Украине, но... выплачивают теперь российским банкам. Государство всегда играет в свои игры. В прочем, на Украине сейчас еще хуже».

«Мы тут сидели в то время, когда все это мутилось и думали, шо там происходит? Такая ж республика была... Украина, – дневальный развел руки на ширину плеч. – Россия тоже большая, но мы ж при ней не жили... Говорят, на воле там сейчас вообще жопа! Правда!?».

«По-моему, нет. Жить стало лучше. Это хорошо, что над местными крымскими властями нависает Москва. Иначе мы бы превратились в беспредельное болото».

«Да, похоже отряды перекидывают. Как Вы говорите, беспредельное болото? Это от слова – беспредел? Это как понять?».

«А вы не знаете, что такое “беспредел”?» - удивился Александр.

«Я-то знаю, а вот Вы неправильно рассуждаете. То, что вам, обычным людям кажется беспределом, для нас, криминала, это... - Стас не мог подобрать подходящего слова и подстёгивая мысль щёлкал пальцами, - это, как вода для рыбы. Ну, вот что Вы имеете ввиду?».

«Коррупция, например».

«Ну, я ж говорю! А для нас без взяточников нельзя. Хо́да не будет, машина начнёт буксовать».

«Вы же говорили, что завяжете?».

«Кто? В смысле, да. Завяжу. Уже завязал. С наркотиками всё. Покончено».

«А с кражами?».

«И с ними. Так я пойду?»

«Идите. Вы не знаете, что там строят?».

«Где?».

«На территории зоны, ближе к штабу. Нагнали технику, что-то разбирают, ломают. Машины мусор вывозят».

«Слухи разные ходят. – Заговорщицки прошептал дневальный. – Говорят, что это – тюрьма ФСБ...».

«Да ладно...».

«Век воли не видать. Они своих в СИЗО держат, а там, сами понимаете, чёрный ход налажен. Хотят, видимо, чтобы сидели по-настоящему».

Психолог пожал плечами.

«Ладно, пойду я, – Стас встал со стула. – Кстати, Вас просил зайти художник».

«Хорошо, зайду».

Небо затянуло тучами, сверкнула молния, редкое явление зимой, слышались раскаты грома. Забарабанил дождь. Постояв на крыльце пару минут, Стас поднял воротник и с видом бойца, перелезающего

через канат на ринг, вошел в пелену дождя, шлепая черными казенными сандалиями по лужам.

Поспешно, после короткого стука, в кабинет вошел Жулько, стянув с головы шапку.

«Гражданин начальник, кабинет сегодня мыть будем?» – спросил Жулько, просительно заглядывая в глаза психологу.

«Будем. Подождите, Жулько... - сказал психолог, никуда не собиравшемуся уходить зэку, и полез в свою сумку, стоявшую на полу. – Вот Вам два коробка спичек. Пойдет?»

«А...» - начал было Жулько.

«А зажигалки пока нет. Зажигалки запрещены».

«А шо там запретного? Это ж не мина, она не взорвётся... Гражданин начальник, а конфет с шоколадом больше нету? – Жулько продолжал допрос, преданно глядя в глаза. – Ваш паучок плетеный скоро будет... Я, это самое, уберу кабинет сегодня обязательно...».

«Нет, Жулько, конфет нету. Подождите... Какой ещё паучок?».

«А шо, я Вам не говорил? – Удивился Жулько. – Очень гарный паучок из проволоки, гибкой. Ребёночку своему отнесёте, подарок такой».

«Спасибо, ничего не нужно. Зажигалку я Вам потом принесу. А паучка не нужно».

«А дезик можете принести? Дезик в зону заносить можно».

«Какой ещё дезик? Это что такое?».

«Ну, дезик... Брызгаться для запаха. Принесёте, гражданин начальник?».

«Жулько, Вы меня пугаете... Зачем Вам дезик?».

«Шо б пахнуть хорошо, гражданин начальник».

«На что Вы хотите его поменять?».

«С Вами поменяться, гражданин начальник? На паучка».

«Да не со мной! Здесь, в зоне, на что Вы хотите его обменять?».

«На шо... На общую тетрадку!».

«Я же вам уже приносил общую тетрадку, на девяносто шесть листов!».

«Она уже кончилась, гражданин начальник...».

«Тьфу...». - В сердцах сплюнул Александр.

«Всё, гражданин начальник... всё. - Жулько попятился и, задом открыв дверь, вышел в коридор. – Спасибо!» – дверь закрылась.

Достав из небольшой чёрной сумки металлический китайский термос с чаем и пару бутербродов, Александр посмотрел в окно, никто ли не торопится в соц. отдел, и открутив крышку термоса налил в него чай, развернул бутерброды и уже приготовился перекусить, как в кабинет ворвался Горский. Не вошёл, а именно ворвался, сметя листы с железного ящика стоящего у входа.

«Нам нужно серьёзно поговорить! – сказал Горский таким тоном, словно дальше последуют вызов к барьеру, секунданты, стрельба из дульных пистолетов. – Как Вы всё это объясните!?».

Горский бросил на стол перед Александром список с фамилиями сотрудников и какими-то пометками около некоторых фамилий сделанными красной пастой.

«Как Вы это объясните!? Вы помните, я поручал Вам подготовить список сотрудников, ещё не прошедших допуск к оружию!?».

«Помню».

«Где Вы взяли этот список!?» - ехидно улыбаясь спросил Сергей Сергеич.

«В отделе кадров, у Пети».

«У Пети!? Судя по этим пометкам Вы до Пети не дошли! Эти пометки красной ручкой сделал замполит. Присмотритесь и Вы увидите: уволен, пенсия, декрет».

«Этот список мне дал Петя».

«Это ложь!» - вдохновенно выпалил Горский. Каждый раз, после разговора с высоким начальством, Сергей Сергеич чувствовал себя причастившимся божественной сущности руководителя, а самого себя – полубогом. В такие минуты лицо его расслаблялось, движения становились быстрыми, но плавными и он чувствовал себя способным на чуть меньше, чем всё.

«Я ходил к Пете и взял этот список! И...», - начал горячиться Александр.

«Не надо... - Горский сделал кистью круговое движение, словно отгонял надоедливую муху. – Не надо ничего говорить. Всё и так понятно».

«Давайте пойдём в штаб и всё выясним!».

«У меня есть дела поинтереснее. Вам, Александр, нужно перестраиваться, переходить на новый уровень. Вам нужно стать нормальным человеком», - Сергей Сергеич с презрением посмотрел на гражданскую одежду Александра.

«Так я же ходил к Пете! Он дал мне этот список. Где я ещё должен был узнать кроме как в отделе кадров!?».

«Ну, я же узнал, а вот Вы не смогли. Не нужно Вам идти по Дашиному пути. Она уже несколько лет работает в нашей лаборатории и всё так же осталась никем. Между прочим, она на завтра взяла отгул, а Вы должны будете поработать в штабе. Вот что я нашёл в её компьютере относительно Вашего друга Пети из отдела кадров. Поговорите с ним. Всё, я ушёл. Если будет что-то срочное, звоните».

Горский достал из черной папки лист и положил его на свой стол и вышел из кабинета.

«Сволочь...», - пробормотал Александр, потянулся за листом оставленным Горским и достав его прочел печатный текст. Это был результат психодиагностики Петра Турова, работающего в отделе кадров. Пропустил заглавие с фамилией, должностью, и прочей вводной информацией он приступил к выводам.

«“Очень высокий уровень реактивной тревожности.

Очевидно, что испытуемый ощущает сильное беспокойство, которое усиливается реальным положением дел. Ему приходится прикладывать немалые усилия для того, чтобы не потерять контроль над собой. Тоскливое, унылое настроение сочетается у него с беспорядочной активностью, невозможностью принятия самостоятельных решений, ощущением безысходности ситуации, идеями самообвинения.

Данный уровень тревожности может вызывать нарушения внимания, тонкой координации.

В сочетании с очень высоким уровнем личностной тревожности возможны попытки суицида.

Внимание! Обязательно психотерапевтическое вмешательство.

Средний (выше среднего) уровень личностной тревожности.

Средняя степень уравновешенности, уверенности в своих силах. Иногда проявляется обеспокоенность и тревожность, но в разумных пределах, не снижающих общий уровень работоспособности и приспособленности. Возможно восприятие некоторых ситуаций как угрожающих своей самооценке, престижу, самоуважению или жизнедеятельности. Склонен реагировать на такие ситуации состоянием тревоги. Характерна чувствительность в отношении тех негативных событий или неудач, которые предположительно могут случиться или произойти. В сложных ситуациях может испытывать сложности с принятием решения. Невротическая тревога – формируется на основе внутренних противоречий в развитии и строении психики – например, от завышенного уровня притязаний, недостаточной нравственной обоснованности мотивов и пр.; она может привести к неадекватному убеждению о существовании угрозы со стороны других людей, собственного тела, результатов собственных действий и пр.»».

ГЛАВА 23.

«Петя, нужно поговорить», - сказал Александр войдя в отдел кадров.

«Некогда мне, некогда. Позже зайди», - обложившись бумажными папками с документами, так что выглядывала лишь его голова, Петя страдальчески посмотрел на психолога.

«Это срочно. В твоих же интересах», - настаивал психолог.

«Ну что там случилось!?!».

«Давай в кабинете поговорим».

«Здесь?».

«Нет в психологическом».

«Саня, мы тут закапались, как барбадосские хомяки, некогда пообедать. Что тебе надо?».

«Это тебе надо. Даша с тобой недавно проводила тестирование, очевидно, к допуску на оружие».

«Ну, было».

Они вошли в кабинет.

«У тебя результаты хреновые. Результаты будут распечатаны и приложены в твоё личное дело».

«Да ты что!».

«А ты как думал».

«Давай по новой пройду, а те в корзину. А!».

«Сначала нужно поговорить».

«Давай поговорим. А Даша где?».

«Отгул взяла».

«Слушай, давай я с Дашей поговорю. А?».

«Почему со мной поговорить не хочешь?».

«Да, не знаю... С Дашей мне проще, вроде как. А?».

«Даша будет завтра, а я сегодня. Вопрос нужно закрыть сейчас. Ты, часом, не специально ли тест не прошёл? Так бывает».

«Даша сказала отвечать искренне, как есть. Я и ответил».

«Присаживайся, где тебе удобно. Ты в полной семье воспитывался?».

«Нет. С мамой».

«Что случилось с отцом?».

«С отцом? Не знаю, что с ним случилось, но с нами он не жил».

«Общался с ним?».

«Нет. После того, как он поступил с мамой, мне с ним было не по пути. Знаю, что он женился ещё раз. Вроде как у него есть ещё дети».

«А ты откуда знаешь?».

«Слухи».

«И как он с мамой поступил?».

«Я не хочу говорить на эту тему».

«Хорошо. Как у тебя со сном? Аппетит хороший? Бывают нервные тики?».

«Нет».

«Что нет?».

«Аппетит хороший, сон хороший, тиков нет».

«Значит всё у тебя хорошо?».

«А что в этом странного? Да, у меня всё хорошо. Я не понимаю, что ты от меня добиваешься? Чтобы я сам против себя наговорил? Всё что я скажу, будет использовано против меня».

«Людам, у которых всё хорошо, не место в этих грешных стенах. Такие счастливчики как ты, компрометируют таких как мы, людей с искорёженной психикой. Буду писать рапорт, с просьбой перевести тебя в Москву, в главный штаб ФСИН, подальше от нас».

«Ага. Я понял. Меняю тактику. Что конкретно тебе нужно?».

«Что бы ты максимально открыто отвечал на вопросы».

«Спасибо за совет. С Дашей я это уже проходил, и что из этого получилось?».

«Ты, когда просыпаешься утром, какое у тебя настроение?».

«Не знаю, как сформулировать... Обычное настроение».

«На работу хочется идти?».

«На службу» - поправил Петя.

«Ну... да. На службу».

«Когда как. Не знаю с чем это связано. Может быть с магнитными бурями или со вспышками на солнце. Или еще с чем. Иногда хочется, а иногда не хочется. Я не знаю, чем это можно объяснить».

«Опиши своё состояние, когда у тебя плохое настроение утром. Что ты чувствуешь».

Петя задумался. Казалось, что внутри себя, он, тяжким напряжением воли, перекачивает большой свинцовый шар.

«Ну... - он почесал переносицу, - как тебе объяснить... У тебя, никогда не было плохого настроения? Чё ты странные вопросы задаёшь».

«Бывает, иногда, плохое настроение, но это я. А мне интересно, что чувствуешь ты. Опиши».

«Кисло всё... Тело болит, а внутри кисло. Ноги еле передвигаются. На жену злиться начинаю, на ребёнка. Лицо, как-то, всё стягивает. Не хочется улыбаться. Не умею я описать».

«А, в этот день плохого утреннего настроения, как ты себя чувствуешь, когда возвращаешься домой».

«Лучше. Ты же знаешь, как оно бывает. Дорога домой в два раза короче. Ноги сами домой несут. Как камень с плеч. Еду в маршрутке и петь хочется. Понимаешь? Домой приеду, а там жена уже что-то вкусненькое приготовила. Благодать», - Петя заметно оживился.

«А в течении этого дня?».

«Кисло всё. Кисло».

«Чем приходится заниматься в этот день?».

«Это хуже всего. Какого хрена меня заставляют идти дежурить в зону? Зачем мне это нужно!? Я не обязан. Я штабной сотрудник, я кадровик. Ты знаешь, какая это ответственность, работать с документами. Не дай бог, я не там впишу, что-нибудь не то. Ты представляешь, что это значит!? Работать с документами... это учиться нужно. Я курсы специальные заканчивал. За свой счёт, между прочим! И меня в Зону! Слушай, людей не хватает, так они меня, как затычку к каждой бочке. Они что, не понимают!? У нас в кабинете четыре человека, вместе со мной, у нас работы, края географии не видно. А меня вырывают и в Зону, ходить с резиновой дубинкой и зекам калитки открывать. Делать мне больше нечего!».

«Припомнить сможешь, когда ты на вопросы теста отвечал, у тебя было дежурство в зоне?».

«А когда это было?».

«Вспоминай».

Петя достал телефон и начал в нем копошиться.

«Так... по календарю... неделю назад. Точно, неделю. Дёрнули меня в Зону, а Горский, ваш, бумажки с вопросами принёс и сказал, что срочно заполнять. Выкроил я пол часа. Дождик, помню, накрапывал».

«В общем и целом, настроение у тебя было, в то время, не очень».

«Было, было. Чё скрывать».

«Дома, как? Всё в порядке?».

«С женой что ли?».

«Да, с женой, с ребёнком. У тебя сын, или дочь?».

«Дочь. - С гордостью ответил Петя. – Дашенька».

«Давно женат?».

«Пять лет, уж как. Серьёзный срок. Пять лет, душа в душу».

«Жена работает?».

«Зачем? Дома сидит, в декрете. Если ты о деньгах, то денег хватает. У меня зарплата, у мамы моей пенсия. Нам хватает».

«Конфликтов нет между невесткой и свекровью?».

«Да всяко бывало... Но это поначалу. Притёрлись. Знаешь, как оно бывает, когда две медведицы в одной берлоге. А потом, как-то они подружились даже. Рецепты какие-то в интернете выискивают, хохочут сами с собой, шутят друг с другом».

«А с тобой шутят?».

«Прикалываешься? Нормально у нас всё. Семья как семья».

«После армии сюда пришёл?».

«Да... армейку отбыл... и сюда».

«А почему? Почему именно сюда?».

«Ну, а куда ещё? – Удивился Петя. – Куда ещё можно?».

«В армии остаться... не знаю... в офисе каком-нибудь, или отделе кадров. Да мало ли... Ты где живёшь?».

«В долине».

«По ялтинской трассе?».

«Угу».

«Так это же не в пяти минутах ходьбы от колонии. Тебе в любую точку города – далеко. Почему именно сюда?».

«Не знаю, не знаю. Случайно получилось. Слушай, ну чё ты пристал? Начал искать, куда бы пойти работать. Искал, искал. Смотрю, сюда требуются. Я пошёл, меня взяли. История простая. Ничего особенного. А что, плохая служба? Если бы в Зону не ходить...».

«Чем тебя зона смущает? Везде люди...», - улыбнулся психолог.

«Да, люди... - с иронией посмотрел на психолога Петя. – Чего там только нет, и СПИД, и туберкулёз, и желтуха, и чесотка какая-нибудь. Я как подумаю, какие там бактерии лезут, меня в дрожь бросает. Как подумаю, что я могу домой принести из Зоны... Жесть. Я с собой обеззараживающие салфетки ношу, несколько пачек. Калитку ключом открою, руки протру. А как иначе? Прикинь, если мои туберкулёзом заболеют».

«Да.... Тяжело тебе приходится. Хорошо, Петя. Горский мне сказал, что в этом заведении нет плохих офицеров и нужно переписать. Я дам тебе опросники и бланки, заполнишь и... мой тебе совет, в плохом настроении на вопросы теста не отвечай».

«Я тебя услышал», - сказал Петя и вышел из кабинета.

Компьютер был подключён ко всемирной паутине и Александр, оставшись один, влип в эту паутину, бродя по сайтам, читая новости, слушая музыку, бесцельно проводя время.

«А ты чего здесь?» - в кабинет, шурша подолом длинного пальто, вошла Даша.

«Ничего. Ты же сегодня в отгуле».

«Так до обеда. Сейчас двенадцать дня, и я здесь. А ты чего?».

«Горский сказал, что ты в отгуле и я настроился на целый день. А что, тепло и Интернет есть».

«Я удивляюсь Горскому. Я ему внятно сказала, что... Хотя нет, уже не удивляюсь. Я расслабилась и получаю удовольствие от общения с ним».

«Он меня “зарядил” с Петей поговорить, по поводу результатов».

«Допуск на оружие?» - Даша сняла пальто и небрежно бросила его на диван. Александр встал, уступая ей место за компьютером.

«Да».

«Я с ним уже говорила по этому поводу».

«И что было?».

«Он, прежде всего, попросил меня посмотреть результаты, а потом говорит: «Ого!»».

«Так».

«Сказал, что у него было плохое настроение, потому, что он занят не своим делом. Говорит, что не должен работать в отделе кадров, а должен работать инструктором по вооружению и дракам».

«Что? Так и сказал?».

«Ну, не дракам, а... по боевой подготовке».

«Серьёзно?».

«Ага. А он в отделе кадров сидит, несчастный, бумажки перебирает. Потом, на суточное дежурство его часто ставят, а он начальству не может отказать. Понимает, как он говорит, что имеет право отказать начальству, если это не касается его прямых обязанностей, но не отказывает. А я у него спрашиваю, как же он со стрессом справляется, а он мне сказал, что с ребёнком играет и становится легче. А он сам у меня здесь сидел как ребёнок. Сидит, вот на этом диване, красный, щёки трёт, колени поглаживает, заикается. Я, сначала, за столом сидела, а потом вижу, что ему как-то плоховато, и к нему на диван пересела. Так он вдавился в спинку дивана, как лётчик испытатель во время перегрузок. О жене много говорил».

«И что говорил?».

«Что умная, что его всё время вытягивает. То то предложит ему сделать, то сё. Но, говорит, что решения в семье он сам принимает. Сильно я в этом сомневаюсь».

«Чем его жена занимается?».

«С ребёнком дома сидит».

«А по профессии кто?».

«Я не спросила. Знаешь, я когда-то к нему пришла, по-моему, конспект лекций взять, а ему некогда было, он заартачился, а я ему сказала, что его считают очень умным и ответственным сотрудником, он заулыбался и сразу всё нашёл. Забавно, правда? Рассказал, что в пятом классе мама отдала его в спортивную школу-интернат для спортсменов. Он там пять дней в неделю жил и два дня дома».

«Обижен на мать по этому поводу?».

«Вовсе нет. Хорошо о ней говорил, с лаской в голосе. А еще у него то ли брат есть, то ли сестра, я не помню. Он еще говорил, что тренер, в

интернате, пророчил ему, максимум, факультет физического воспитания, а он хотел доказать всем... и поступил на психолога. Хотя у него ещё был выбор на журналиста».

«Удивительно... А почему он здесь не хочет работать психологом?».

«Он, по началу, хотел, но когда он сюда пришёл, то ему сказали, что психологи здесь никакие. Тут, как раз, наш Горский работал и Маслаков. Маслаков был начальником психологической лаборатории, а Горский его подчинённый».

«Что значит, никакие?».

«Авторитетом не пользуются. Вот он и не захотел. А что Горский говорит по поводу Пети?».

«Говорит, что когда у него начальником была Ольга Никаноровна, то она его называла Петечкой, а скоро его начальником станет Дубцов, и Петя, мягко говоря, грустит».

ГЛАВА 24.

В комнате психологической разгрузки, после каждого сильного дождя протекала крыша. За тумбочкой с широким плазменным телевизором наготове стояли несколько вёдер, которые дневальный подставлял под струи дождевой воды, бегущие из трещины потолка. Напротив плазмы стоял мягкий диван, за ним, вдоль стены, шесть офисных стульев с пластиковым откидным приспособлением для письма, дальше, ближе к окну, стол в окружении деревянных стульев. За стеной была другая комната, скорее комнатка, что-то вроде приемной, заставленная старыми шкафами, в одном из которых дневальный хранил литровую стеклянную банку, потемневшую от

чайного налёта и самодельный кипятильник, а также запас чая. Когда была такая возможность, а она выпадала часто, дневальный уходил в комнату психологической разгрузки, запаривал чай и воткнув в телевизор запрещённую флешку слушал музыку. USB-накопитель остался у него со славных дней его полублатного прошлого, и был им тщательно оберегаем.

Накануне ночью прошёл сильный зимний ливень и на ритмичный речитатив криминального рэпа накладывался звук капающей в ведро воды. Список композиций на флешке был один и тот же в течении многих месяцев, но Стасу не удавалось найти человека, который бы согласился обновить его. Особую остроту чаепитию с музыкальным сопровождением придавало то, что комната психологической разгрузки находилась над комнатой Отдела безопасности и выходя покурить на площадку, служащую одновременно и балконом, и продолжением лестницы ведущей с зоновского двора в комнату психологической разгрузки, он, улыбаясь, смотрел вниз на сотрудников этого отдела стоящих внизу, а когда никого не было, докурив, он бросал бычки в клумбу разбитую около его крыльца. Окна комнаты психологической разгрузки были верандного типа, продолжавшиеся в две стены, и у дневального всегда было время, с запасом, чтобы спрятать флешку, в случае опасности, а на кипятильник закрывали глаза.

Увидев Александра, поднимавшегося по лестнице, он продолжил слушать музыку.

«Здравствуйте, Стас», - поздоровался Александр, входя в комнату.

«Здравствуйте, - ответил он, отхлёбывая крепкий чай из металлической кружки. – Чай будете?».

«Можно», - согласился Александр. Отвинтив от своего термоса крышку-кружку, он подал её дневальному.

«Есть какие-то дела?» - спросил Стас, наливая чай.

«Сергей Сергеич задумал кинопоказ. Дааа... И просит собрать людей из первого отряда».

«И что за фильм?» - заинтересованно спросил дневальный.

«Суворов, - сухо ответил Александр. – Тысяча девятьсот сорокового года».

«Кого? Какого года?».

«Сорокового. Тысяча девятьсот сорокового года. Перед войной. Великой Отечественной».

«Неее... Не придут люди. – Стас решительно замотал головой. – Сорокового года! – Он обхватил руками голову. – Сорокового года! Зачем!?».

«Патриотическое воспитание...».

«Кого?».

«Осуждённых».

«Прокурору напишут, что психологи людей пытаются. И главное где! В комнате психологической разгрузки. Разгрузки, а не перегрузки!».

«Не нагнетайте, Стас. Посидят полтора часа и разойдутся. А что, хороший фильм. О генерал-фельдмаршале Александре Васильевиче Суворове. Русском полководце. Он, между прочим, Сталинскую премию получил. Или это режиссер получил...».

«А Вы сами-то, это кино смотрели?».

«Нет, - признался Александр и слегка покраснел. – Вот... вместе со всеми посмотрю».

«Вот эти плакаты... вот это вот всё... Оттуда ноги растут? Воспитание патриотическое?».

«Да. Только большая просьба... не говорите название фильма. Просто скажите, что Горский будет показывать кино и могут приходить все желающие. Вход свободный».

«И что мне потом скажут на отряде?».

«Персонально Вам, от Горского, пачка чёрного чая».

«И где она?» - приободрился дневальный.

«Потом. После показа».

«Угу. Ну, делать нечего. Нанялся, продался. На когда людей собирать?».

«После обеда».

«Так время ещё есть... Вот если бы на заказ боевик какой-нибудь. Недавно вот этот вот вышел... американский... про мужика, которого в лесу медведь не доел. Там ещё индейцы были. Вот этот вот показать бы. Это было бы да, а так...».

«А что Вы скажете по поводу фильмов о тюремной жизни? Их сейчас много. И сериалы ещё...».

«“Порожняк”. Так, что-то... тень от нашей жизни. Вот взять, к примеру, “Беспредел”».

«Так, так. И что с ним?».

«Скажу я Вам... это всё ментовская пропаганда. Типа можно бунт против блатных поднять».

«А какие ещё недостатки?».

«Ну, вот Калган этот, который бригадиром был, и мужики его слушались. Такого быть не может! Бригадир – это всегда “козёл”. Он, по понятиям, ниже мужиков, которые работают в его бригаде. Он, обычно, у них на побегушках. Вы знаете, в чём функция “козлов”?».

«Примерно...».

«Они, то есть мы, ходоки между блатными и ментами. Хотя, это всё уже отходит. Надо блатным с ментами пообщаться, они это делают через нас, “козлов”. Опять же, то, что блатные, в этом фильме, заставляют мужиков работать за так, обеспечивать им норму, это туфта. При союзе, как я знаю, доходило до того, что блатные платили за норму около двадцати пяти рублей в месяц. Не этих вот рублей, а полноценных, советских».

«Интересно. А что такое “чёрный ход”?».

«“Чёрных ход”? “Чёрных ход” – это общее положение в зоне».

«Я не совсем понял...».

«Вот, что такое общак и общее... это когда собираются четыре, пять человек, сидящих вместе. Всё, что они вместе соберут, пачку сигарет, “замутку” чая, жменю семечек, это и есть – общее. Над общим ставят человека, чтобы следил за сохранностью, приумножением и справедливым разделением. Все, кроме “опущенных” и “козлов”, вносят в “общак”, но, если они несут пользу, то им выдаётся из “общака”. Но в общее с них не берётся. О чём еще рассказать... Ну, вот положенец, это смотрящий за лагерем. Кто-то же должен всё регулировать, этим и занимается смотрящий. А вот блатным не становятся за один день. Того, кто стремится стать блатным, называют – стремящийся. И, если “авторитет” меняет лагерь, то не нужно снова завоёвывать авторитет, но его должны знать. Но, если что, то всё можно узнать по “тюремному телефону”. Прежде чем “короновать”, должны собратиться не менее трёх

воров и эти три вора, должны поручиться за того, кто собирается войти в воровскую семью. Что ещё... Прежде чем сделать вором, к нему делается подход. Если он ничего плохого не совершал, то... Все блатные стремятся в воровскую семью. Никаких особых ритуалов при “коронации” не... ритуалов нет, просто сходка решает и всё. Раньше били наколку и сообщали всем ворами».

«А Вы откуда знаете?».

«Я сам, понятное дело, не присутствовал, но учёные на Солнце не присутствовали, но что там происходит, они знают. Чтоб блатным быть, нужно пхнуть. У блатной масти задача простая, они должны бороться за то, чтобы у порядочных людей, мужиков жизнь на зоне была проще. Наша зона, стала почти “красной”. Блатные перестали соответствовать своей масти. Сборы в общем уменьшились. Забрали все телефоны. Наш смотрящий не справляется. Он боится ехать в российские лагеря, ему там хотят поломать хребет. Вот Вова Ариец, вот это был человек! Он был огромный, духовитый. Он и ментов бил. На ШИЗО у него мангал стоял, водка в стекле. Сидит в наушниках с планшетом в руках. Его все боялись. А это всё чепуха. Мужики ропщут, жизнь стала сложнее. Нашего смотрящего ставил Гога. Если он не справляется, то это отбрасывает тень на Гого. Но, здесь нет таких, на кого можно смотрящего заменить».

«А где ещё Вы “сидели”?».

«Помню... на черкасской зоне, будят меня, Крым, Крым, какая-то фигня. “Локалки” все открыты, прапоров нет. И минут через пятнадцать завыла серена. Зашло сорок пять человек днепровского ОМОНа, БТР и пожарная машина. Бьют в щиты. Пошли вперёд. Заскакивали по десять человек на барак, “ушатывали” всех. У меня в голове свет потух, очнулся, ключица сломана. В окна прыгали, прятались. После них шесть

трупов осталось. Оказывается, что есть процент смертности, когда ОМОН входит. Это случай был в начале двухтысячных, и в то время, шесть трупов на три тысячи человек, это вообще ни о чем. Два раза под ОМОН попадал. На “красной” зоне, все кто поддерживают чёрный ход сидят по камерам, их в зоне и не видят. Всё “козлы” рулят. Помню, там же, в той же зоне, была кочегарка и палили полиэтилен с кондитерской фабрики. По десять вёдер сахара с одной партии полиэтиленовых мешков из них вытряхивали. Естественно, что начали гнать самогон. По промке кары катались. Две бетонных плиты закрывали бетонную яму. Старые зеки знали эту “нычку”. Карой подвигали плиту, в яму засыпали мешки с сахаром, воду, дрожжи. Опять карой сдвигали. Сахар привозили со строй материалами. Один прыгал, пробовал. Выходило по сто литров пошла на барак. Все бухие ходили. Но кто-то сдал. А потом ещё, там, разбирали старый цех, и на его месте строили новый. Так мы там замуровали бензобак от трактора в стену, и в нем поставили брагу. Из стены торчала горловина от бензобака, туда засыпали всё, что нужно, а назад – брага».

«Интересно».

ГЛАВА 25.

«Здравствуйте, гражданин начальник!» - на пороге стоял Мудрый, зек из шестого отряда.

«Опять двадцать пять!» - Александр поморщился и оглядел свой стол в поисках вещей, которые потенциально могут пригодиться вошедшему, с целью их спрятать.

«Гражданин начальник, дайте пару сигарет афганцу...».

«Разве Вы служили в Афганистане?».

«Я три раза кодировался от пьянки. После трёх кодировок у меня мозг как после Афгана».

«Возьмите одну сигарету» - Александр полез в карман за пачкой.

«Да нет, одной мало, мне курить очень хочется».

«Господин Мудрый, Вы кто по масти?».

«Мужик. Разве не видно, на мне брюки...».

«Вот. Вы, по масти, мужик, а ведёте себя странно.... Сигареты клянчите. Дают Вам одну, берите и будьте благодарны».

«Да нет, я не к тому.... Помните, Вы мне не верили, что я в море ходил. Так вот моя книжка моряка. По-английски разумеете?» - с висока глядя на Александра спросил Мудрый.

«Не очень».

«Как это так!? Вы же человек с высшим образованием, должны по-английски разумееть».

«Господин Мудрый, к чему Вы ведёте?».

«Я без всякой посторонней цели, клянусь Вам. К чему я веду?».

«Да».

«Без всяких заходов?».

«Да».

«Напрямую?».

«Напрямую».

«Я вижу, что Вы человек женатый. – Убеждённо сказал Мудрый. – Женатый же?».

«Да, я женат».

«А лет Вам сколько?».

«Тридцать пять».

«О! Это очень много! Есть у меня один рецептик... супруга Ваша будет довольна».

«Если Вы намекаете на потенцию, то у меня с ней всё хорошо».

«Да? – С разочарованием в голосе произнёс Мудрый. – О, Сергеич! – В кабинет вошёл Горский, мельком глянул на Мудрого и сел за свой стол. – Я могу и иглоукалывание.... Я в Сингапуре был шесть раз. Сергей Сергеич подтвердит. Помните Сергей Сергеич массаж?».

«Какой массаж? – Горский испуганно посмотрел на Мудрого. – Не было никакого массажа!».

«Не было? Странно.... Ну, ладно. Александр, есть у меня один рецептик, на основе какао. Вашей супруге понравится. Приготовит из неё крем и года свои начнёт назад отматывать».

«А меня не посадят за развращение несовершеннолетних, когда она слишком много лет назад отмотает?».

«Вот Вы, Александр, зря смеётесь. Дайте две сигаретки пожалуйста...».

Александр достал из пачки две сигареты и протянул их Мудрому, который взяв их и быстро спрятав в карман не собирался уходить.

«Чего ещё изволите, господин Мудрый? Вы каждый день к нам приходите и что-то просите, при это Вы у нас не работаете. Это не к лицу порядочному арестанту».

«Еще не нужна паста».

«Зубная?» - спросил Горский.

«Синяя. Буду писать. Не прокурору».

«И на том спасибо. Возьмите» - раскрутив ручку, Александр вынул из неё пасту и протянул её Мудрому, который, взяв её и спрятав в карман, не собирался уходить.

«Я сейчас нажму тревожную кнопку...», - Горский потянулся к красной кнопке, прикреплённой к его столу.

«Ещё четыре листочка в клеточку и всё!» - не сдавался Мудрый.

Вырвав из тетрадки четыре листочка Александр протянул их Мудрому, и он, взяв их, вышел из кабинета.

«Я только что от замполита... - Горский начал грызть свой указательный палец. – Косянчуков объявил голодовку».

«Кто это?».

«Хохол из никому не нужных», - ответил Горский.

В зоне отбывали свой срок около двух десятков человек из Украины, которые после крымского референдума четырнадцатого года, волей судьбы, остались в Крыму, но страстно желали вернуться домой, на Украину. Российского гражданства они не приняли, и чувствовали себя военнопленными. Российская сторона посылала запросы недавним братьям с просьбой забрать своих, обратно приходили ответы, что всех осуждённый на территории Крыма Украина амнистировала и, соответственно, возвращать некого.

Косянчуков, вдохновлённый примером лётчицы Савченко, решил голодать.

«Замполит сказал... приказал, - поправил себя Горский, - сделать что угодно, но, чтобы Косянчуков прекратил голодовку. Нам нельзя

привлекать внимание комиссии к нашему учреждению. А ещё, на после завтра ожидают приезд генерала».

«Какой комиссии? Какого генерала?».

«Не берите в голову, нас, психологической лаборатории, это не касается, но нашего учреждения, очень даже. Замполит приказал, чтобы всё было тихо».

«Что будем делать? Свяжем Косянчукова и будем кормить его с ложечки?».

«Нет, нужно его уговорить. Мы его уговорим. Мы его возьмём к себе дневальным и будем каждую неделю выдавать ему чай и сигареты».

«А Стас как же?».

«Стас останется. У нас теперь будет два дневальных».

«Интересно. Только необходимо попросить Стаса и Косянчука не распространяться о том, что мы будем каждую неделю “греть” Косянчукова чаем и сигаретами».

«Почему?».

«Потому, что все зеки объявят голодовку, а нам столько дневальных не прокормить. Кроме того, Стас может потребовать, чтобы и ему выделялся “грёв”, иначе он начнёт протестовать, а то и саботировать работу».

«Перетопчится. Он у нас работает за поощрения, за УДО».

«Угу».

«Косянчуков должен... а вот и он, лёгок на помине», - Сергей Сергеич привстал со стула, разглядывая через окно медленного бредущего по слякоти сутулого зэка с оттопыренными ушами. Неторопливо перебирая ногами Косянчуков прижимал свою левую руку к груди,

поддерживая её правой, как будто нес младенца. На его лице застыл отпечаток мысли, что после пребывания в плену, после перенесённых бед и невзгод, он вернётся на родину героем. С осознанием своей миссии он поднялся по крыльцу соц. отдела и подошёл к двери психологического кабинета. Постояв за дверью несколько секунд, он вошёл и остановился вопросительно глядя на психологов.

«Ну что, Николай. – Начал Горский. – Хотим предложить Вам поработать с нами. Будете у нас дневальным? Мы Вам обещаем... хотя, Александра это не касается.... Я Вам обещаю, что в конце каждой недели Вам будет выделяться чай и сигареты. Ну, как Вам моё предложение?».

«Посылайте запрос в Москву, там сейчас решается наше дело», - туманно ответил Косянчуков.

«При чём Москва? – Не понял Горский. – Дневальным будете работать?».

«Что-то перед комиссией вы все засуетились...».

«Выгодное дело, Николай. – продолжал уговаривать Горский. – Никто не будет заставлять Вас работать через силу. Будете посильно помогать нам. Периодически нужно менять воду в аквариуме и...».

«У меня рука болит, мне нельзя тяжёлое поднимать».

«Не надо менять воду. Будете что-нибудь убирать, подметать».

«Пусть опущенные убирают, мне это всё не надо».

«Хорошо, давайте сейчас не будем обсуждать это, Вы, Николай, идите на отряд и подумайте о чае и сигаретах. Родные Вам посылки не засылают, где Вам ещё курить-варить раздобыть. Идите, подумайте. Да, подождите, просьба к Вам... нашего дневального на отряде увидите,

передайте, пусть придет» - ласково глядя на Косянчукова сказал Горский.

Ничего не ответив и всё так же бережно неся свою руку Николай пошёл в барак.

«Ну, что скажете?» - спросил Горский у Александра.

«Я считаю, что нельзя идти на поводу у шантажиста. Он из нас будет каждый день верёвки вить. Не успел объявить голодовку, как ему уже чай и сигареты, хотя он их ещё не заработал. Любой труд должен быть оплачен, но именно труд, а не шантаж. А чего он захочет дальше?».

«Я Вас не узнаю. Где Ваше человеколюбие?».

«Сергей Сергеич, да при чём тут... В общем, я предлагаю, в отношении Косянчука, действовать по инструкции. Что там говорится в отношении объявившего голодовку? Ладно бы мы были в чём-то перед ним виноваты, но это же Украина их не принимает. Мы при чём? Пускай врач сделает письменное заключение и кормит его через трубочку. Посмотрим, чем закончится его шантаж».

«С ума сошли? Замполит сказал, чтоб всё было тихо! Комиссия! Если сделать так, как предлагаете Вы, то это нужно регистрировать голодовку! Вы понимаете, что Вы предлагаете!?».

«Я понимаю, что сейчас, он находится в затруднительном положении и лихорадочно ищет выход из него, но шантаж – это не выход, а тупик. Мы с Вами, и замполит в придачу, не можем решить его судьбу. Решение по украинцам принимается в Москве и Киеве. Мы можем каждый день его внимательно и с сочувствием слушать, периодически помогать ему с куревом и заваркой, но садится нам на шею, это неправильно».

«Всё! Решение принято и обсуждать его нечего!».

«Для чего Вы интересуетесь моим мнением, если оно Вам не интересно».

В кабинет вошёл дневальный.

«Стас, - начал Сергей Сергеич, - Вы знаете, что Косянчуков объявил голодовку?».

«Косяк? Чего это он?».

«Всё! С ума сошёл! – Лицо Сергея Сергеича исказила злобная гримаса. – Отправляйте меня, говорит, на Украину. Я, говорит, украинец и мне у вас делать нечего. Хрен с ним, с этим пидарасом, я готов не каждую неделю давать ему чай и сигареты, а каждый день!».

«Где бы мне найти такое “колено”? – зло сверкая глазами сказал Стас. – Чай и сигареты каждый день... Он поймёт, что что его план работает, что “катит”, и пойдёт дальше. Его нужно на другой барак перекинуть, там ему блатные быстро объяснят, что к чему».

«Нет у нас такой возможности, нет. Придумайте ему работу», - сказал Сергей Сергеич Стасу.

«Какую работу? - Ревность дневального бросалась в глаза. – Какую работу?».

«Подметать что-нибудь...».

«Ага, так он и согласился! А с бумажками бегать так он не справится, он тупой».

«Всё, вопрос решённый! Вы лучше ответьте мне, когда плакаты будут готовы?».

«Завтра будут. Это точно. Я сегодня с художником разговаривал».

«Это тот, что в библиотеке?» - спросил Александр.

«Нет, тот другой. На втором отряде из первоходов, но рисует отлично. Надо же, как человек без всяких там школ сам научился рисовать...», - Стас скорчил своё лицо в маске многозначительности, как ему казалось, подходящей для человека, хорошо разбирающегося в искусстве и, особенно, в живописи.

«Очень хорошо, – обрадовался Сергей Сергеич. - Завтра, Стас, если плакаты действительно будут, разнесите их по начальникам отрядов, пусть повесят на стенды. Внесём свою лепту в патриотическое воспитание контингента. Люди на фильм придут?».

«Дело такого рода... - замялся дневальный. – Прийти-то они придут...».

«Вот и хорошо. У нас там сколько мест... кажется, пятнадцать человек можно усадить. Будут пятнадцать человек?».

Стас кашлянул, посмотрел в потолок, как бы пересчитывая в уме зеков готовых прийти на просмотр и утвердительно кивнул.

«Вот и отлично, - лицо Горского слегка расслабилось. – Подключите к этому делу Косянчука. Пусть стулья расставит, пыль с телевизора протрёт... придумайте что-нибудь. Если ничего не захочет делать, пусть посидит и фильм посмотрит, и то мясо».

ГЛАВА 26.

Встреча нового этапа в зоне, это не только повод развлечься и отвлечься от серой повседневности, это настоящий ритуал. Сотрудники считают, что необходимо нагнать на вновь прибывших арестантов страха, потому что тогда, они будут сидеть весь срок тише воды, ниже травы, но их ожидания не оправдываются, а арестанты стараются

сохранить лицо, потому что тогда, сотрудники будут относиться к ним с уважением, без мелочных придирок, но и они ошибаются.

Автозак медленно въехал на территорию рабочей зоны, под утробное рычание и лай сторожевых псов.

Выпрыгивая из его железного, тесного и холодного чрева зеки, пробежав несколько метров, садились на корочки в ожидании сверки прибывших и списком с фамилиями, статьями и сроками. Каждый из них крепко сжимал сумку или рюкзак с вещами. Ничего в них особо ценного не было, в материальном смысле, но в своих пожитках они чувствовали связь с прошлой, вольной жизнью и разорвать эту связь не хотелось.

После переполненных камер СИЗО простор зоны радовал и внушал некоторую надежду на улучшение условий жизни. Небо, Солнце и земля были рядом, не отделены решёткой и железными дверями. Чистый воздух, после едкого, въедливого запаха параши, опьянял на короткое время.

«Первая пятёрка встать! Остальным сидеть! Пошёл! Пошёл!».

Первые пять человек пошли друг за другом, руки за спину, сумки били по голеним и пяткам в зависимости от роста осужденного и длинны ручек сумки. В сопровождении сотрудников первая пятёрка прошла через открытые ворота в жилую зону и остановилась.

Сотрудники Отдела безопасности и оперативники, выкрикивая команды, толкая в спины, сверля глазами вели осужденных как стадо: «Стой! Сумку поставь рядом! Ровно стоять! Руки за спину! Пошёл! Стой!». Несмотря на несколько ходок за плечами у арестантов, прибытие по этапу ошеломляет, словно прыжок с пирса в холодное зимнее море.

Из окон барачков, за прутьями заборов “локалок” выглядывали скалящиеся рожи зеков, оценивающие пришедших, искавшие знакомые лица. Слышался смех и шутки в адрес вновь прибывших. Знатоки определяли кто какой “масти”.

Вновь прибывшие выстраивались на общем дворе по пять человек. Они чувствовали себя неуютно, в пёстрой, разномастной одежде, которая демаскировала их, привлекала к ним внимание, делала непохожими на остальных осуждённых. Цветастые футболки, спортивные костюмы, пляжные тапочки и кеды, не позволяли слиться с толпой. Некоторые из новеньких пробовали играть мышцами рук и спины в попытке создать грозный образ, но получалось неубедительно. Взгляды исподлобья, угловатые движения, бледные или, наоборот, красные лица, выдавали страх и неуверенность.

Старый арестант по фамилии Марко, двадцать пять лет прошедший за колючкой уселся на свой фанерный чемодан и начал громко рассуждать о бессмысленности своей поездки в Адыгею, тупости докторов, коварстве ментов и о желании поскорее сдохнуть. Он и сам уже не помнил сколько раз и сколько лет он сидел в ИК-22. Благодаря Марко пятый отряд лишился возможности заниматься на турнике, так как, однажды, он “крутил солнышко”, сорвался и едва не проломил свой лысый череп о бетонную поверхность “локалки”, чем вызвал гнев замполита, приказавшего срезать железные столбы турника под самый корень. В другой раз, он пришёл в соц. отдел поговорить с заместителем замполита о возможности получить российский паспорт без наличия всех необходимых документов, но договориться не получилось, Марко сорвал со стены светильник и попытался проломить им заместителю замполита голову. Заместитель не на шутку испугался, открыл окно и звал на помощь не своим привычным басом, а несолидным фальцетом. В анкетах, заполняемых в психологическом кабинете, в графе –

“профессия”, он неизменно писал – “Вор в законе, так как отсидел двадцать пять лет”. Марко все знали и не трогали. Последним вошёл в общий двор и присоединился к строю длиннородый старик опирающийся на палочку.

Снова раздалась команды: «Вперёд! Пошли! Держать строй!».

Подхватив свои пожитки, осуждённые пошли в БПК, банно-прачечный комплекс.

По бокам и сзади их сопровождали сотрудники, задавая темп движения и указывая направление. Сходство со стадом ведомым пастушьими собаками было полным. Риска для сотрудников не было никакого, но вжившись в роль, они были на стороже и агрессивны.

В банно-прачечный комплекс входили: прачечная, швейная мастерская, парикмахерская, склад с одеждой и баня. Но это была не та баня, образ которой возникает в голове у обычного человека, с печкой каменной, лежанками и берёзовыми вениками, а просторная душевая обложенная дешёвой скользкой плиткой. Именно в баню сотрудники направляли осуждённых. Просторное помещение, запросто вмещало больше сотни людей.

В центре, из бетона и кафеля, длинные прямоугольные тумбы послужили столами для вещей прибывших по этапу осужденных. Зеков поставили лицом к стене, руки за спину, ноги на ширине плеч. Тот, чья фамилия была выкрикнута сотрудником, отделялся от стены и подходил к тумбе шаря глазами, отыскивая свою сумку или рюкзак, открывал и вываливал содержимое.

«Из вещей можно оставить, – громким голосом перечислял один из “оперов”, прохаживаясь вдоль стоящих лицом к стене, - один спортивный костюм, одну футболку чёрного цвета без надписей, однотонное полотенце, сигареты, спички и чай! Кипятильник, если он

заводской, а не переделанный! Остальные вещи нужно сдать на хранение, иначе они будут отображены при последующих обысках».

«Доставай вещи из сумки!».

«Это у тебя что!? Цитрамон? Медикаменты – не положено! Сдать в медчасть! Ну и что, что всего две таблетки. Не положено! Отнесёшь доктору, он решит сможешь ты их оставить у себя или будешь к нему ходить за каждой таблеткой».

«Ого, сколько пачек сигарет! Сколько тут блоков!? Шесть? А это что! Килограмм кофе и килограмм чая!? Ты что, “общак” везёшь? А это что? Детское питание? Зачем? Для мышечной массы? Уроды...».

Зек, которому был адресован вопрос сделал вид, что не расслышал. “Общак” был уложен обратно с сумку и в целости и сохранности отправлен по назначению, “блат комитет”.

«Это что? Гречка!? Где ты её варить собрался? Не положено!».

«Быстрее ёб твою мать! Я на тебя весь день должен потратить!».

Каждая складка одежды, вынутой из сумки и брошенной на тумбу тщательно прощупывалась. Из обуви, если только это были не пляжные тапки, вынимались стельки, и тщательно изучалось внутреннее содержание.

«Сними трусы! Наклонись! Всё, одевайся!».

Один из осуждённых попытался отвести сотрудника в сторону и договориться по поводу неполюженно яркого полотенца, но получил отказ.

«Нет! Нельзя! Сдать!».

В общей суматохе, царившей в бане при досмотре личных вещей, отчётливо проступали черты отработанного годами навыка и

слаженности действий сотрудников, но накал страстей, в некоторые моменты, доходил до крайней точки и начинало казаться, что в ход пойдут дубинки.

У одного из зеков, “первохода”, на светлых спортивных штанах проступило небольшое мокрое пятно.

Особенно рьяно старались опера. У одного из вновь прибывших оказались расширены зрачки, вдвое по сравнению с окружающими его людьми.

«Что курил? Или укололся!? – насел на него опер. – С собой везёшь что-нибудь? Этого обыщите особенно тщательно!» - распорядился опер и Отдел безопасности засуетился.

Оперативники чувствовали себя элитой. Молодые, двадцатипятилетние, люди получили практически неограниченную власть над сотрудниками и зеками. Они могли поломать карьеру сотруднику и отобрать здоровье у зека. Себя, сотрудники Оперативного отдела, четыре человека вместе с “кумом”, любили называть волчьей стаей.

«Гражданин начальник, - просил молодой зек, - не отбирайте у меня картинку. Я её своей невесте нарисовал. Вы бы знали, сколько сигарет я за неё в СИЗО отдал...».

На куске белой простыни, заменившей холст, масляными красками неизвестный художник изобразил русскую зиму, берёзовая роща вдалеке, избушка с сизым дымком из печной трубы, замёрзшая река с мостом, и, перечёркивая этот пейзаж, огромная красная роза. Вверху надпись – “Буду помнить тебя вечно”.

«Сдай её на хранение. Зачем она тебе в бараке?» - неожиданно смягчившись сказал сотрудник Отдела безопасности.

«Гражданин начальник, это искусство. Это не запрещено. Куплю большой конверт, куплю марки и отошлю. Разрешите, гражданин начальник...».

«Хрен с тобой, прячь в сумку».

Невысокий, с узкими плечами, должно быть форточник, держался особняком, гордо поглядывая на сотрудников.

«Откуда у Вас шрам на шее? - Спросил Александр у одного из осуждённых. – Покажите, пожалуйста руки».

«Обстоятельства заставили, - объяснял осуждённый многочисленные шрамы на внутренней стороне обеих рук. – Да я и на учёте стоял. Дело привычное».

«А откуда Вы?» - спросил у него Александр слыша некрымский говор.

«С Урала. Это моя третья ходка. Этих лагерей я не знаю. Скажите, а Вы кто? Психолог? А много здесь людей с Урала?».

«Я думаю, что Вы единственный» - ответил Александр.

Осуждённый, чьи вещи были досмотрены, отправлялся на склад, сдать, под опись, свои личные вещи, не вошедшие в категорию разрешённых, получить сандалии, ботинки, два комплекта рубы, бушлат, шапку, тёплое нательное бельё. Затем он шёл к врачу, который выяснял, экспресс методом, состояние его здоровья, и, поскольку карантин был закрыт, потом в отряд, где ему предстояло отбывать назначенный судом срок.

«Можно с Вами поговорить?» – Деликатно дотронувшись до рукава оперативника спросил густо татуированный зек.

«Сейчас поговорим.... Что надо?».

«Могли бы Вы отправить меня в “козлятник”. По “масти”...».

Старый зек с бородой и палочкой, плетшийся в конце очереди, посетив парикмахера преобразился. Стриженный наголо, гладко выбритый, он помолодел лет на пятнадцать.

«Твою мать... - смачно плюнул себе под ноги опер. – Глущенко, ты ли это?».

«Я, гражданин начальник. – широко улыбнулся старый зек, демонстрируя рандолевые коронки, давно утратившие свой блеск, потемневшие, окислившиеся.

«Рандолевые зубы и "веерные" пальцы... Всё чудишь, старик?» - весело сказал оперативник.

«А куда деваться, гражданин начальник. Зима же... Куда мне старому и одинокому податься.... Никому я не нужен, кроме “кума”. Говорят, кормить стали лучше, а, гражданин начальник?».

«Лучше, лучше. Иди, Глущенко, не создавай очередь. И накормят тебя, и обогреют, это тебе не на воле».

ГЛАВА 27.

«Ну, чё, Александр, мою флешку не видели?» – начал с порога Горский, не утруждая себя приветствием.

«Нет, не видел. У Вас проблема с этими флэшками, Вы их все время теряете».

«Да, да, да, – Горский перегнулся через стол, пытаясь заглянуть за системный блок, где среди проводов могло притаиться его имущество. – Хм... и здесь нет. Где же она может быть? Может быть, она упала на пол? – Но и под столом её не оказалось. Александр откинулся на спинку

стула и спокойно наблюдал за моноспектаклем. – Где же она может быть? – Горский старательно избегал встречи с глазами Александра. – Хм... Давайте сделаем так, Вы пригласите Жулько, он помоеет пол и обязательно найдет флэшку. Обязательно найдет! А я пока в штаб схожу» – и вышел.

На крыльце резвились “кони” соц. отдела: Плюс, Кислый и Жулько. В кабинет психолога залетали отдельные фразы; «Ты чё... я тебе сейчас... очки ложкой... разобью... ты охуел... я... ты... шнырь... сука... падла... ты...». Кислый и «Минус», весело смеясь, пытались столкнуть Жулько с крыльца видя в этой затее источник хорошего настроения и вдохновения. Жулько упирался, уворачивался и размахивая ложкой, словно клинком из дамасской стали, норовил разбить Плюсу очки.

«Дайте пройти! – поднявшийся на крыльцо Стас растолкал их своим плечом, словно кегли. – Чего резвитесь? Вспышки на солнце?».

«Такое отношение к “опущенным” только на “строгаче”, а на “общем” к нему не то, что дотронутся рукой нельзя, с ним, даже на одну “дючку” срать не сядут. У них свои “дючки”. А что, Сергеича нету? Не приходил сегодня, что ли?» - плюхнувшись на диван спросил у Александра Стас.

«Приходил. Ушел за Зону. Скоро будет».

«Сегодня что-то опять дождь собирается... Что за зима такая, сплошные дожди... Я, на воле, любил в такую погоду сидеть в машине, рэпчик слушать. Врубишь рэпчик, если холодно, то и печечку, и смотришь, как прохожие туда-сюда шныряют. А здесь у меня сейчас и возможности нет музыку послушать, а хотелось бы. Вы же знаете, в “психразгрузке” плазма стоит, а она только флэшку в себя принимает. Вставляешь флэшку в неё и слушать можно. Музыка тут, конечно, не

хватает. А флешка моя того... отобрана. – Стас, в этот момент, напоминал ребенка, проходящего с родителями мимо витрины детского магазина, за которой красовались яркие детские игрушки китайского производства. Недорогие и очень хрупкие. И таких игрушек через его детские ручки прошло очень много и ни одна из них не уцелела. Отдельные части паровозиков и машинок, наполовину потерянный конструктор, сгрызенные солдатики, мятые пластиковые кубики, спущенные мячи, и много прочего игрушечного хлама, не поддающегося инвентаризации. Все это было свалено в большой мешок, и отправлено на балкон, словно на кладбище. Но, нужны еще игрушки, много игрушек, как можно больше игрушек, и он начинает канючить: «Папа, купи машинку! Купи машинку! Машинку!». – Вы, Александр, какую музыку предпочитаете? Что, не любите музыку? А я очень люблю. Но, слушать не на чем, флешки нету. Я знаю, что Вы ни наличку не берёте, ни на карточку Вам скинуть...».

«Это запрет».

«Я о том и говорю. А может быть можно как-то.... Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдется».

«Предлагаю бартер».

«А что вам нужно? – Стас как-то сразу поскучнел, но торг продолжался. – Если это в моих силах. По возможности».

«Мне нужно, чтобы Вы написали историю своей жизни, на двенадцати листах, мелким почерком».

«На кой? – Выкатил глаза Стас. – Может рамку? Как Сергеичу. Сейчас по-быстрому сходил бы на “промку» заглянул бы. Вы же здесь сегодня целый день работаете?».

«Целый день. - Психолог кивнул головой. – Но рамка мне не нужна. Нужна Ваша биография».

«Зачем? – Глаза Стаса забежали. – Не знал бы я Вас, подумал бы нехорошее...».

«Ну так что? С Вас подробные мемуары, а с меня флешка на шестнадцать гигабайт. По-моему, выгодно».

«Я подумаю... Если я соглашусь, то все фамилии, пароли и явки изменю» - Стас испытывающе посмотрел на Александра.

«Это, само собой. А как иначе? Ну так что?».

«Я подумаю. Да у меня и тетрадки нет...».

«Как дела? Что нового?» - на пороге возник Сергей Сергеич.

«Ничего» - ответил Александр.

«Для Вас, “вскрывшийся” зек, это ничего не значит?».

«А кто “вскрылся?»».

«С третьего отряда, “барыга”. – Ответил Сергей Сергеич. - Видимо задолжал блатным. Как Вы думаете, почему он не обратился к операм? Можно же было просто пойти в оперативный отдел и сдать...».

«Не знаю... Придёт к нам, спросим».

«Дело в том, что он может не прийти. Они его в живот били, и на сан. части говорят, что обработали капитально. А Вы, Стас, знали?» - спросил Сергей Сергеич.

«Вся зона знает. Правильно сделал, все его поддерживают».

«Как это правильно!? Он трус и слизняк! Только тряпка...».

«Сергей Сергеич, дело такого рода... при всём уважении... - издалека начал Стас. – Люди интересуются таким вопросом... не пидор ли Вы?».

Горский побледнел, скомкал какой-то документ, лежащий на его столе, опустил голову, но ничего не ответил.

«Вы, поймите, Сергеич, - продолжил Стас, - если Вы из этих... из меньшинств, то как бы “зашквар” не случился. Люди к Вам разные ходят, и... как бы они себе не навредили. Вы, поймите, я не от себя, меня уполномочили...».

«Я нормальный человек, – не поднимая головы ответил Сергей Сергеич. – Так и передайте».

«Если Вы нормальный, то где же женщины? Где они?».

«Я был женат... У меня были девушки. Я нормальный человек. - Сергей Сергеич сунул скомканный документ в карман. – Так и передайте. Александр, просьба, сходите со Стасом по поводу “вскрывшегося”, а я...».

«Ну, дело такого рода... так и скажу, что Вы, Сергеич, нормальный. Извиняйте, если что...».

Горский неопределённо махнул рукой и уставился в монитор.

«Стас, давайте сходим в сан. часть вместе и посмотрим на него», - предложил Александр.

«Он на бараке», - ответил Стас.

«Давно?».

«С вечера. Помощь оказали и на барак. Давайте на барак пойдём».

«Может быть Вам не стоит ходить на чужой отряд? – спросил Александр. – Как там Вас встретят...».

«Мне везде можно ходить», - насупился Стас.

Александр надел куртку и с дневальным вышел из кабинета.

«Стас, так что он к операм не обратился?».

«А какой “понт”? Опера “подвязаны” с блатными. Блатные выполняют поручения “кума”, а он закрывает глаза на дела блатных. Они в одной упряжке “пхнут”. Сейчас, да, после того как “вскрылся”, опера забегают, засуетятся...».

«Блатные долги не прощают».

«Ерунда, это всё не так. Если их перекинут на материковые лагеря, их там порвут за то, что они тут творят. Здесь “кум” – Вор в законе».

«А что это за история с Горским» - смеясь спросил Александр.

«Да, дело такого рода, что сомневаются люди, что он не пидор. Вы посмотрите на его ужимки, как он с людьми общается, как он на женщин смотрит. Люди всё видят. “Западло” с пидором общаться. Он говорит, что был женат. И что? Мало ли пидорасов женато или были женаты? Передам, конечно, что он, похоже нормальный. А куда деваться? Если он... не того, то это и на нас бросает тень. Не будет у него нормальной бабы...».

«Почему?».

«Он дрочит. У онанистов аура такая... это видно, чем он дышит».

«Что поделаешь.... В зоне всё извращено, вся грязь здесь сконцентрирована, вся мерзость выпирает. Признаюсь Вам, мне очень тяжело здесь работать».

«Не нравится Вам здесь, значит?».

«Очень тяжело. Напряжение постоянное внутри. Не знаю...».

«Есть тут и нормальные люди. И много. Сколько здесь убийц и насильников? Раз два и обчёлся. В основном за кражи, грабежи. А это не то пальто. Согласитесь, украсть денег и замараться кровью, это разное».

«Разное. Но здесь не Английский клуб».

«Чего?».

«Да так.... Чего хотят от него?».

«Дело такого рода... его вчера из отряда выдернули, отбили внутренности и потребовали тридцать тысяч рублей до среды, а до конца недели ещё и тысячу пачек сигарет. Вот это, Александр, и есть – беспредел».

«Как это так, потребовали? А основания у них какие?».

«Основания какие? Говорят, что - барыга. Вот такие основания».

«Странно».

«Чего странно? Деньги блатным нужны.... У Вас, положим, есть деньги, и я знаю об этом. А у меня их нет. А мне и выпить хочется, и закусить, и уколоться. Я вытаскиваю Вас, бью пару раз, и говорю...».

«Человеческим голосом...».

«Чего?».

«Ничего, продолжайте».

«Так вот... бью пару раз и говорю, чтоб завтра были деньги. Вы возражаете, я Вас ещё бью и говорю: «Ты чё, мышь, охуела!?». И буду бить каждый день, пока Вы или “кони двините”, или деньги отдадите. И тот и другой варианты выгодные. Если Вы помрёте, то другим наука будет, а если деньги отдадите, то другим наука, а блатным навар».

«Дааа... Выпутается?».

«Да теперь уж выпутается. Разве Вы не знаете, что “опера” первому заму звонили».

«Откуда Вы всё это знаете?».

«А как в зоне утаишь? Все всё обо всем знают».

«Как его зовут?».

«Меньшов. Пришли».

Вставив своё лицо между прутьев забора локального сектора, как будто ему было тяжело держать его на весу, зэк тупо смотрел на приближающихся к территории их отряда Александра и Стаса. Затем, нехотя, вынул своё лицо, обернулся назад и крикнув, предупредил других о приближении сотрудника и дневального и опять вставил его между прутьев решётки. Младшего инспектора поблизости не оказалось и стоящий на “шарах”, поддел специальной железкой язычок замка, калитка открылась.

«Здравствуйте. - Поздоровался с ним Александр. – Меньшов на отряде?»

Зек кивнул головой смотря мимо Александра.

Александр и Стас поднялись на второй этаж. Слева от входа, за решёткой, отделяющей от коридора небольшой закуток, стоял теннисный стол и двое осуждённых, в застиранных робах, играли в настольный теннис. Стены коридора когда-то белые, лет тридцать тому назад, стали тёмно-серыми. Мрачные, глядящие пристально, зэки входили и выходили из комнат, стояли небольшими группами в коридоре, о чём-то тихо переговариваясь.

«Будьте любезны, - обратился Александр к одному из них, - подскажите, где я могу увидеть Меньшова».

«Там вон, – зек указал на одну из комнат. – Только там “опера”».

«Благодарю».

Александр подошёл к двери, за которой, предположительно, находился избитый и постучав, открыл её.

На стенах развешаны бушлаты, у окна, на стульях – два оперативника.

«Могу я поговорить с Меньшовым?» - обратился к ним Александр.

Слева от него, между бушлатами, что-то пошевелилось. Повернув голову Александр увидел зека, с опухши, страдальческим лицом, но без видимых следов побоев оперся на стену, бережно обхватив свой живот двумя руками.

«Сначала мы с ним поговорим», – сказал один из “оперов” удивлённо глядя на психолога, они явно не ожидали его здесь видеть.

«Как скажите...», - Александр закрыл за собой дверь.

Заложив руки за спину, он начал прохаживаться по коридору, здороваться с осуждёнными и посматривать по сторонам.

Минут через пять два “опера” вышли из кабинета и косо посмотрев на Александра вышли из барака.

«Как Вы себя чувствуете, господин Меньшов?» - спросил Александр войдя в помещение и закрыв за собой дверь.

«Хреново. Мне, похоже, все внутренности отбили. Ссу кровью».

«Порез на шее я могу увидеть?».

«Да он замотан. Мне бы не хотелось...».

«Вы из этой ситуации сможете выпутаться? К покойной бабушке, я надеюсь, не собираетесь переселяться?».

«“Опера” пообещали, что выберусь».

«Ну, хорошо. Выздоровливайте».

«Спасибо, что зашли, гражданин психолог. Не ожидал. Приятно...».

ГЛАВА 28.

«Саня, там Венков “вскрылся”. Ты начинай оформлять его на проф. учёт» - сказал Александру заместитель замполита странно улыбаясь.

«Где он?» - Александр хотел выругаться матом, но сдержался.

«Да какая разница? Ты оформляй его. Ты же должен его оформить».

«Где он? В больничке? Мне в любом случае необходимо его увидеть».

«Ну зачем тебе это?».

Александр отмахнулся и надев куртку пошёл в мед. часть.

Зоновская больница была похожа на обычный, жилой барак, но с кабинетом врача. В ней не пахло лекарствами или гниющим телом, а пахло супом и ячневой кашей.

«Будьте любезны, подскажите, где я могу найти Венкова?» - спросил Александр у одного из осуждённых, вовсе не похожего на больного доходягу, а совсем наоборот, энергичного и весёлого, как и большинство обитателей “креста”, как называли в зоне медицинскую часть.

«Он Вам не нужен. Вы лучше, гражданин психолог, поговорите вот с ним. – Осуждённый показал на молодого татарина маленького роста, сидящего за столом и ковыряющего ложкой в тарелке. – Вбил себе непонятно что в голову и жить не хочет. Ходит смурной, всё о своей семье думает, на отряд идти боится. Он так долго не протянет. Вы лучше ему помогите».

«А по какой статье он сидит?».

«Барыга. Наркотой торговал».

«А Венков где? Помощь ему оказали?».

«А что с ним? Я только сейчас видел...».

«Мне сказали, что он “вскрылся”».

«Да тут он где-то был...».

«А где я могу с ним поговорить?».

«Вон та палата пустая. Сейчас я его позову».

Чистая комната с белыми стенами, вдоль которых расставлены панцирные кровати без матрацев. Александр присел на краешек одной из них.

«Кто Вам сказал, что я вскрылся!?» - в палату вошёл худощавый зек неопределённого возраста.

«Заместитель замполита. Бинтов не видно».

«Я не резался. Я понимаю, зачем это гондону Писечке, а Вам это зачем? Зачем Вы “ведётесь” на эту “шнягу”?».

«Я не понимаю о чём Вы говорите».

«Не понимаете? Как будто Вы не знаете, что меня уже неделю “мурыжат”. Посылайте на хер тех, кто скажет, что я “вскрылся”».

«Заместителя замполита послать? У меня нет такой возможности».

«И его тоже. У меня СПИД на последней стадии, я чувствую, как лопаются клетки моего организма, а надо мной издеваются».

«Вы сказали Писечка, а это кто?».

«Романов. “Опер”. Он мою вину доказать не может, а “мурыжит”».

«Значит Вы не “вскрывались” ...».

«Я же сказал, что нет!».

«А почему его называют Писечка?»

«Ведёт себя так. Весь такой с модной причёсочкой, улыбается слащаво. А по поступкам...».

«Хорошо, пойдёмте к замполиту, пусть объяснит поведение своего подчинённого. Почему Романов к Вам прицепился?».

«Генерала ждут. “Шмоны” по всем отрядам. Писечка нашёл брагу в пожарном ящике с песком возле нашего отряда.

«А Вы виноваты?».

«Вину доказать надо».

«У вас, на третьем, сейчас начальник Черемисов? Я поговорю с ним. Пойдёмте к замполиту».

Пересекая с зоновский двор, Александр увидел Горского спускающегося с крыльца соц. отдела.

«Пойдёмте Александр», - сказал Сергей Сергеич, подойдя к нему и крепко ухватив его за локоть.

«Куда?».

«В штаб. Там случилось кое-что похуже. Точнее, скоро случится. Возвращается из декрета старший психолог. Мне нужно Ваше присутствие».

«Зачем? Даши недостаточно?».

«Очень прошу Вас, пойдёмте», - настаивал Горский.

В штабе, в психологическом кабинете, они застали Дашу грызущей яблоко и слушающей музыку. У Горского зазвонил телефон.

«Да... Вот, мы все в сборе. Можете зайти. Хорошо... Сейчас вы познакомитесь со старшим психологом. Она сейчас в отделе кадров и звонила мне оттуда» - сказал Сергей Сергеич, усевшись на один из стульев.

«Яльяева выходит из декрета?» - спросила Даша.

Сергей Сергеич тяжело вздохнул.

«Здравствуйте. Меня зовут Эльмира» - сказала крупная брюнетка с волевым подбородком войдя в кабинет.

«Даша».

«Александр».

«Сергей Сергеич, вот рапорт о моём досрочном выходе из декретного отпуска. Замполита нет, но можете подписать и Вы. Подпишите вот здесь».

«Да... А что написать...».

«Напишите или “не возражаю”, или “ходатайствую”».

«Да...», - Горский начал рыться в своём телефоне ища в этом спасение.

«Сергей Сергеич, мне можно в гражданской одежде ходить, или я должна ходить в форме?» - нависая над Горским спросила Эльмира.

«Да... Вы читали приказ двести тридцать восемь?» – Горский начал кусать согнутый указательный палец правой руки.

«Читала. Значит я буду ходить в гражданской одежде, а форму я буду вешать в кабинете», - сообщила Эльмира.

«Да... Я думаю, что Вы разберётесь», – глаза Горского увлажнились и забегали как мыши.

«И ещё одно. По закону, если есть маленький ребёнок, до полутора лет, то выделяется время на кормление ребёнка. Я буду уходить на час раньше».

«Да... Если по закону так, то... конечно», – Горский склонился к столу и начал ещё интенсивнее грызть палец.

«Я выхожу в начале следующей недели, что мне нужно взять с собой».

«Автомат Калашникова», – сказал Александр и улыбнулся Эльмире.

«Он всегда со мной».

«Да... Ничего особенного... и не нужно», – держа палец во рту ответил Сергей Сергеич.

«Тогда я пойду. До свидания».

«Да, да. До свидания», – с облегчением, вынув палец изо рта, попрощался Сергей Сергеич.

Яльяева вышла из кабинета.

«Ну как вам наш старший психолог», – глядя на дверь, словно боясь, что она вернётся, спросил Сергей Сергеич.

«Жёсткая», – ответила Даша.

«А мне она понравилась. Не вижу никаких проблем», – сказал Александр.

«Вы с ней не соскучитесь! С ней не забалуешь... Сейчас я Вам, Даша, о ней расскажу. Она вышла замуж и не взяла фамилию своего мужа. Я не удивлюсь, если это он взял её фамилию. Ну, это-то ладно. Но какой она психолог!? Она устроилась к нам, в психологическую лабораторию, проработала чуть-чуть и перевелась в Управление, и там работала фотографом. Или... в пресс-центре. Ну да! Там! У нас занятия были на стадионе, а она пришла с огромным фотоаппаратом, – Сергей Сергеич развёл руки в стороны, как заядлый рыбак показывающий размер пойманной рыбы. – Я ещё удивился тогда. Она, такая, Кабанина в молодости. Это замечательно. Кабанина будет приезжать к нам с проверками, а Яльяева будет её строить. И какая наглая! Уходить на час раньше положенного!».

«Мне кажется, – заметил Александр, – что это нормально для молодой матери, заботится о своём ребёнке».

«Это всё Ваши фантазии!» – скороговоркой выпалил Сергей Сергеич.

«Ну... я так думаю», – ответил Александр.

«Я ещё раз повторяю, это Ваши фантазии! Вы видели её страничку Вконтакте!?».

«Нет».

«Помните, мы с Вами смотрели», – заметила Даша.

«Не помню».

«Давайте вместе посмотрим! – Горский открыл страничку Яльяевой. – Смотрите, где Вы здесь увидели мать? Это вот мать пишет... А это... А вот это...».

«Да, мужа она держит в кулаке», – сказала Даша.

«Она и сотрудников будет держать в ежовых рукавицах, – Горский показал Даше кулак. – Наденет рукавицы из меха ежа и вот так! Вот так!».

ГЛАВА 29.

«Александр, ставьте Венкова на проф. учёт?» - распорядился Сергей Сергеич.

«На каком основании?».

«Какое основание? Разве он у нас не проходил ОСР? Посмотрите по журналу».

«Сергей Сергеич, у нас есть осуждённые, которые вообще не были в психологическом кабинете. Вы же знаете. Вполне возможно, что Венков ни разу у нас не был. На каком основании мы его поставим на проф. учёт?».

«Его необходимо поставить».

«Ради чего мы должны плясать под оперативную дудку? Даже если не принимать во внимание морально-этическую сторону этого дела... Венков напишет жалобу прокурору и...».

«Уже написал. Точнее не он, а его мать. Тряпка».

«Кто?».

«Венков. Под мамкину юбку спрятался. Маменькин сынок. Ненавижу таких. Будь мужиком, сам решай свои проблемы! Попался операм – отвечай!»

«Вполне логичный ход. Не вижу ничего предосудительного, что мать помогает сыну. С воли это сделать проще. Зачем это Вам? Венкова согнуть не получится».

«Да знаю я. Романов по-другому не умеет. Тоньше нужно работать, тоньше. Но он же тупой, как пробка. Надеюсь, что его товарищи, опера, ему по ушам надают».

«А что там с Цокуром? Меня, вчера, из-за него, хотели ночью вызвать. Говорят, что хотел вскрываться».

«Поспрашивал».

«И что?».

«У него конфликт на отряде с бывшим “смотрягой” Смирновым. Вещи пропадали. Его хотят в ПКТ закрыть, пока всё не уляжется».

«У своих крал что ли?».

«Нет, он осведомитель штатный. По его “наводкам” вещи изымали. Говорят, что его хотят в “барыги” перевести. Когда-то болтанул, что однажды наркоту толкнул».

«Так он барыга и есть...».

«Вот его и хотят на шесть месяцев закрыть, пока всё не уляжется».

«Навалилось на нас что-то...», - Горский забарабанил пальцами по столу.

На общем дворе, втиснутая между бордюрами, желтела подмерзшей травой небольшая лужайка, один из последних “зелёных” островков. Вооружившись большими портняжными ножницами два

зека, передвигаясь по-гусиному, подстригали желтую траву. Часто останавливаясь, примеряясь к ранее подстриженной траве, старались выдерживать один уровень. Было заметно, что они выполняли порученное их задание с азартном, относясь к нему, как к игре.

В кабинет вошёл дневальный.

«Сергей Сергеич, я почти договорился насчёт подрамника в псих. разгрузку. Но не совсем договорился... но, думаю, что договорюсь».

Горский, вдруг, решил украсить комнату психологической разгрузки большой картиной. Предполагалось, что она будет написана зоновским художником маслом. О чём, уже несколько дней, Горский вёл переговоры с художником посредством дневального, о количестве и качестве требующихся красок, о кистях, холсте и плате за труд. Переговоры шли сложно, так как Сергей Сергеич пытался сбить назначенную художником цену, краски хотел купить дешёвые, а кисти не хотел приобретать вовсе. Художник нервничал и требовал предоплату, ожидая подвоха. Дневальный взял на себя труд изготовит на пром. зоне подрамник и раму, конечно же за счёт Горского.

«Александр, а давайте сходим на “промку” вместе, – предложил Стас, - и я как раз договорюсь по подрамнику. Дело такого рода, что у меня нету выхода в “промку”, а с Вами как раз пропустят».

«Можно и сходить. Сергей Сергеич нас слышит, а значит в курсе».

«А почему нельзя пригласить человека к нам, и здесь поговорить? – Горский напрягся. – Можете наедине поговорить».

«Да здесь говорить, это не то! – Стас начал эмоционально размахивать руками, пытаясь придать своим словам вес и значение. – Я не Косяк! Я если за дело берусь, то до конца довожу! Леса нормального в зоне нет! Сейчас нам подсунут какую-нибудь херню, сосну, например!»

А сосна в таком деле не “канаает”! мне нужно самому посмотреть, с людьми поговорить!».

«Вызовите его сюда».

«Да там же лучше!».

«Нет, будет так, как я говорю, или никак...», - Горский старался остаться спокойным, но его скулы побледнели.

«Ну, как знаете! Тоже мне!» - дневальный хлопнув дверью вышел на крыльцо соц. отдела и закурил.

«Александр, я что-то не то сказал? – Озадачился Сергей Сергеич. – Такое ощущение, что я его оскорбил».

«Я даже не знаю. Может быть, это только предположение, если Стас сам пойдёт в “промку”, что он пришёл к тому, кто будет изготавливать подрамник с уважением, вроде как – “наше вам с кисточкой”. А если его вызвать, то мы, вроде как, ставим того человека в подчинённое положение».

«Кто его знает...».

Выкурив сигарету дневальный вернулся в кабинет.

«Ладно.... Чего не сделаешь для общего дела. Пишите “квиточек”.

– Распорядился дневальный. – Вы бы, Сергеич, лучше паутину посметали по углам. Приличному человеку в кабинет зайти стыдно».

Сергей Сергеич выхватил из стопки “квиточек”, быстро заполнил его и протянул дневальному.

«Александр, Вам не кажется, что наш дневальный охамел?» – спросил Горский после ухода дневального.

«Кажется».

«Вы могли бы поговорить с ним. Мне сейчас некогда, да и голова забита другим. Вас не затруднит?».

«Хорошо, я поговорю, но это Ваша обязанность поддерживать дисциплину и субординацию. Мне, гражданскому...».

«Я же Вам говорю, что у меня сейчас голова другим занята».

В коридоре матерно заорал заместитель замполита грозя кому-то проломить голову.

Александр и Горский притихли, прислушиваясь к тому, что происходило за дверью.

Поматерившись вволю заместитель замполита хлопнул дверью комнаты ОВРО так, что едва не вышиб её цветные стёкла и вышел во двор.

«Пойдите, посмотрите, что там произошло», - не глядя на Александра попросил Горский.

«Что здесь произошло?» - спросил Александр у белобрысого зека стоявшего посередине комнаты ОВРО и зло разговаривающего с Кислым и Плюсом. Плюс копался в разобранном системном блоке, а Кислый, как обычно, не был занят ничем.

«Что здесь произошло? – Повторил вопрос Александр. – Что за крики? Это заместитель орал?».

Кислый гаденько захихикал.

«Как Ваша фамилия?» - спросил Александр у белобрысого.

«Гагаров, гражданин психолог».

«В чём причина конфликта?».

«Должен был быть суд, но его перенесли. Почему перенесли, я не знаю. По громкой связи меня вызвали за десять минут до суда, который должен был начаться в двенадцать сорок, а я попал сюда в пять минут второго. В моём деле “боков напороли”, я уже год пересидиваю. Я пришёл и задал ему вопрос, почему так всё получилось. Дальше Вы слышали. На меня нельзя орать, я очень нервный, у меня проблемы с головой».

«Подождите, никуда не уходите. Я сейчас».

Александр вернулся через минуту и протянул Гагарову горсть шоколадных и пять сигарет.

«Не надо...».

«Я прошу Вас, возьмите. Только не нужно нервничать».

Спрятав сигареты в карман бушлата, а конфеты бросил на стол перед Кислым.

«Что там было?» - спроси Горский.

Александр в двух словах рассказал ему о произошедшем.

«Вот гадёныш! Подставляет нас. Представьте, Александр, если бы этот Гагаров пошёл и удавился, или, что ещё хуже, зарезал бы заместителя. Случай был, года четыре назад. Да Вы, наверное, знаете. Должен был приехать проверяющий. “Хозяин” распорядился никого из зоны не выпускать, не знаю почему, но и сотрудники должны были пару часов не выходить из зоны. Этот придурок, заместитель, ничего об этом не зная, в обеденный перерыв пошёл на волю. Его, естественно, на проходной не пускают. Он давай орать, что нарушают его гражданские права, начал бросаться на решётку, материть всех подряд. Его послали на три буквы, он вообще начал пеной исходить, как бешеный. Еле успокоили. Скажу Вам больше, его и от блатных, при Украине, прятали.

Он повадился блатных на хуй посылать. А как можно смыть такое оскорбление? Только кровью заместителя. Еле разрулили».

В дверь постучали и в кабинет вошёл жуликоватого вида зек.

«Вызывали?».

«А Вы кто?» - спросил Горский.

Зек показал “квиточек”.

«Вам нужно поговорить с нашим дневальным, он где-то в зоне», - подсказал ему Горский.

Минут через сорок в кабинет вошёл дневальный.

«Сергеич, дело такого рода, что я обо всём договорился. Сосна однозначно не “канаает”, а будет белая липа. Белая липа – это уровень! Я, вообще, хотел орех, но ореха мало. Не дадут нам орех. Но, белая липа – это уровень. Он предлагал часть подрамника сделать из ореха, а часть из сосны, но я на такое не согласился. Будет всё из белой липы. И подрамник, и рама, всё из белой липы. Можно было бы подрамник сделать из сосны, но я на это не пошёл! Рамка будет “офигенная”! Лаком вскрыют, наждачкой пройдут. Вот эта рамка на стене, это “отстой”! Как вы ещё в эту “отстойную” рамку Путина “впёрли”? Я удивляюсь. А эта рамка будет “офигенная”, уж они постараются, поверьте мне! И за всё это произведение искусства, всего лишь, восемь пачек сигарет и “вагон” кофе».

«“Вагон” – это спичечный коробок?» - спросил Александр.

«Нет, “вагон” – это... Знаете, раньше был зубной порошок в таких круглых коробочках. Так вот, это и есть “вагон”. Только кофе должен быть заварной».

«А художник потом на него холст натянет?» - обеспокоенно спросил Сергей Сергеич.

«Да что там тянуть!? Простыню натянет и отлично!».

«Мне ему ещё краски покупать...», - загрустил Горский.

«А краски дорогие, кстати, – Стас посыпал солью открытую рану Горского. – Если масло, да ещё и кисти, это тысячи на три».

«Да там этих красок на картину уйдет вот столько. – Горский показал ноготь своего мизинца. – Он рассчитывает, что остальное ему останется. Он их на другие заказы пусти. Жить-то как-то надо...».

«В любом случае, Сергеич, это обойдётся дешевле, чем на воле покупать».

«Стас, почему они газон ножницами подстригают?» - спросил Александр.

«Ну а че ещё? Нет же ничего. Договорились с портным, он им свои старые ножницы “подсуетил”. Дело такого рода, что и бордюры известью белят, и “шмон” по всем баракам на счёт мусора и “запрета”. Только зря это всё. Дело такого рода, что “запрет” как был, так и останется. Испокон веков... Приедет генерал, а потом уедет и всё будет по-старому».

«Не скажите, Стас, не скажите, – глядя в свой стол сказал Сергей Сергеич. – Перед заходом в зону начали “шмонать” Отдел безопасности».

«Опера?» - уточнил дневальный.

«Ну, а кто ещё?».

«А вас ещё не “шмонают»?».

«Пока нет, а там, кто его знает?».

ГЛАВА 29.

Закончился очередной, похожий на все остальные, рабочий день. Александр прошёл мимо строя мужиков, выстроившихся за воротами цеха в ожидании поверки, и направился к выходу из зоны. Не успел он дотронуться до кнопки электрического звонка, как услышал голос оперативника Писечки: «Психолог, подойди».

Писечка стоял около входа в оперативный отдел, рядом с ним “крутился” дневальный оперативного отдела.

У Александра неприятно кольнуло в груди, утром он забыл сдать кошелёк, в котором лежало двести восемьдесят рублей.

«Пойдём психолог, – сказал Писечка. – Сейчас будет осуществлён досмотр твоих личных вещей».

Они поднялись по лестнице на второй этаж, вдоль длинного коридора, выкрашенного в тёмный цвет, с двух сторон, кабинетные двери мягко бугрились дерматином с войлочной подкладкой.

Открыв одну из дверей Писечка пропустил психолога вперёд и закрыл за собой дверь.

«Что там у тебя в карманах и сумке? Выкладывай», - по-хозяйски распорядился Писечка.

Вздыхнув, Александр выложил на стол ключи, кошелёк, металлический термос из сумки, тетради, цветные и простой карандаши, блокнот.

«О! - оживился Писечка увидев кошелёк. – Запрещённые вещи на режимный объект заносим? Сколько там?».

«Дело такого рода, - начал Александр, - что я забыл его сдать утром. Там чуть больше двухсот рублей. Две бумажки по сто, а остальное мелкой монетой».

«Разберёмся...», - Писечка раскрыл кошелёк, вытащил из него деньги, прощупал и измял, все его складки. Зачем-то посмотрел на свет одну из купюр.

«Ладно, садись, пиши объяснительную», - сказал Писечка и сгрёб деньги обратно в кошелёк.

«Какую объяснительную?».

«Как это какую? Пиши подробно, как заносил деньги, кому они предназначались, для каких целей. Излагай всё подробно, понятным почерком».

«Зачем тебе это нужно?».

«Вам, психологам, закон не писан? Пиши, говорю».

Александр присел на стул, стоявший около стола, но писать ничего не собирался.

«Слушай, психолог, уже рабочий день закончился. Давай, это самое, по-хорошему. Ты напиши объяснительную, я положу её в сейф, и на этом попрощаемся. Что тебе стоит? С тебя, что, убудет?».

«Не убудет, но писать ничего не хочу. Недоразумение...».

Писечка зло посмотрел на Александра и достал из сейфа чёрный полиэтиленовый пакет и протянул его Александру: «Смотри, психолог. Нравится?».

«Что это?» - спросил Александр беря пакет в руки.

«Ну, посмотри. Ты сотрудник, я сотрудник, неужели не договоримся?».

Александр вытащил из пакета шахматную доску небольшого размера, украшенную искусно вырезанными завитушками.

«Ты открой её, открой. Посмотри, что эти идиоты внутри выжгли. Ничего доверять нельзя. Всё испоганят своими знаками. Зачем они туда кота “втулили”?».

Александр открыл доску, внутри оказались ячейки для фишек. На одной половинке выжигателем нарисовано Ласточкино гнездо, на другой – кот в цилиндре с картами в руках.

«Нравится?» - спросил Писечка.

«Тонкая работа».

«Ничего тонкого. Работа “беспонтовая”, на троечку. Все эти завитушки делаются быстро. Другое дело, настоящие нарды. Ты, психолог, ещё не видел настоящей работы. А это так... Ну, клади обратно в пакет. - Писечка положил его обратно в сейф, уселся на свой стул и пододвинул поближе к психологу лист бумаги и ручку. – Пиши, как внёс деньги в режимный объект и хотел вынести нарды».

«Та вы что тут, вообще...», - Александр побледнел.

«А вот матерится не надо. Ты что думаешь, что это ты нам нужен? Ты никто и звать тебя никак. Пиши, как договаривался с вашим дневальным, как он ходил на “промку”, сколько пачек сигарет заплатил за работу, как бригадир сувенирного цеха взял у тебя сигареты и изготовил тебе нарды. Или ты рассчитывался с ними “воздухом”? То есть деньгами».

Александр принюхался, пытаясь уловить запах алкоголя, исходящий от оперативника.

«Ты нам не нужен, но, если ты рассчитываешь остаться чистеньким, то это у тебя не выйдет. Пиши подробно, а я тебе

продиктую. Давай, давай. Нам здесь чистюли не нужны. Все в дерьме, а ты в белом? Твои отпечатки пальцев на доске остались? Остались. Я сейчас зеков позову, в качестве понятых, пообещаю им УДО, и они всё подпишут и напишут. А потом мы вызовем полицию. ФСБ, я думаю, будут лишними, а вот полицейские, в самый раз. И вклеят тебе по совокупности, на пару лет. Пиши давай, рабочий день уже закончился».

«Узнаю Ваш почерк, господин Романов. Провокации, “подставы”... Грязно это всё».

«А как ты хотел, мы тут по уши в дерьме! Контингент ты сам знаешь какой. Кстати, пока не забыл, что там тебе интересного Венков рассказывал?».

«Это тот, которого ты “мурыжил” за брагу? Я, хотя и не очень-то хороший, но всё-таки психолог. А психологу “стучать” на клиентов психологического кабинета “западло”. Или ты думаешь иначе? По себе судишь, Писечка?».

«Как ты меня назвал!? Падла... И я из-за тебя буду нервы свои тратить? - оперативник набрал мобильный телефон. – Это Романов. Да. Психолога не выпускайте. Да. Он пока задержан. Ага».

Александр взял ручку и начал писать заявление об увольнении по собственному желанию.

«Я на проходную позвонил, тебя не выпустят. Что ты там пишешь?».

Александр не ответил, продолжая писать.

Романов перегнулся через стол вчитываясь в написанное Александром.

«Э нет... Ты теперь, из принципа, напишешь “чистуху”, о том, как нарушал закон в режимном объекте. Писечка... Я тебе покажу, кто из

нас Писечка, а кто сотрудник Федеральной службы исполнения наказания».

«Меня уже достала эта организация. Уже вот так, аж “хлюпает”, – Александр провёл ладонью по собственному горлу. – Никакой “чистухи” я писать не буду. Романов, о твоих методах я наслышан. Тебе и “погремуху” такую “прилепили”, потому, что ты ей соответствуешь».

«Давай, давай, говори. Всё что ты скажешь будет использовано против тебя. Устроили там у себя в этой вашей лаборатории игры в откровенность».

«Романов, тебе Горского недостаточно? Я знаю, что он плотно с вами работает. Чего вам ещё нужно. Чтобы все психологи были штатными “стукачами” опер. отдела?».

«А как иначе? Во всём должен быть порядок. Все должно быть под контролем. Знаешь, люди какие уроды? О! А как держать под контролем, если каждый будет жить так, как понимает. Без надзора. У нас много глаз и много ушей. Чё ты “кобенишься”? Давай так, ты допишешь заявление по собственному, коли начал его писать, а потом напишешь “чистуху”, так, на всякий случай. И сопи в две дырки, работай дальше. Как тебе такой вариант? Ты пойми, если ты попал в этот кабинет, то все будет не так, как ты считаешь правильным, а так, как я считаю правильным. Я просто не могу по-другому. Сейчас ты откажешься, потом другой, потом третий, и к чему мы придем? На режимном объекте не может быть анархии, а в зоне не может быть свободы. На то она и огорожена колючей проволокой, чтоб свободы не было. Ты себя неправильно воспринимаешь. Ты должен думать о себе, как о сотруднике, помогающем поддерживать порядок в режимном учреждении. Ты не психолог, ты сотрудник федеральной службы исполнения наказания, прежде всего. Хотя и гражданский».

«Нет, я прежде всего психолог. А то, что я работаю здесь, это, как я чувствую, досадное недоразумение».

«Ты не спеши, подумай хорошенько. Я могу тебе жизнь поломать в одно касание. Ладно ты, а о своей жене ты подумал? Что с ней будет, если тебя посадят? Ты пойми, для меня самое важное в жизни, это честь сотрудника оперативного отдела, а сохранить я её могу, если другие, и зеки, и “менты”, будут нас уважать и бояться».

«Интересное у тебя понимание уважения и чести. Не скажу, что удивлён. Ладно, Романов, погорячились и хватит. Заканчивай этот цирк. Звони на проходную, пусть меня выпускают».

«Ты приказывать, знаешь, где будешь? Жену свою варить борщ будешь учить. Ты думал, что в сказку попал? Не вписываешься ты в наши стройные и дружные ряды, не вписываешься.... Мы, одна система, монолит. Ты думал, что зеки – это клиенты, а ты психолог, который слушает их проблемы, или как там у вас происходит.... Я тебе втолковываю, а ты меня не слышишь, ты не психолог, ты сотрудник. И если ты этого не понимаешь, тебе у нас делать нечего. А “чистуху” ты напишешь, на всякий случай. Мало ли, что тебе зеки наболтали, чтоб у колонии проблем не было. Пиши и иди домой, а завтра “хозяин” будет решать, что с тобой делать. Короче, я сейчас закурю, и пока до фильтра не дойду, у тебя будет время подумать», - Писечка закурил и выпустил изо рта сизое табачное кольцо.

«Да пошли вы все.... Давай бумагу».

«Давно бы так».

Оперативник докурил одну сигарету и закурил другую, а Александр писал о том, как он самостоятельно пришёл в сувенирный цех и договорился с неким осуждённым по имени Михаил, о том, что за

шесть пачек сигарет этот Михаил сделает ему нарды, а двести восемьдесят рублей он внес на территорию зоны случайно.

«На читай», - он протянул Романову лист с “признанием”.

«Что это ты понаписал? – спросил оперативник, пробегая глазами по чернильным строчкам. – Какой еще Михаил? Там нет таких. Что это за ересь?».

«Вызывай “ментов” пусть разбираются».

«Завтра, когда “хозяин” спросит моё мнение по поводу тебя, я скажу ему, что тебя нужно уволить. Иди отсюда».

Выйдя за ворота зоны, Александр, впервые за много месяцев, почувствовал себя свободным.